

ISSN0868-698X

СТОЛИЦА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

№ 30 (192) 1994 г.

**ПРИВАТИЗАЦИЯ
В МОСКВЕ:
Лужков лес
рубят —
от Чубайса
щепки летят.**

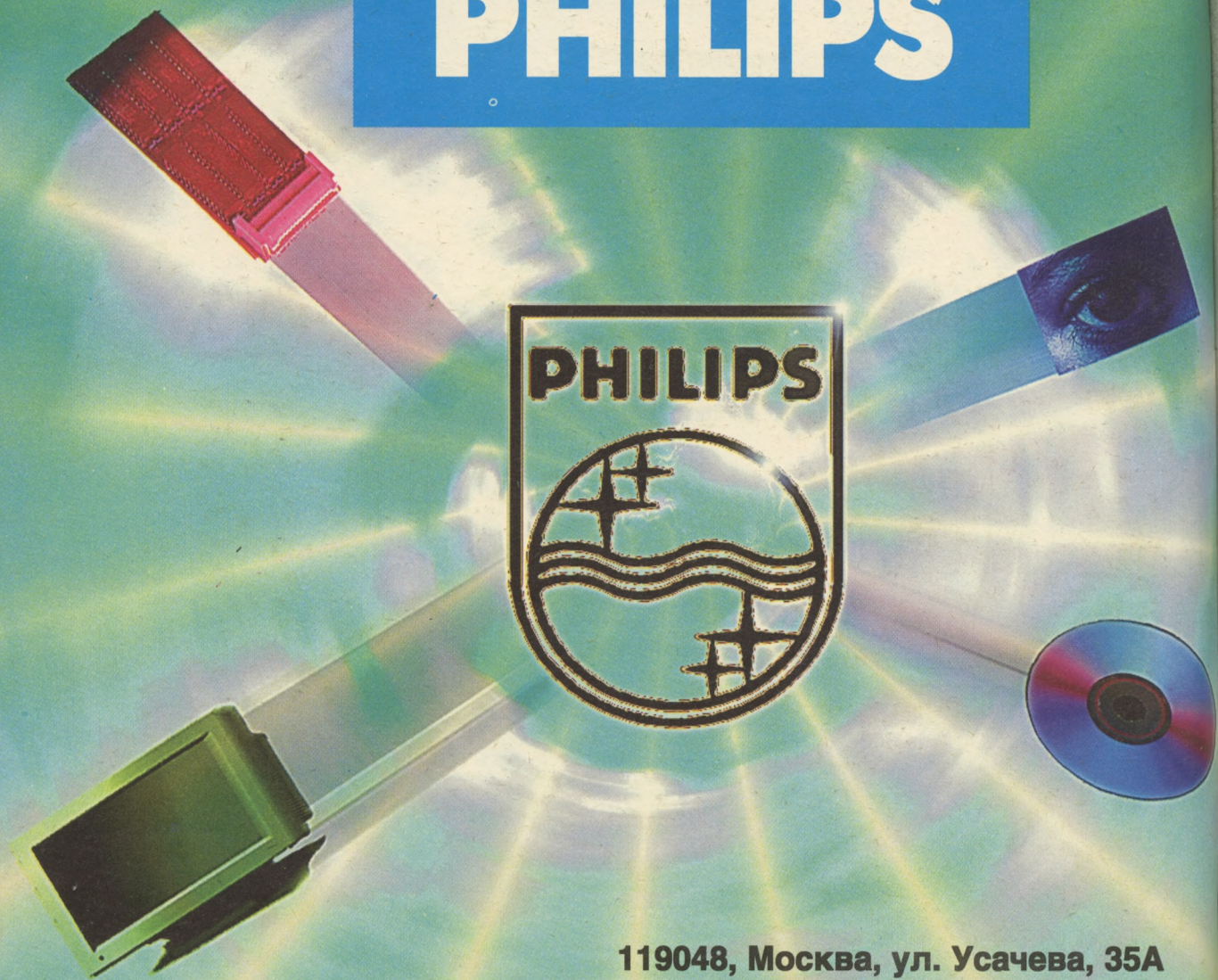
Лsn 76878

STAATS-
BIBLIOTHEK
ZU BERLIN

МОСКВА

ВСТРЕЧАЕТ

PHILIPS

119048, Москва, ул. Усачева, 35А

Тел.: (7502) 224 1579 (ext)

(7095) 564 8319

(7095) 584 8323

Факс: (7502) 224 1579

(7095) 564 8319

Philips Consumer Electronics

В НОМЕРЕ

4 Александр КАСАТОВ:

У народов, в отличие от правительств, своя геополитика и свои стратегические интересы.

48 Елена КАМБУРОВА:

«Меня учили петь сами песни».

8 Леонид РАДЗИХОВСКИЙ:

Лужков — живой символ «новых русских», нового купечества, неудержимо идущего вверх, разламывая асфальт старых отношений, живой символ русского первоначального капитала.

Как им обустроить Белую Русь?

Фоторепортаж 4

Деньги давай!

Валерия Новодворская 7

Политика

Строитель храма 8

Леонид Радзиховский

Тупик демократии 12

Николай Троицкий

Бюджет плох, но 15

такое бюджет

Интервью с академиком

Алексеем Емельяновым

Золотая рыбка мира 16

и согласия

Владимир Воронов

Экономика

Ни страны сменить, 20

ни темы

Леонид Шпигель

Жизнь

Русские пришли! 25

Сергей Чупринин

С точки зрения шамана 27

Интервью с руководителем

Московского шаманского

центра Десей Дян

Нижний мир 29

Владимир Гоник

Цветная красота 36

Николай Бахрошин

Дырка на пятке, 38

на локте заплатка...

Юнна Чупринина

Олимпийский огонь 40

на Колхиде

Алексей Митрофанов

Русский сезон в НХЛ 42

Игорь Фейн

Культура

«Меня учили петь 48

сами песни»

Елена Камбурова

Наш «Пресс-экспресс» 54

вперед летит

Муза двух гениев

Анатолий Медведенко 55

Каин и Бабель

Дмитрий Быков 60

Дикie животные сказки

Людмила Петрушевская

Собрание сочинений 63

Игорь Иртеньев

Живописные серенады

Рашида Доминова

Вильям Мейланд 64

Письма 2

Цитатник 19

С миру по нитке 46

Дневник И. 52

Антресоли 58

На первой странице обложки фото ИТАР-ТАСС, дизайн С.Стыриковича

60 Дмитрий БЫКОВ:

К своему столетию Бабель подходит канонизированным, но эта канонизация особого толка. Как и при жизни, ему многое «прощается» за гениальность. Гениальность очевидна — перед нами стилистическое чудо, ярчайшее световое пятно, страшная плотность слов, густота красок, запахов и звуков.

55 Анатолий МЕДВЕДЕНКО:

«Образ Галы, — сказал как-то Дали, — не просто изображение женщины... В нем обаяние и некая женская непостижимость, загадочность русской души».

Общественно-политический иллюстрированный еженедельник

Москва, 101425, ГСП-4, Петровка, 22

Телефоны: 928-23-49, 921-67-45

Телефакс: 921-29-85

Телекс: 413739 autp

Журнал «Столица» выходит еженедельно с августа 1990 г. Зарегистрирован Комитетом Российской Федерации по печати 25 октября 1993 г. (№ 0110344). Учредитель: редакция журнала «Столица».

Главный редактор: Андрей Мальгин

Заместители главного редактора:

Консуло Сегура, Петр Смирнов, Владислав Старчевский

Коммерческий директор: Юрий Бычков

Директор издательства: Борис Рабкин

Ответственный секретарь: Анатолий Остроухов

Отдел общественно-политической жизни: Александр Касатов

Отдел экономики и науки: Елена Эрикссен

Отдел правовых и морально-этических проблем: Николай Бахрошин

Международный отдел: Андрей Голубов

Отдел искусств: Татьяна Савицкая

Отдел литературы: Дмитрий Быков

Отдел репортажа: Владимир Грибанов

Отдел писем: Наталья Туровская

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантекст—2000», поставленной фирмой «Аутопан»

Номер подписан в печать 22.07.1994 г. Тираж 87 000 Цена договорная

Над номером работали: В. Старчевский, А. Пружинина, Л. Коновалова, И. Цыцарева

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. При перепечатке ссылка на «Столицу» обязательна. Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о размещении рекламы звоните по телефону: 923-19-71

По вопросам распространения обращайтесь по телефону: 928-27-69

© «Столица», 1994

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе «Московская правда», ул. 1905 г., д. 7. Зак. 1839

Свой век они служили своему веку

Говорят, смерть не выбирает, ей безразличны национальность, пол, профессия, она не спрашивает ни паспорта, ни диплома. Может, это и так. Сегодня в огне национальных, политических и попросту уголовных конфликтов, терзающих нашу страну, гибнут сотни, тысячи людей. Это — настоящая трагедия. И страшные фотосвидетельства этих событий, отрывочные кадры кинохроники, прорывающиеся сквозь треск автоматных очередей радиорепортажи делают обычные люди, для которых цель жизни, если хотите, — помочь нам разобраться в том, что с нами происходит.

Потери среди журналистов ничтожно малы, по сравнению с общим числом жертв, но справедливо ли такое сравнение? Всего 56 человек за 1993 год, из них 23 — в СНГ. Всего...

Для тех, кто стреляет сегодня друг в друга, журналист уже не сторонний наблюдатель, не фиксатор событий — он враг. Но, зная о том, что «человек с камерой» превращается на поле боя в живую мишень, он все равно идет на смертельный риск. А мы что же? Неужели мы стали рядовыми статистами и, задавленные потоком информации, начали воспринимать каждую новую смерть как неизбежную закономерность? Неужели мы не можем оценить его благородство, его преданность своему долгу, его мужество?

Тяжело читать мартиролог погибших журналистов. С этим мы вместе учились, с этим — работали, а этот — был просто друг на всю жизнь... Как это страшно — был... В памяти всплывают старые кадры: журналист снимал бой, бежал вместе с солдатами, и вот — он падает, а чудом не разбившаяся камера продолжает делать то, что больше всего на свете любил этот парень, ради чего жил. Она продолжает снимать...

Мы, журналисты, не избалованы вниманием властей пререждущих — внимание это, скорей, адресовано средствам

В.МОЛЧАНОВ — независимый тележурналист; **О.КАКУЧАЯ** — директор студии «Публицист» ТВ «Останкино»; **М.ДЕНИСОВА** — телеобозреватель газеты «Известия»; **М. МАРГОЛИС** — «Куранты»; **И.ГУСЬКОВ** — радио «Европа Плюс»; **А.АБРАХИМОВ** — радио «Maximum»; **Ю.РОСТ** — «Литературная газета»; **Ю.ЗЕРЧАНИНОВ** — REN-TV; **В.СУХОМЛИНОВ** — первый заместитель председателя МКЖС; **В.БОГДАНОВ** — председатель Союза журналистов России; **А.СИМОНОВ** — председатель правления Фонда защиты гласности.

Средства на памятный знак погибшим журналистам направлять на расчетный счет Фонда защиты гласности:

Рублевый: р/с 700012 в ИКБ «Массмедиабанк», корп. сч. 2161539 в ГРКЦ ГУ ЦБ РФ г. Москвы, МФО 201791, уч. 83, «Памятный знак».

Валютный: р/с 0700400036/ USD в ИКБ «Массмедиабанк», корп. сч. 0010731607 для USD; корп. сч. 0010731607 для DM в Мосбизнесбанке г.Москвы, «Памятный знак».

«Молоткастый, серпастый...»

В 24-м номере «Столицы» очень своеобразная яркая заметка Алексея Ерохина «Хромоножка в Стране Лжецов». Маленькая цитата из нее: «Собственный паспорт — и тот брешет, так, видно, и помреть гражданином несуществующего государства».

Действительно, почему все мы уже довольно давно живем по фальшивым документам?

Недавно мне исполнилось 45 лет, пришла пора клеивать в паспорт новую фотографию. Паспорт в милиции у меня оставили вместе с двумя фото на неделю — совершенно спокойно, словно с этим документом все в порядке. Хорошо. Но почему семь дней будут клеивать фотографию? И куда клеивается вторая, которую я сдала? В мое личное дело, хранящееся в милиции, МВД или КГБ, ныне тоже уже вроде не существующем? И почему в 45 лет фотография последняя? Намек на то, что дальше жить не стоит? Или кто-нибудь думает, что я больше уже внешне абсолютно не изменюсь? Полный абсурд.

Вот сколько вопросов родилось от такого мелкого дела, как фотография в паспорте. Поэтому тысячу раз прав Ерохин, написавший: «Можно подумать, Родари нас выдумал».

Г.ИЗМАЙЛОВА

Новосибирск

Где здесь паровоз?

Говорят, что в спорах рождается истина, говорят...

Однако в нашей стране рождаемость упала, в том числе и в отношении истин в спорах. Винават в этом, конечно, перманентный кризис идеологии, поразивший мозг нации и притупивший у нее инстинкт самосохранения.

Но и не только.

Не кажется ли вам, уважаемый читатель, что и сами интеллигентные спорщики, бюшщиеся на печатных страницах различных изданий, на самом-то деле лишь машут воображаемыми мечами, льют клюквенный морс вместо крови и нанизывают мультипликационные головы врагов на колья: «Знайте, суки...» А на самом деле антагонизм их надуман, и, если, разобравшись, оппоненты при случае вполне могут зайти друг к другу в гости выпить чаю, одолжить до полочки.

Просто такова природа людей, ведущих публичный образ жизни. «Наглый» Минкин, «гордый» Павловский, «злой» Максим Соколов, «истеричный» Миша Леонтьев, «оппозиционный» Фурман, «космополитичный» Драгунский, да и сам «честный» автор — все обязаны оставаться в образе, как артисты, и гнать волну. Самое большее, на что мы способны практически, — это... распустить в узком кругу сплетню о своем оппоненте да не пригласить его на «свою» тусовку.

Хочется верить, что мы также не будем реализовывать временами проскальзывающие в наших текстах призывы «разбить их собачьи головы» — как, например, знаменитое леонтьевское «не допустить коммунистов до выборов». Хочется верить еще, что, несмотря на категоричность суждений, в быту мы все-таки первые ужаснемся хамству власти.

Таким образом, в системе аргументов по-настоящему интеллигентного человека изначально заложена мина. Это: а) неспособность точно следовать своим собственным заветам и б) скрытое нежелание, чтобы начертанный своею же рукой план социального порядка был отдан представителям другой социальной группы.

Из этого следует, что, в первых, и представляемый нами «план» неполон (он весь как бы в дырах, с обугленными краями и написан на тарбарском языке), а во-вторых, он и не план вовсе, а всего лишь проекция личной проблемы проектировщика на реальную жизнь. И если уж совсем серьезно отнестись к созданной различными оппонентами виртуальной реальности, то оказывается, что совершенно невозможно продрасть сквозь их аргументацию.

Действительно, вот спорят Фурман и Драгунский («Столица», № 27). Один — представитель оппозиции, другой — вполне лояльный гражданин. Но разве это спор?

О режиме. Фурман: «...нам виделся вариант еще более худший...»; Драгунский: «...как моралисту мне, естественно, многое не нравится в нынешнем режиме...»

Одному («оппозиционеру») кажется, что режим — чуть лучше худшего, другому («лояльному») — чуть хуже лучшего. Если мысленно продолжить линии полемики, мы в конце концов дойдем до пересечения. Я хочу доказать, что такое возможное пересе-

чение не случайно. Мое доказательство строится на аксиоме, что и Драгунский, и Фурман, и многие-многие другие интеллигенты — представители одной культуры, воспитаны на одних и тех же ценностях и являются носителями приблизительно одной и той же морали. Другого просто быть не могло.

Я беру на себя смелость утверждать: спор-то идет о своем месте в своем времени. И режим Ельцина здесь ни при чем. Ельциным, надо думать, история не ограничится, будет еще много чего интересного.

А Фурман и Драгунский каждый предлагает свою стратегию поведения.

По Фурману, «...задачей является каждый раз бросаться под колеса», таким образом выступать в роли естественного регулятора движения локомотива. По Драгунскому, надо наблюдать за паровозом из некой максимально удаленной точки, сохраняя себя как гипотетического пассажира и в своем лице сверхтонкую среду интеллигенции.

Независимо от того, какой смысл заключается в этих позициях, мне ближе Фурман, его пафос. Ведя полемику, он хоть и явно переигрывает Драгунского по очкам, зато Драгунский близок к тому, чтобы выиграть нокаутом. Политика — искусство возможного: «Я на стороне режима, потому что не вижу ему альтернативы». Но это, однако, всего лишь нокадаун.

Всегда во все времена представленные выше две позиции, две стратегии поведения не противоречили, а дополняли друг друга. Действительно, ведь невозможна «политика возможного», если никто не будет бросаться под паровоз. Бесполезно также бросаться под паровоз, если некому будет воспользоваться энергией нравственной молнии.

Классический пример: Мессия взшел на крест, но камень веры заложил Петр, три раза учителя предавший.

Таким образом, речь идет о симбиозе оппонентов, делающем весь спор бесперспективным, а консенсус — недостижимым в принципе. Истина в споре и не ночевала. Простите, но где же здесь паровоз?

Сергей ЭМОВ

Москва

Льготная подписка

Уважаемые
московские
читатели

«Столицы»!

Если вы имеете возможность
приезжать за нашим журналом
в редакцию, мы подпишем вас
на второе полугодие 1994 года
по льготной цене:

Стоимость подписки
на один месяц
1000 рублей.

Подписку можно оформить
в редакции по адресу:
Петровка, 22, вход со двора,
комн. № 610.

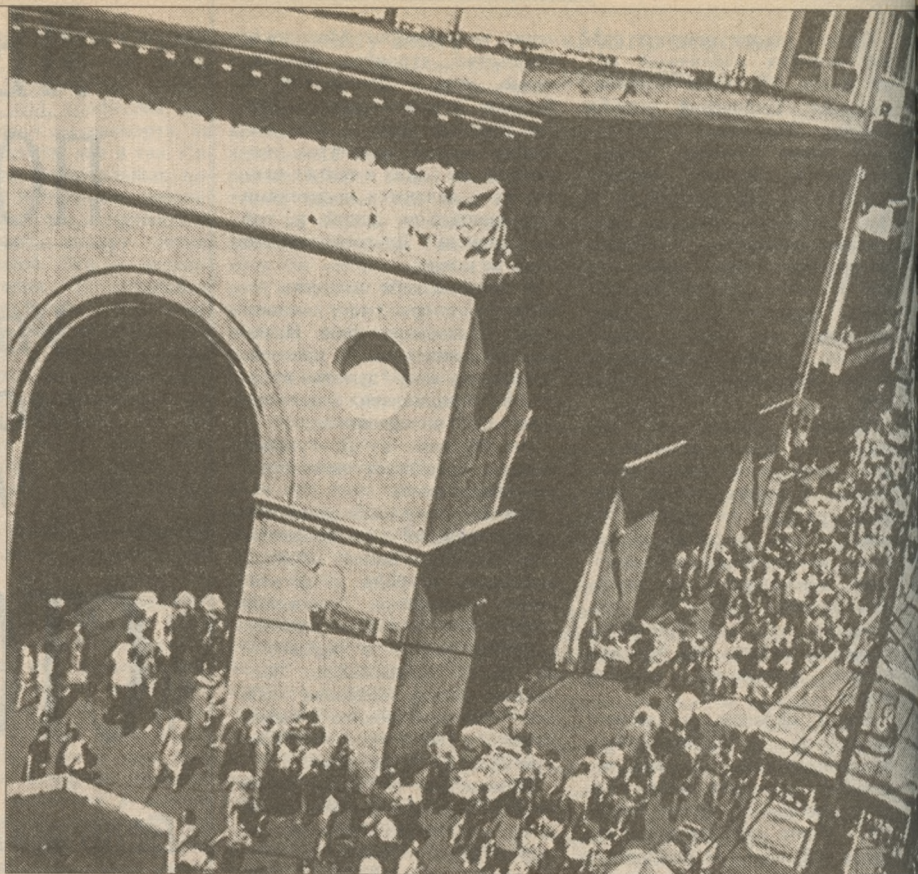
Справки по телефону:
928-10-34

КАК ИМ ОБУСТРОИТЬ БЕЛУЮ РУСЬ?

Белорусский вокзал

Ународов, в отличие от их правительств, своя геополитика и свои стратегические интересы. Но кажется мне, что и они во многом продиктованы жадностью, глупостью и высокомерием.

Закавказье — потеря курортов и шансов приобщения к южному эпикурейскому образу жизни. Средняя Азия — утрата каналов поступления урюка, дынь и возможностей де-

монстрации превосходства белой расы. Балтия — тоже расставание с курортами, да еще со своей «карманной» заграницей. Украина — черешня и вишня плюс связь с историей, а кроме того: над кем же мы будем смеяться в анекдотах после того, как евреи уехали, а те, что таки остались, сами довольно веселы? Ни в одном анекдоте не фигурирует белорус: русский — само собой, еврей, грузин, узбек, хохол, а белорусов как не было, так и нет.

Почему же нас тогда так волнует судьба Белой Руси? Потому что мы любим белорусов? Потому что никто никогда отсюда нам ничем не грозил, не называл москалями? Потому что они всегда были самыми бедными — почти такими же, как русские? Потому что они торговали на рынках не дынями, а простой демократической картошкой или колбасой? Трудно, действительно, поверить в отсталость среднеазиатских республик (того же Таджикистана), когда по Москве ходят люди с полными ртами золотых зубов!

Хорошо еще, что нет в Белоруссии ничего «исконно российского» или «спорного»: флота, островов. Нет там и ничего враждебного: моджахедов, Карабаха, бесхозного ядерного оружия.

Они на нас очень теперь похожи.

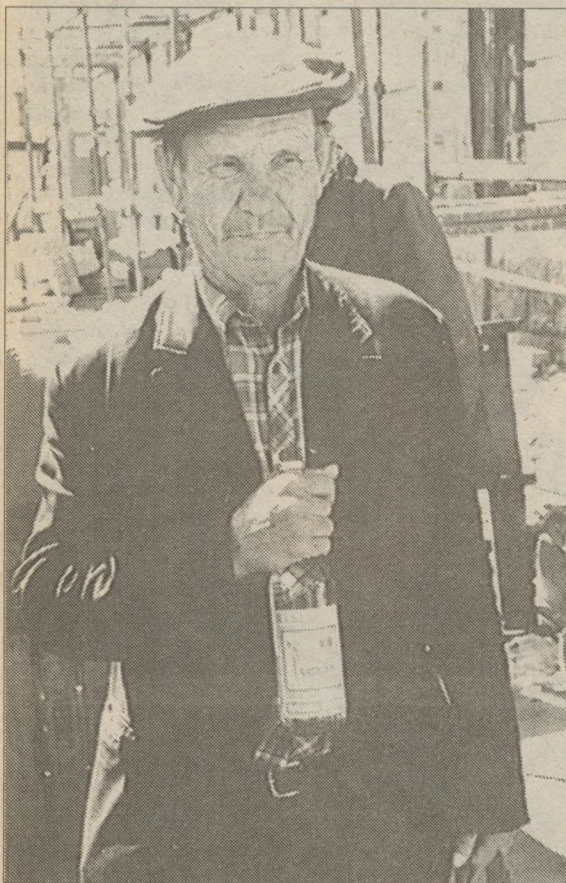
Лукашенко всех обличал и дообличался: теперь он должен сам тянуть воз и доказывать делом правоту своих обличений. Ведь было же такое у нас в России. А разгонять правительство — дело нехитрое, вот набрать новое — сложнее, хотя и сказал первый белорусский президент, что это легче, чем подыскать доярку на ферму. И зря он гордится тем, что нет у него ни на кого чemoданов с компроматом. У него нет — у других на него есть. Но, скорее всего, недалеко то время, когда на Лукашенко начнут собирать компромат, хорошо если не найдут. Хотя вот ведь нашли уже на минских улицах 15 тысяч бюллетеней, участвовавших в голосовании.

На Лукашенко начнут давить, он станет уступать... Или, наоборот, не поддаваться... Верховный совет будет чего-нибудь от него требовать... Потом, глядишь, ихний «Белый дом» обуглится и почернеет...

Но народу-то до этого какое дело?

Его дело бульбу выращивать да детей кормить. Жить, одним словом. А остальное от лукавого. От политики, проще говоря.

Александр КАСАТОВ
Эдуард КУДРЯВИЦКИЙ,
Владимир ШИШОВ,
Юрий ШТУКИН (фото)

Деньги давай!

Именно это громко и сердито выкрикивал на горной дороге великий комбинатор, незабвенный Остап, отплясывая перед туристами нечто вроде мазурки. И хоть мазурка отнюдь не походила на искомую лезгинку, но танец, тем не менее, был и зрители бросали свои пятаки. Честная сделка!

Когда же наше богоспасаемое государство желает собрать с населения налоги, и отнюдь не пятаками, оно ничего не показывает, никаких па, кроме комбинации из трех пальцев, и, наоборот, еще хочет, чтобы мы плясали под его дудку. Так что по сравнению с нашим государством Остап Бендер был честным тружеником.

Уплата налогов — это визит в такой магазин, где ты платишь в кассу и тебе выдают чек, но никаких товаров не дают и никаких услуг не оказывают. Прейскуранта тоже нет. Зато есть вышибала. Не в том смысле, чтобы выгонять. А в том смысле, чтобы затащить и заставить уплатить силой. Роль «вышибалы наоборот» здесь у нас играют бухгалтерии, которые аккуратно и заблаговременно, словно алименты, вычитают из доходов и зарплат граждан подоходный налог.

В цивилизованных странах, во Франции, в США, взимание налогов имеет характер некоего общественного договора. Гражданин, ежели он не мошенник, уплачивает в определенное время налог добровольно, ибо знает, кому и за что, и считает это разумным.

А если бы у нас насильно не отбирали налоги — кто бы стал их государству платить? Если бы у разбойников не было оружия — как бы они грабили? Из-за этой гангстерской манеры нашей системы я даже лишена возможности повторить героический поступок Генри Торо, который отказался платить налоги в казну своего штата, не принимая рабства и не одобряя Мексиканскую войну. Он принципиально сел в тюрьму и, если бы родственники за него не уплатили, сидел бы до конца своих дней, ибо проповедников он тоже оплачивать не хотел и вообще жил не по лжи... Я гроша ломаного не дала бы на 70% статей расхода, но мне не удастся сесть в тюрьму, потому что с ловкостью зубного врача государство выдирает у меня налог заранее.

На президента я готова выделять средства. Все-таки, когда он в духе, он совершает полезные, похвальные и даже бо-

Валерия
НОВОДВОРСКАЯ

Наше родное государство давно усвоило, что если гражданам предложить платить налоги без ассистента с пистолетом и в черной полумаске («кошелек или жизнь!»), то они ни за что не станут платить.

гоугодные дела: запрещает КПСС, ликвидирует СССР, разгоняет Советы, подавляет мятежи, закрывает коммунистические газеты.

Но вот на Совет Федерации я и копейки не дам. Пользы от него, как от камня на шее во время купания. А недавно Владимир Шумейко и вовсе заявил, что пришел на Пушкинскую навеки поселиться и готов продлить (без ведома избирателей) срок своего пребывания в этом Конvente. И это за полтора года до перевыборов! Ведь даже по разовому авиабилету нельзя пробраться второй раз на тот же рейс. Наши же избранники, приобретя билетки в 1993 году, хотят кататься по маршруту вечно! В США за это бы сразу выкинули и из сената, и из конгресса.

На «Выбор России», «Яблоко», «Союз 12 декабря» в Госдуме денег не жалко. А на прочих депутатов полтинника бы не дала. Пусть этот яacobинский клуб Фидель Кастро оплачивает.

На армию тоже не дам ни полушки. «В сорока верстах от Кишинева часовые Родины стоят». От кого меня защищает 201-я дивизия? От таджикской оппозиции? У меня с ними очень неплохие отношения. А если 201-я дивизия защищает себя, то в Пскове ей будет удобнее это делать.

На бесплатную медицину ничего не дам. Один умный человек когда-то сказал: «У нас не бесплатная медицина, у нас ничего не стоящая медицина».

Из всего бесплатного образования деньги дам на один афанасьевский университет.

Неуплата налогов открывает путь к дешевому государству. Если в казне нет денег, то государству нечего распределять и оно ничего не может регулировать. Вянет и пропадает орава номенклатурщиков, армия живенько перестраивается в небольшую профессиональную, засыхают на корню госпредприятия, колхозы и совхозы исчезают, как зыбкое сновидение, ВПК рассеивается как утренний туман. В борьбе же с преступностью государство все равно не поможет. Гражданин не в состоянии защищаться на два фронта: от мафиози и от милиции. А именно на такую войну обрекает россиян новый указ. Так что избавь нас, Боже, от ОМОНа, а с рэкетирами мы и сами справимся.

По-моему, неуплата налогов становится делом общественного спасения...

ИТАР-ТАСС

Строитель храма

Не стоит село без
праведника.
Ни город. Ни вся земля
наша.

А.Солженицын

Леонид РАДЗИХОВСКИЙ

Кто и как останется в истории, памяти народа, войдет в искусство, будет символом последнего десятилетия, символом новой России, победоносной капиталистической революции? Избирателей обмануть можно, историю — нельзя. Через ее сито проходят единицы, но уж потом застревают на века.

Уверен: если кто-то будет писать картину, снимать фильм, сочинять роман о становлении, первоначальном накоплении «второго русского капитализма», то почти наверняка

вспомнит невысокого человека, с лысой головой и голубыми глазами, который, крепко ухватившись руками за края трибуны, хо-хо-чет, гро-хо-чет прямо в лицо мельтешащим перед ним депутатам. Помните? Да, Лужков на VII съезде нардепов России (декабрь, 1992 год).

Съезд уже забылся, повод для этой сцены забылся, а картина — осталась. Осталась потому, что в ней был глубокий смысл. Умиравшая советская империя, чтобы показать миру и себе свою силу, устраивала парады, гоняла по Красной площади ракеты и танки — никакого эффекта! «Бог — отец, царь — отец, ты — отец, я — отец. А силы у нас — нет». Танки силу не заменят, если ее нет. Лужкову, чтобы показать свою силу, устроить свой парад, танки не нужны. Он сам — сила, в нем самом сила налита до краев, ищет выхода. Он хохочет от переизбытка сил, и все ясно. Кому

надо — страшно, кому надо — радостно. Этот грохот посильнее всякого бряцания железом.

«Нокаутирующий хохот» Лужкова был направлен против нардепа, потребовавшего снять его с поста мэра Москвы. «Руки коротки!» — вот что означал этот смех. Формально никто мэра снять не имеет права, должность-то выборная. Но это только внешняя сторона дела. Смех же Лужкова означал нечто большее: он точно фиксировал соотношение социальных сил. Вы все еще думаете, что власть — у вас? Она давно уже — у нас, а вы — декорация.

Невольно вспоминается классика: все неясное стало ясным. Множество людей с веревочными усиками и королевскими бородами внезапно посыпались в сторону и на передний план, круша всех и вся... Да, на передний план уверенно (с хохотом!) вышел и крепко, «как вбитый», встал

приземистый, мускулистый, лысый человек, играющий силой.

Посыпавшиеся «веревочные усики и королевские бороды» — вообще профессиональные политики, политики-интеллигенты (или маргинал-интеллигенты), резко подброшенные волной 1989—1991 годов и оставшиеся на мели, когда волна стала спадать. Это относится ко всем политикам, без разбора направлений.

Конечно, отношение Лужкова к «хасбулатовцам» как раз и выражалось этим его смехом.

Столь же определенно он презирает и ненавидит и «непримиримую оппозицию», которая не может ему простить ни 1 мая, ни 3—4 октября 1993-го (именно сейчас идет суд между ним и газетой Проханова «День»-«Завтра», которая избрала мэра главным объектом для очередной травли).

Но немногим лучше относится Лужков и к демократическим политикам, хотя до поры до времени шел с ними рядом. Вообще, карьера Лужкова взлетела вертикально вверх именно тогда, когда «ДемРоссия» победила в начале 1990 года на выборах в Моссовет. К тому времени ему было уже 54 года, и этот сын плотника, родившийся неподалеку от Павелецкого вокзала, добился в жизни немало. Последняя его должность (кстати, полученная в 1987 году, когда Ельцин был первым секретарем МКГ КПСС) — первый зам председателя исполкома Моссовета и председатель Московского агропромышленного комитета. Высокая номенклатурная должность, но не более того.

А в 1990 году, когда Г. Попов стал председателем Моссовета, жизнь Лужкова изменилась качественно. Произошло его второе рождение, и оказалось, что энергии ему не занимать — он будто ждал сигнальной ракеты, чтобы «рвануть». Попов ясно понимал: лозунгами о свободе слова и борьбе с бюстом Ленина в зале заседаний Моссовета Москву не обогреешь, не накормишь, не почиштишь. Нужен опытный хозяйственный-администратор, который будет

Власть мэра куда больше власти московского генерал-губернатора или первого секретаря МКГ КПСС...

крутить колесо управления городом, оставив высокую политику профессору Попову, автору термина «административно-командная система». Пока эта система за кулисами работает, на сцене можно ее осуждать, а за письменным столом — анализировать.

Вот этим «мотором», главой городской администрации и был назначен Лужков — сперва председатель исполкома Моссовета, с июня 1991 года — вице-мэр Москвы (избран вместе с мэром Поповым), с июля 1991-го — премьер правительства Москвы. Он отличился в августе 1991 года, фактически командуя городской милицией и водителями троллейбусов и грузовиков, которые создавали из своей техники баррикады вокруг «Белого дома». С августа 91-го, когда Ельцин диктовал Горбачеву условия, и до ликвидации СССР (декабрь 91-го) Лужков был одновременно заместителем руководителя Комитета по оперативному управлению народным хозяйством (правительства) СССР.

Когда, после ликвидации СССР, Лужков вернулся на пост премьера городского правительства, стало

ясно, что он перерос свои «вице-мэрские» полномочия. Уже полностью проявившийся характер, авторитет, амбиции — все это не позволило ему ходить «под Поповым». Надо было только мягко провести смену. Попов, как умный человек (к тому же, видимо, действительно тяготившийся административными обязанностями), это понимал, несколько раз подавал в отставку и, наконец, благополучно ушел. С июня 1992 года Лужков — мэр, премьер, глава администрации Москвы.

Но уход Попова и приход Лужкова означал нечто куда большее, чем просто смену главного администратора Москвы. Это был конец одного периода и начало другого, знак смены социальных слоев. Это почувствовали многие, а выразил тогда Юрий Щекочихин в своей известной статье «Страх» в «Литературке». Статья бы-

Лужков — не хозяйственный Он — Хозяин

ла жестко направлена против Лужкова, глухо и без доказательств, но намекала на его причастность к коррупции.

С тех пор так же глухо, но определенно сотни раз на это намекали все кому не лень. Разбирать подобные многозначительные ухмылки — не мое дело, благо никакой информацией на сей счет не владею. Есть ли огонь под дымом — не знаю и знать не хочу. Но то, что мы здесь сталкиваемся с серьезнейшим социальным явлением и символом, — несомненно. Именно поэтому, как я думаю, Лужков и войдет не в городскую хронику, а в Историю.

Смена социальных слоев. Смена лидеров. Смена приоритетов. Ры-

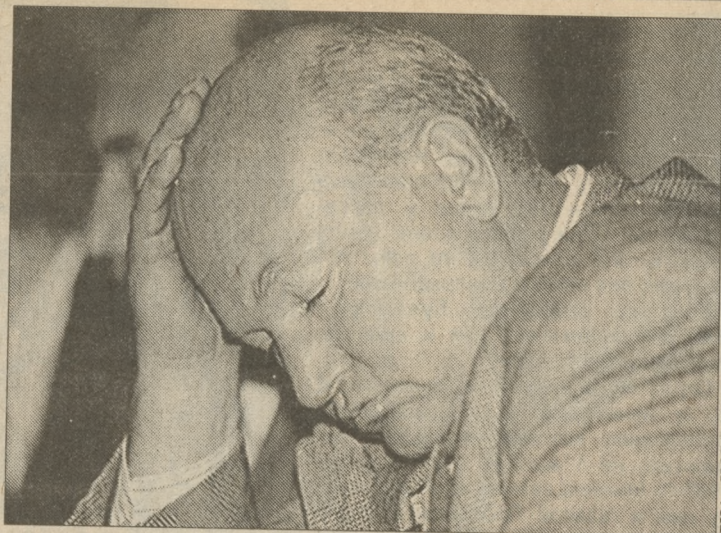
ЛУЖКОВ Юрий Михайлович, родился в 1936 г. в г. Москве в семье плотника; женат вторым браком, отец четверых детей.

Окончил Московский институт нефтехимической и газовой промышленности им. И.М. Губкина.

С 1958 года работал в системе Министерства химической промышленности СССР — в НИИ пластмасс, ОКБ автоматики, был директором НПО «Нефтехимавтоматика» — директором ОКБ. В 1986 году стал начальником Управления по науке и технике, членом коллегии Минхимпрома СССР. В 1987 году стал первым заместителем председателя исполкома Моссовета, а затем одновременно и председателем Московского городского агропромышленного комитета, который возглавлял до 1990 года. В 1990 году стал исполняющим обязанности председателя исполкома Моссовета, с июня 1991 года по июнь 1992 года — вице-мэр г. Москвы, с июля 1991 года — премьер правительства г. Москвы. Мэром Москвы стал в июне 1992 года. Был депутатом Верховного Совета РСФСР 11-го созыва. Член КПСС с 1968 по 1991 год. Лауреат Государственной премии СССР, кавалер ордена Ленина, автор книги «72 часа агонии. Август 1991 г. Начало и конец коммунистического пути в России».

ИТАР-ТАСС

РИА-НОВОСТИ

Покой нам только
снится

ночная романтика, провозглашенная нищими интеллигентами, и даже рыночная теория, провозглашенная интеллигентом далеко не нищим (Попов), заканчивалась. Начинаясь — практика. Валеты, дамы, короли сыпались в сторону, а на первый план вышел — туз.

«ДемРоссия» сделала свое дело — раскачала дерево. Теперь, когда яблоки посыпались градом с веток, ведро будут подставлять другие люди. Подошла пора дележа собственности — демократических ораторов просят больше не беспокоиться.

Да, я думаю, что Лужков равно не уважает никаких митинговых политиков — ни красно-коричневых, ни сине-бело-красных. Не верю, что он сказал про Глеба Якунина «таких надо в проруби топить» (слова, которые ему приписывает все та же газета «День»), но что никаких симпатий к тем демократам, которые фактически и привели его к власти (помогли ему прийти к власти), он не испытывает — не сомневаюсь...

Попов — Лужков. Как их сравнить? Теоретик — практик? Да. Профессор — хозяйственник? Конечно. Но, думаю, точнее будет такое сравнение: гудок — паровоз.

Лужков — не хозяйственник. Он — Хозяин. Хозяйственником он (и такие, как он) был до августа 1991-го.

После августа хозяйственники, рыночники, демократизация — все это исчезло. Начались — хозяйева, рынок, демократия. Новая эпоха.

И когда Моссовет засуетился насчет новых выборов мэра, замельтешили кандидаты на этот пост — Лужков только отмахивался, продолжая свое дело.

Что такое приватизация? Не «по Чубайсу», а по жизни?

Обмен власти на собственность. Точнее — прибавление к власти собственности.

Власть Лужкова, власть мэра огромна. Она куда больше власти московского генерал-губернатора или первого секретаря МГК. Те были, в конце концов, чиновниками правительства, от правительства, от политбюро зависящими. Сейчас — не то. Правительство, президент, пожалуй, зависят от Лужкова побольше, чем он от них.

Это и понятно: власть во многом перешла на места. Московская милиция, а тем более те же водители тяжелых грузовиков подчиняются мэру. А в переломные минуты во многом от них зависит, кому быть царем в Кремле. Нет, не зря в декабре 1992-го, марте 1993-го Ельцин неизменно показывался на улицах Москвы рядом с Лужковым — опирался на каменно-твердое плечо мэра. Не только владельцы коммерческих

ларьков, но и президент отлично знают, что сегодня вопрос «На чьей земле живешь?!» — не пустой вопрос. А вся центральная власть живет на земле Лужкова.

Однако административная власть мэра — лишь надводная часть айсберга. Основа, подводная часть — собственность. Лужков, наверное, прочнее всех властителей России подвел под свою «властную надстройку» непоколебимый экономический базис.

В России, по непроверенным данным, экономический кризис. Но это, понятно, не значит, что все отрасли равно поражены. Промышленное производство падает куда быстрее, чем уровень жизни населения. Значит, какие-то сферы экономики, наоборот, растут, благодаря им держится на плаву вся экономика, от этих преуспевающих отраслей расходятся круги — и тот, кто ближе к источнику роста, тот и богаче.

Таких «фокусов преуспеяния», в общем, два. Один — тесно связанный строительно-банковско-торговый комплекс, сердцевина которого — операции с недвижимостью. Второй — газонептяной экспорт. Экономический и политический лидер первого комплекса — Лужков, второго — Черномырдин. Два лидера, выросшие именно за последние два года, параллельно росту их отраслей. Два вождя, за штандартами которых маршируют большие батальоны денег.

Только самые наивные люди здесь могут говорить о «коррупции». Взятка в системе городской администрации — вещь вечная и неизбежная. Но когда речь идет о становлении целой финансово-политической группы, империи, говорить о взятках просто смешно. Система банков и компаний, связанных общими финансовыми ин-

тересами, с переплетающимися директорами и акционерами — это самостоятельный мир, развивающийся по своим законам. И сила Лужкова в том, что люди, с ним связанные, от него зависящие, занимают ключевые позиции в управлении этими компаниями (здесь часто называют группу «Мост», банки «Столичный», «Менатеп», группу строительных фирм и т.д.). А сам он объективно занимает место центральной оси, хребта всей системы. Это настоящий большой бизнес, слишком большой, чтобы можно было всерьез все списывать на коррупцию. Тут действует не коррупция, а капитальные экономические, финансовые интересы целых компаний.

Так происходит соединение власти с собственностью, так возникает железобетонный фундамент новой власти, так мэр становится не чиновником, а — Хозяином города.

Ограничатся ли амбиции Лужкова постом московского мэра? Его упорно прочат в президенты—96. Сам он отмалчивается. Лужков, как и другой крупнейший администратор (Черномырдин), не связывает себе руки, не входит в контакт ни с одной политической партией и группой, отлично понимая, что они всегда сами к нему придут, стоит ему позвать. Он и сам может быть достаточно ловким популистом — стоит вспомнить его решения, направленные на ограничение для ненавистных многим москвичам «приезжих с юга», крутые заявления о борьбе с преступностью. Но, вместе с тем, популизм Лужкова, в отличие от популизма нищих (Жириновский и К°), всегда будет ограничен — ограничен той ответственностью, которую налагает богатство и реальная власть, необходимость отвечать за принятые решения. Так что потенциал у Лужкова громадный: популизм плюс здравый смысл, решительность плюс ответственность, и все это подкрепленное властью и огромными, может быть, самыми большими в России деньгами, которые за ним стоят...

И все-таки я думаю, что он как раз слишком ответственный и разумный политик, чтобы замахиваться на «президента всяя Руси». Он должен понимать: Россия выберет кого угодно, но только не человека, слишком тесно связанного с Москвой. Тут уж скажется вечное противостояние: Москва — «остальная Россия». И, с другой стороны, Москва — город, скроенный «по масштабу» Лужкова. Так глубоко пронизать хозяйство всей России, как пронизал он и связанные с ним люди финансово-строительный комплекс Москвы, практически невозможно. И лучше

ИТАР-ТАСС

Острые ощущения — это уже образ жизни

быть в Москве — Хозяином, чем в России — всего лишь президентом.

* * *

Не место красит человека. Лужков-человек, с его внешностью, с его грубоватым здравым смыслом, с его брутальностью, резкостью, жесткостью, — живой символ «новых русских», нового московского купечества, неудержимо идущего вверх, разламывая асфальт старых отношений, живой символ русского первоначального накопления. Москва купеческая, Москва златоглавая... Московское купечество гордо ставило не свечи — храмы ставило! Много чего Лужков строит в Москве, но главное, он строит памятник своей Москве — храм Христа Спасителя. Не в память о победе в войне 1812 года, а в память о создании нового общества, в память о мирной русской революции и о себе как пророке этой революции. Говорят, стоимость строительства — свыше 500 миллионов долларов. И выбитые на золотых досках названия всех банков и компаний, которые пожертвовали свыше 1 процента расходов на храм, станут еще одним памятником Москвы лужковской. Конечно, как заработаны эти деньги, на досках не напишут — места не хватит. Впрочем, Лужков уверяет, что допущены будут лишь пожертвования от безусловно честных фирм.

Вот здесь и проблема. Эти золотые доски есть подлинный алтарь нового Храма новой веры. Нет, речь не идет о вульгарном коммерческом воровстве (наворовал — и на храм

отдал). Речь идет совсем о другом — о новой этике новых русских. Именно в этом смысле и можно всерьез говорить о Лужкове — символе эпохи. Определенной эпохи. Не дома он строит, не финансовую империю, не каменный храм — новую русскую этику, особый ценностный мир. Храм своей веры.

В начале перестройки, после «Покаяния», вошел в поговорку вопрос: зачем дорога, если она не ведет к Храму? Само по себе обогащение — ничто, если оно не стало ценностью, высшей ценностью и целью общества. Макс Вебер, как известно, связал европейский и американский капитализм с протестантской этикой. Лужков не проповедник, но созидатель этики рождающегося нового русского капитализма. И символ этой этики. Он твердо строит дорогу к своему Храму, где он будет первосвященником. Храм этот постепенно раскрывается перед нами (когда началась перестройка, да и в 1991 году здания еще было совсем не видно).

Перед строящимся зданием этого храма одни приходят в иступленный восторг и бросаются служить по этой новой вере, другие впадают в отчаяние или растерянность. Но в любом случае от наших оценок дело не меняется — это жизнь, это социальная реальность. Другой нет. И хотим мы того или нет, но идем (кое-кто и задом наперед) по этой дороге. Символом, строителем этой реальности является Лужков.

Тупик демократии

Отсрочка выборов — наименьшее из зол?

*Мириться лучше со знакомым злом,
Чем бегством к незнакомому
стремиться.*

Шекспир. Гамлет

Николай ТРОИЦКИЙ

В современной России окончательно и бесповоротно распалась связь времен. Будущее оборачивается прошлым, действительность превращается в миф, безумная химера оказывается суровой реальностью. Разумные ответы на два банальных, классически русских вопроса — «Что делать?» и «Куда мы идем?» — ныне ставят нас в тупик.

До недавних пор народу внушали, и многие верили, что Россия движется путем прогресса к демократии. Фундамент демократии — это всеобщие, регулярные, прямые, тайные, равные выборы своей власти. При коммунистах никаких настоящих выборов не было. Президента СССР Михаила Горбачева избирал не народ, а съезд — синклит заранее отобранных «народных представителей». Президент России Борис Ельцин пришел к власти путем всероссийского голосования. Затем россияне таким же путем избрали новый парламент. Прогресс — налицо?

Но теперь выясняется, что нам лучше отказаться от такого прогресса, исключить всенародные выборы из политического быта. Каприз начальников? Увы, так будет не только удобнее и выгоднее власть имущим. Так будет спокойнее и лучше нам всем — гражданам независимой России.

Законы могут подремать

«Конституция гарантирует политическую стабильность в обществе, она обеспечивает устойчивую работу системы демократической власти, каждая ее ветвь занимается своим делом, а президент обеспечивает согласованную работу и взаимодействие государственных органов. Это, несомненно, явится основой для спокойных, просчитанных, на перспективу экономических преобразований, создаст важнейшую предпо-

сылку рынку, уверенность в предпринимательской деятельности, надежность инвестиций, защищенность доходов».

Красивая утопия! Так говорил Борис Ельцин 12 июля 1993 года на заключительном пленарном заседании конституционного совещания в Кремле. Ныне действующая Конституция РФ тогда пребывала в законодательной утробе. Когда же она, после жестоких схваток, всенародно родилась 12 декабря прошлого года, то кремлевские зачинатели, а вернее — зачинщики конституционного процесса, испытали глубокое удовлетворение от результата. Новорожденный Основной закон, казалось, решал все их проблемы и позволял уверенно управлять Россией по-прежнему.

Но прошло полгода — и новая Конституция, с которой смирились даже те, кто считал ее незаконнорожденной, перестала удовлетворять ее создателей. Им вдруг стало тесно в тех рамках, которые они еще недавно сами соорудили для себя. То ли документ усох со временем, то ли институты федеральной власти распухли и перестали в него вмещаться.

Вслед за президентом ветви власти стали дружными рядами выпадать из конституционного поля. Начали по мелочам. Ельцин затеял (в обход статьи 102) операцию по освобождению от должности и назначению генпрокурора. Дума приняла Закон о статусе депутата, который президент признал не соответствующим Конституции, но затем подписал и придал ему легитимность. Далее Борис Николаевич разразился серией экономических указов, явно противоречащих статье 110, где сказано: «Исполнительную власть Российской Федерации осуществляет Правительство РФ». Президенту показалось мало «определять основные направления внутренней и внешней политики государства» (статья 80-3), он решил отнять хлеб у кабинета министров и лично прописать мельчайшие подробности экономических реформ. Наконец, взялись за Основной закон по-крупному. Президент решил возглавить борьбу с бандитизмом и мафией, издал указ

№ 1226, перечеркнув сразу восемь статей Конституции из неприкасаемой второй главы «Права и свободы человека и гражданина». Раздраконив возмутительный указ, депутаты Думы перешли к принятию аналогичных законов, в которых так же попираются те же самые права и свободы.

Завершилось все это знаменитым выступлением председателя Совета Федерации Владимира Шумейко, призвавшего сперва переписать десяток статей и перераспределить полномочия палат Федерального Собрания, а затем — дошедшего до апофеоза: предложив продлить полномочия депутатов на два лишних года.

Спикер сената ударил дуплетом. Он открыто обозначил только одну цель — пункт 7 переходных положений Конституции: «Совет Федерации первого созыва и Государственная Дума первого созыва избираются сроком на два года». Но этот меткий выстрел неизбежно накрывает и другую мишень — пункт 3: «Президент РФ... осуществляет свои полномочия до истечения срока, на который он был избран». Продлевать сроки — так всем вместе: и президенту, и депутатам. Иначе затея теряет всякий смысл.

Конечно, этот грандиозный план противоречит Конституции. Ну и что? В античные времена, когда законы государства мешали свершить нечто крайне необходимое и целесообразное, властители говорили: «Сегодня законы спят!» — и делали, что хотели. Так и в России. Нельзя, но если очень хочется, то можно. Конституционное законодательство тем временем пусть подремлет.

Шумейко и Шекспир

Отвергнем с порога все разговоры о том, что Владимир Шумейко «неуклюже симпровизировал» и просто делился своими мыслями и предположениями. В большой политике столь важные фразы просто так не произносятся. И не стоит обращать внимания на бурю протестов, опровержений, отповедей, инвектив, возмущений. Власть и оппозиция исполняют ритуальный демократический танец

и изливаются в своей горячей при-
верженности всенародным выборам
для порядка: неприлично сразу об-
нажать свой корыстный интерес.

Шумейко не в первый раз играет
роль высочайшего резонера. В конце
прошлого года он руководил оргком-
итетом по проведению референду-
ма по Конституции и жестко пресе-
кал малейшие посягательства на
проект Основного закона. Летом это-
го года сам же и посягнул на объект
своих неусыпных зимних забот. И
тогда, и сейчас Владимир Филиппо-
вич действовал не по наитию, а на ос-
нове четких расчетов и директив. На-
конец, в России до сих пор сбыва-
лись самые фантастические,
безумные предположения, а власти
реализовывали все свои замыслы,
даже те, о которых сначала говорили
как о бредовых утопиях.

Тем более что на сей раз в комби-
нации, «озвученной» господином Шу-
мейко, нет ничего фантастического
и невозможного.

Кто готов возразить? Кто может
предложить, выражаясь корявым
языком наших руководителей, «дру-
гую альтернативу»?

Депутаты? Они только выиграют.
Соблазн вкусной двухгодичной
надбавки пересилит все идеологи-
ческие догмы, демократические
устремления, нравственные обяза-
тельства перед избирателями. Но
сначала парламентарии похорохо-
рятся. Спелое зерно, вброшенное се-
натским председателем в законо-
дательные ряды, должно выле-
жаться, вызреть, дать всходы, зако-
лоситься, образы нормативной ба-
зой, резолюциями, постановлениями,
декларациями. Времени еще много.

До рокового срока выборов остае-
тся целых полтора года или около
того.

Парламентская оппозиция? Ей
труднее всего. Ее вынуждают сми-
риться с сохранением режима,
отодвигают запланированные ими
сроки прихода к власти. Но так ли
они уверены в победе? Так ли манит
их риск всенародного голосования?
Ищут ли они упоения в бою? Как ни
крути, а с помощью думских мандатов
основную массу оппозиционных поли-
тиков власти сумели приручить.
Призрак законодательных полно-
мочий оказался надежнее танков
и БТРов.

Может взбунтоваться Жиринов-
ский? Да, он рвется на президентские
выборы. Но буйный либерал-
демократ неумерен в речах, зато
осторожен в поступках. У него есть
синица в руках. До сих пор он никогда
не справлял малую нужду против вет-
ра. Взять хотя бы историю с Догово-
ром об общественном согласии: Жи-
риновский бухтел, кипятился, но —
подписал как миленький.

Субъекты федерации? Их ру-
ководство не станет возражать против
двух лишних лет спокойной жизни,
особенно если и им — мэрам, губер-
наторам, республиканским прези-
дентам и пр. — тоже автоматически
продлят полномочия.

Президент? Возможно, лично Бо-
рис Ельцин и не одобряет этой идеи.
Но «президент» — это не один чело-
век, это целый институт власти, вклю-
чающий в себя не одну тысячу чинов-
ников. Зачем им лотерея предвы-
борной кампании, в которой можно
потерять все?

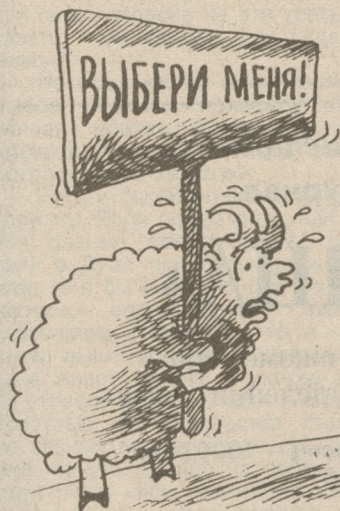
Народ? А разве «массы электора-
та» рвутся к урнам для голосования?
И кого они могут избрать? Каких-то
иных, идеальных, особенных депу-
татов? Два раза пробовали, а ре-
зультат все тот же. Нового президен-
та? А кого?

Как говорил шекспировский Гам-
лет: «Вот и ответ». Какие сны нам в
смертном сне приснятся, когда пок-
ров земного чувства снят?» Кого вы-
бирать? За четыре года новой, «де-
мократической» власти в России так

и не вырос ни один приемлемый ли-
дер общенародного масштаба. Нет,
кандидатуры имеются. Неожиданный,
ошеломляющий успех популиста,
борца с коррупцией Александра
Лукашенко в соседней Белоруссии
показывает, кого может избирать
народ, если он все-таки решил кого-
то избирать. Чем мы, россияне, отли-
чаемся от белорусов? У нас есть
свои «лукашенки». Надо их называть,
перечислять? Дело не в фамилиях,
они всем известны, дело в том соци-
альном типе, который выдвигается
на гребень власти в переходной си-
туации, которую переживают страны
СНГ. Что греха таить, именно таким
«лукашенко» был три года назад и
нынешний российский президент. Не-
ужен ли нам новый неистовый борец
с коррупцией и привилегиями на ру-
ководящем посту?

Клеймить легко: мол, режим стра-
шится народа, вцепился во власть,
готов пожертвовать демократией ра-
ди своих интересов! Да, правители
боятся новых всенародных прези-
дентских выборов. А кто не боится?
Не боятся или безумцы, или наивные
несмышлениши, которые верят в то,
что сегодня могут избрать «прилич-
ного» человека. Но хватит петь песни
безумству храбрых!

Шумейко предпочел иной мотив. Он
огласил надежный принцип, изло-
женный тем же Гамлетом у Шекспира,
который вынесен в эпиграф этой ста-
тьи. В конечном счете, все — и стыд-
ливые демократы, и неистовые за-
конники, и свирепые оппозиционеры
— смирятся со «знакомым злом» и не
станут стремиться к незнакомому. А
если какие-то одиночки и попробуют,
ничего у них не выйдет.

Victor CH '94.

Назад к Горбачеву

Итак, будем считать, что Кремль все рассчитал, а Шумейко огласил его потаенные планы, принял на себя первый удар и заставил всех потихоньку привыкать к унылой перспективе. Есть множество косвенных подтверждений этой гипотезы. За месяц до громкого выступления спикера сената другой опытный «царедворец», вице-премьер Сергей Шахрай, уже предупредил в интимном кругу группу журналистов, в том числе и автора этих строк, о подобном исходе. Тогда он просил сохранить его слова в тайне, но теперь их можно обнародовать. Шахрай заявил: «Идея продления всеобщих полномочий будет преподнесена как реализация Договора об общественном согласии». Антураж поменяли, но главное — «план Шумейко» возник не вдруг, а тщательно готовился и обставлялся аргументами. Кроме того, президент внезапно учредил некую «объединенную конституционную комиссию» для разработки поправок к Основному закону, в которую включил и представителей Думы, и правительства, и Совета Федерации.

Государственная машина закрутилась, цели намечены, средства подготовлены, теперь и народ оповещен. Но есть одна загвоздка.

Два года — срок короткий. Он быстро истечет. Что дальше? Можно, конечно, продлить еще раз. Но рано или поздно все равно встанет вопрос о новом президенте. Если продолжать цитировать «Гамлета», то можно вспомнить такие слова датского принца: «Еще поцарствуй. Отсрочка это лишь, а не лекарство».

План, оглашенный Владимиром Шумейко, хорош. Но он явно неполон. Что же делать тогда, когда полномочия главы государства уже физически невозможно будет продлить?

Здесь мы встаем на зыбкую почву предположений и теорий, однако есть одно радикальное лекарство, способное вдохнуть стабильность в государственный организм.

Можно ведь просто-напросто вообще отказаться от всенародных выборов президента. Не новость, конечно: вспомним хотя бы идею депутата В.Исакова. Зачем властям привлекать к своим разборкам все население, тратить бюджетные средства на громоздкие процедуры? Можно собраться в своем кругу — две палаты Федерального Собрания, руководители субъектов федерации, кое-кто от общественности, партий и движений (ведь под рукой имеется так называемая «общественная палата») — и спокойно решить все свои проблемы, избрать «главного», наз-

вать его хоть президентом, хоть кем угодно и затем так же уверенно и твердо править дальше.

Фантастика? Но почему? Потребуются серьезные компромиссы, надо будет договориться, найти общий язык, а это до сих пор вроде бы не удавалось... Как же не удавалось? А руководство Думы, разншерстной, пестрой, раздираемой противоречиями Думы, избранное согласованно, «пакетом»? Почему бы не заготовить еще один «пакет», всероссийского масштаба? Оппозицию можно прикормить, дать ей посты в правительстве. А с непримиримыми не стоит считаться: опыт последних лет доказал, что народ не будет восставать, возмущаться из-за некоторых отступлений от демократии.

Шаг назад? Сокрушение фундаментальных демократических принципов? Но что поделаешь, если непосредственная, прямая демократия порождает Руцкого и Жириновского? Не только нынешним властям, но и всем разумным, законопослушным гражданам необходимо застраховаться от явления «всенародно избранного» вождя, въезжающего в Кремль на белом «мерседесе». Значит, лучше сохранить подольше тех, к кому мы все уже привыкли.

Таким «синклитным» способом был когда-то избран Горбачев. Может быть, это стало одной из причин его краха. Ельцин опирался на всенародный мандат и сумел сокрушить противника. Но где новый «Ельцин»? Сегодняшнюю власть ни измором, ни народными бунтами не возьмешь. Ее можно изменить только с помощью выборов. А надо ли? Об «альтернативах» я уже говорил.

Бесполезно рассуждать о том, хороша или плоха описанная выше перспектива. Она реальна. Она выгодна не только власти имущим, но и их яростным оппонентам. Максимально длительная консервация «коллек-

тивного Ельцина» устроит не только тех, кто сидит в Кремле, на Старой площади, в новом «Белом доме», бывшем Госплане и бывшем Госстрое. Можно опять вернуться к примеру с Горбачевым. Когда он ушел, он потянул за собой в бездну всех, кто его окружал, — и сторонников, и противников. Вслед за Михаилом Сергеевичем с политической арены удалились и Алкснис с группой «Союз», и Афанасьев с «Межрегиональной группой». Был смит и разрушен целый слой, целый пласт элиты.

Не только кремлевские чиновники, но и думские коммунисты, аграрники, патриоты и им подобные заинтересованы в бесконечной отсрочке роковой «смены вех», которой будет наверняка озаменованы ближайшие же всенародные прямые, тайные, равные выборы главы государства.

Грустно и больно. Демократия в России явно не удалась. Труды и жертвы были напрасны. Опять строили не то, не так, по неверным чертежам. Власть надоела, а оказывается, нам ее заменить лучшей не под силу. Худших вариантов — сколько угодно, но их что-то тоже не хочется...

Ну и для резюме. То, что я описал, — это пока всего лишь гипотеза. Ее еще надо доказать. Сколько красивых гипотез, в том числе и моих, развеялось в прах в последнее время. На одном стою и стоять буду. Изложенная выше перспектива — это наименьшее из зол для России. Если события начнут развиваться иначе — лучше никому не будет. Зато может стать намного хуже.

К сведению подписчиков!

Подписку на журнал

«СТОЛИЦА»

**вы можете оформить ежемесячно
в ближайшем почтовом отделении связи.**

Каталожная цена на один месяц — 1300 руб.

Индекс: 73746

**Сведения о подписке в каталоге «АиФ—АПР»,
а также в Московском каталоге.**

Бюджет плох, но таков бюджет

- Алексей Михайлович, как вам, известному ученому, члену думского Комитета по собственности, приватизации и хозяйственной деятельности, опытному парламентскому бойцу, наконец, просто серьезному экономисту, вся эта многомесячная возня вокруг Закона о бюджете на 1994 год, половина которого вообще прожита страной безо всякого утвержденного бюджета?.. Все эти мучительные, тяготившие «чтения» в Думе — первое, второе, третье... Между ними — малопривлекательная перебранка думских избранников с сенаторами Совета Федерации, правительством. А в результате родился бюджет-уродец, который, кажется, никого не устроил?..

— Все вы правильно сказали... И никакого слова, кроме «возня», и в самом деле тут подобрать невозможно. Но, как это ни странно, ничего другого с этим бюджетом придумать было нельзя. Мы, к сожалению, пришли к тому, к чему и должны были прийти в наших условиях. И вся эта возня вокруг Закона о бюджете и в Думе, и в Совете Федерации, и в правительстве во многом, я считаю, адекватно отражает наше сегодняшнее нестабильное положение в экономике. Инфляция, бюджетный дефицит, недостаток ресурсов — все это сильно осложняет подготовку нормального бюджета, по которому можно жить. Какие светлые головы ни привлекай — он все равно будет носить чисто условный характер. Это доказывает и тот факт, что, как вы справедливо отметили, полгода прошли без бюджета, но... траты все равно правительством фактически осуществлялись! И, значит, мы, парламентарии, просто проштамповали свое согласие на эти траты, так сказать, постфактум... А куда денешься?

— Не поэтому ли ваша фракция, «Выбор России», поначалу возражавшая против принятия такого бюджета, в конце концов решила проголосовать за него?

— Есть и такой элемент, но много и другого. Если посмотреть, как вели себя разные политические группировки в Думе при обсуждении бюджета, то я бы выделил два основных фактора, определивших итоговое голосование. Первый — то, о чем я сказал выше: условия, в которых сегодня живет страна, — когда почти все отрасли рушатся, хотя и с разной скоростью, это порождает стремление разных политических сил в Госдуме «тянуть одеяло на себя», преследуя лишь свои партийные интересы. И значит — своеобразное, часто уродливое лоббирование конкретных статей бюджета.

Депутат Государственной Думы академик

Алексей ЕМЕЛЬЯНОВ:

«Коллеги по фракции даже назвали меня «коммунякой»»

Второй фактор — откровенные политические амбиции лидеров фракций и групп.

— В «Выборе России» — тоже амбиции?

— В нашей фракции, к сожалению, тоже все это есть. Вопреки, может быть, создающемуся чисто внешнему впечатлению благополучия здесь тоже совсем неоднозначная, непростая внутренняя ситуация. В частности, и в вопросе о бюджете. При обсуждении закона в первом чтении среди членов фракции разгорелись жаркие споры: туда мало денег выделяли, сюда мало, всюду мало, мало... Особенно напирала на то, что недостаточно средств правительством предусматривалось на развитие социальной сферы, культуры, образования и т.п. Это, конечно, было правдой: кто ж мог отрицать, что именно эти статьи расходов оказались явно обиженными? И история вряд ли нам так уж скоро это простит... Все так. И на собрании фракции этот проект был, естественно, осужден, а те, кто призывал голосовать за его принятие, в том числе и ваш покорный слуга, были названы вообще... «коммуняками». Потому, мол, что в нем, по старой коммунистической традиции, основные средства выделяются военным и аграриям...

— А это разве не так?

— Это так. Но, отвергая свою принадлежность к «коммунякам» и вовсе не желая защищать их интересы, скажу, что, если трезво взглянуть на нашу сегодняшнюю экономику, стоит

признать, что деньги на ВПК и АПК предусмотрены бюджетом правильно. Как ни больно отрывать их у социальной сферы, науки, образования, здравоохранения... Потому что, учитывая реальную ситуацию, истинная катастрофа может наступить тогда, когда многие тысячи военных, в том числе выводимые из бывших советских республик и других стран в Россию, окажутся без жилья, без элементарных условий для физического существования. Это надо отчетливо себе уяснить.

А что касается аграриев... Это вообще моя давняя боль. С одной стороны, кажется, что сельчанам сегодня прокормить себя легче, чем, скажем, работникам прочих сфер. А с другой — в деревне сейчас стало намного тяжелее прожить, чем раньше, так как во всей этой разрушающейся экономической цепочке они, аграрии, оказались «крайними». Они совершенно беспомощны перед государством, которое диктует им цены на продукцию, не могут забавоваться, не могут — просто по своей природе — оставить помирать с голоду нас и себя самих. А государство нагло пользуется этим. Разве не о том говорит совершенно безобразный факт: за прошлогоднюю сданную сельскохозяйственную продукцию государство еще с аграриями и сегодня не расплатилось?!

— Ну а что-нибудь положительное в этом бюджете есть?

— Знаете, я считаю, положительно уже само по себе принятие бюджета, какой бы он ни был плохой. Все-таки это какая-никакая база для порядка. Потому что совсем без него — хаос и неразбериха, при которой уж точно ничего контролировать никому не удастся. Так что всем — и центру, и регионам — нужен порядок. Этот порядок может дать, повторяю, только бюджет. Будем надеяться, что, может быть, хоть на 1995 год нам удастся сделать его нормальным.

— Но вы, лично, кажется, собираетесь сосредоточиться совсем на другой деятельности?

— Я назначен Борисом Николаевичем Ельциным на новую должность. Называется она так: президент-ректор Российской академии государственной службы (это бывшая Академия управления) при президенте РФ...

— Значит, с Думой прощаетесь? Ведь по Конституции...

— Нет, не прощаюсь. Остаюсь депутатом. А президент-ректор — это на общественных началах. Так вот хитро придумано...

— Успеха вам.

Григорий КРОШИН

Золотая рыбка мира и согласия

«Борьба за мир» в финансовом разрезе

Владимир ВОРОНОВ

Будто грибы после дождя появляются все новые и новые партии и общественные организации. А старые, «дореволюционные», куда подевались-то? Коммерцией занялись, продолжают играть в политику?

Жил-был когда-то Советский комитет защиты мира (СКЗМ). Что, уже забыли? А ведь еще не так давно чуть ли не в каждой газете можно было встретить грозное заявление и предупреждения: позор агрессорам, руки прочь, не позволим, поджигатели войны... И ведь читающая публика знала — это вам не резолюция общества филателистов, это серьезно: сначала заявление «защитников мира», потом «ТАСС уполномочен заявить...», а там, глядишь, и ограниченный контингент появится или «инженеры» в штатском, или демонстрацию-другую у ворот какой-нибудь ракетной базы проведут. В Западной Европе, разумеется.

Мало кто сомневался, что это совершенно «независимая» и «общественная» организация была лишь частью Международного отдела ЦК КПСС. А что, «руководящая и направляющая» тоже ведь «общественной» была! Бывшие сотрудники СКЗМ и не скрывают, что вполне официально входили в номенклатуру ЦК. Впрочем, там хватало и других людей — «соседей» из офиса на площади Дзержинского. Им и звания шли, и оклады по всем местам службы. Ну, в общем, все было как у людей, как положено: курьер со Старой площади пакет секретный привезет, и сразу становится ясно, где, как и с кем надо бороться. За мир во всем мире, конечно.

Но наступили иные времена, и сражаться с «поджигателями войны» в Европе, Африке или за океаном стало трудновато. Тут уже свои «горячие точки» появились, доморощенные, — Карабах, Южная Осетия. А если обмолвишься невзначай, сдуру,

про притеснения палестинцев, дискриминацию индейцев в США или племени мумбу-юмбу в далекой Африке, то тебе резонно могут напомнить про Баку—90, Вильнюс—91 или спросят: «А что это там у вас в Тбилиси саперными лопатками машут?» Про то, чтобы мотаться по «домашним», своим, войнам, и вовсе не говорите: там же стреляют не понарошку, понастоящему — ну как шальная пуля попадет, кто тогда будет нести знамя мира в Нью-Йорке, Хельсинки или Париже?

А с августа 1991 года и вовсе проблем стало выше крыши — Международный отдел ЦК благополучно испарился. Вместе с валютой. Не от кого стало получать инструкции. А тут еще и бывшие враги стали партнерами. Зато «дружная семья братских народов» словно совсем с ума посходила — чуть ли не все за сабли похватались, в пятнистые маскхалаты приоделись. Что делать? На что дальше жить?

Последний вопрос был наиболее актуальным — туго стало у бывших «миротворцев» с деньгами, закрылось для них казенное корыто. А на членские взносы даже партия Жириновского долго не просуществует. Да и кто их сейчас платит, эти взносы?

Когда в государстве казна вдруг оказывается пустой, то обычно случаются политические кризисы и дворцовые перевороты. А чем хуже опытные политбойцы из солидного здания по адресу: «Прспект Мира, 36» (там и расположен главный офис бывшего Комитета защиты мира)? Для начала сменили название — стали именоваться Федерацией мира и согласия (ФМС). Проблема денег волновала, конечно, всех. Но по-разному. Утверждают, что первому руководителю новой федерации и последнему председателю «старого» СКЗМ Генриху Боровику средства нужны были, прежде всего, на финансирование миротворческих программ на территории бывшего СССР. Группа же чиновников-

функционеров СКЗМ-ФМС, прошедшая суровую школу партийной или комсомольской работы — Ходкин, Федосов, Хархардин, Небольсин, — не слишком жаждала заниматься опасными выездами в Закавказье или Среднюю Азию, предпочитая апробированную и протоптанную «тропу мира», выводящую на западное направление. Для чего и предлагала вплотную заняться коммерцией.

Судя по всему, именно на ниве бизнеса и пробежала большая черная кошка между трудившимся в Федерации на общественных началах Боровиком и штатными аппаратчиками. Поговаривают, что не понравилось некоторым ветеранам борьбы за мир и то, что на послеавгустовской волне Генрих Боровик попросил Вадима Бакатина убрать из этого здания прикомандированных сотрудников КГБ. Когда же «борцы за мир» занялись-таки бизнесом, то выяснилось: это само по себе так увлекательно и приятно, что зачем заниматься чем-то еще?

Надо отдать должное энергичности Боровика — он вроде бы старался что-то делать: ездил по «горячим точкам», снимал там фильмы и тщетно пытался мирить враждующие стороны. В Москве же полным ходом шла подготовка к «дворцовому перевороту». Боровик перестал быть нужным аппарату СКЗМ-ФМС — не вхож в нынешние коридоры власти. Какой прок от пастуха, коли он не кормит свое стадо? На закрытом собрании бюро Федерации не оправдавшего надежд председателя обвиняли в финансовых нарушениях, намекали даже на злоупотребления — ездил, мол, по границам за счет ФМС, но по своим делам... На публике же торжественно поблагодарили и проводили в отставку, вручив почетную грамоту.

На смену Боровику пришел космонавт Георгий Гречко. Надежды на него возлагались большие — вся грудь в регалиях, все двери высоких кабинетов перед ним открыты. Думается, расчет был и на то, что привыкший к большим высотам Гречко не будет совать нос в повседневную рутину и препятствовать разворачиванию широкой коммерческой деятельности.

Кстати говоря, отнести ФМС к совсем уж нищим организациям никак нельзя — один лишь офис, дом № 36 по проспекту Мира, мог вселить уверенность: «Московская недвижимость всегда в цене». Но после августовского путча над ним едва не нависла страшная угроза конфискации — столичные власти открыли сезон охоты за партийно-государственным

АЛЕКСАНДР ЗАЯЦ

имуществом. Удалось отвертеться... А ведь кроме уже поименованных апартаментов было кое-что на улице Мясницкой, а уж совсем на черный день — три довольно просторные квартиры, гараж и хозпомещение в Хельсинки — там располагалось представительство СКЗМ во Всемирном Совете Мира. Всемирный Совет Мира, созданный некогда при деятельном участии работников Международного отдела ЦК КПСС со Старой и их «коллег» с соседней площади, распался. Но на купленные за счет средств торгпредства СССР помещения пока никто не претендует.

Еще в 1991 году, словно предвидя предстоящие трудности, ФМС стала одним из соучредителей Внешнеэкономической ассоциации «Мир и согласие» (АМИС). Предполагалось, что АМИС будет заниматься коммерческой деятельностью, финансируя миротворческую активность и мероприятия Федерации. 27 января 1992 года между АМИС и ФМС был заключен договор о совместной деятельности — на баланс Ассоциации передается дом № 36 по проспекту Мира, площадью 4406 квадратных метров. В обмен Федерация получает солидные средства на обеспечение работы своего аппарата. Только за два первых года сотрудничества Ассоциация вложила в содержание здания и оплату телефонной связи десятки миллионов рублей. Сотрудники ФМС в тот же период получили от АМИС на зарплату 83 миллиона, да еще и на технический персонал (машинистки, электрики, вахтеры и т.п.) — 36 миллионов рублей.

Но профессиональным борцам за мир, назовем их для простоты «федератами», этого показалось маловато. Собрались они в узком кругу, посоветовались и порешили: внешнеэкономическую ассоциацию надо подоить еще раз — пусть добавят денег. А не захотят — взашей их! И «отдаться» тому, кто больше заплатит... Поскольку договор предусматривал взаимное согласование такого рода вопросов, а АМИС ничего менять не жаждала, то «федераты» использовали апробированное оружие из своего арсенала — ультиматум: 450 миллионов рублей в год, «привязанных» к доллару на случай инфляции.

Руководители АМИС (окрестим их «ассоциантами») за старый договор цепляться не стали — согласились взять на себя все расходы по зданию, оплачивать международную связь и сверх того выделять зное количество миллионов за зарплату и программы. Вроде бы с этими условиями согласились в ФМС. Но пока один чиновник-«федерат» вел с

ассоциацией переговоры о переводе новой партии «лимонов» на зарплату согласно старому договору, другой водил по зданию многочисленные группы потенциальных арендаторов.

Чем хорошо все тайное? Тем, что рано или поздно становится явным. Скрытые маневры стали известны «ассоциантам». Оскорбленные подобной нечестностью и непорочностью коммерсанты в декабре 1993 года отказались субсидировать «федератов». Но в строгом соответствии с договором продолжали содержать здание.

Деньги на зарплату сотрудникам Федерации перестали поступать. А тут еще и Госкомимущество стало беспокоить — не признало прав ФМС на владение зданием. Удар же под дых нанесли московские власти — оказалось, что все договоры с арендаторами необходимо регистрировать в Москомимуществе, отдавая последнему немалую часть доходов... Вся история постепенно начинала напоминать известную сказку Пушкина: старик требовал от золотой рыбки все больше и больше, жадная старуха кричала «мало!», итог же известен — разбитое корыто...

Да будь оно неладно, это «злато», — что мы все о нем. Осталось еще арию спеть: «Люди гибнут за металл...». И не гибнут вовсе, а процветают...

С момента создания Комитета защиты мира в 1949 году почетное председательское место там занимали соответственно: поэт Н.Тихонов, папанинец Е. Федоров, партийный публицист Ю.Жуков, журналист Г.Боровик. Все они работали на общественных началах, не получая зарплаты. После же смещения Боровика пост председателя стал оплачиваемым. Что ж, руководить организацией, пусть и общественной, — тяжело. Злопыхатели утверждают, что новый председатель не особо утруждал себя выполнением прямых обязанностей, предпочитая утрясать дела сугубо личные. Да и отсутствовал он по несколько месяцев кряду, читая, скажем, лекции в США. Естественно, все бразды реального руководства оказались сосредоточены в руках тех, кто еще с семидесятых—восемидесятых контролировал жизнь дома № 36 на проспекте Мира, — у его аппаратных работников.

По словам людей, имевших дело с ФМС, одной из самых ярких личностей там был господин Небольсин. Еще не так давно он работал в представительстве СКЗМ-ФМС при Всемирном Совете Мира в Хельсинки. Какое-то время под его опекой там находилась собственность «федератов». Как эта недвижимость испол-

зается сейчас, дело десятое. Но в июне 1993 года на заседании бюро правления ФМС разгорелся скандал — один из членов бюро обвинил Александра Небольсина в попытке приватизировать лично для себя хельсинкские апартаменты. Было даже высказано предположение, что на финские квартиры положили глаз еще двое руководящих работников федерации — не пропадать же добру!

Пытаясь вытянуть дополнительные деньги у «ассоциантов», погрязнув в дележке финской недвижимости, «Федераты» не забывали и про то, что на хлеб насущный можно заработать и самим. Еще в 1990 году Комитет защиты мира создал для зарабатывания средств совместное предприятие с итальянской фирмой «Пескаторе» («Рыбак»). Итальянцам дали помещение под валютный ресторан. За аренду площадей рестораны должны были по льготным ценам кормить обедами сотрудников федерации и отчислять партнерам 28 процентов прибыли. Сколько же отчисляли на самом деле, если вообще что-то отчисляли, — знают немногие. А руководители аппарата Федерации в поте лица кинулись помогать итальянцам открывать новые «точки» в Москве. Формально — за долю от прибыли в пользу ФМС. Но никто в Федерации про эти деньги так никогда и не слышал. А итальянцы открыли на том же проспекте Ми-

ра кафе-мороженое, бар-ресторан на Пушкинской и ресторан «Золотая луковица» на улице Гиляровского. Об открытии последнего в Федерации узнали совершенно случайно — от вахтера, гулявшего по Москве и наткнувшегося на это заведение. А ведь только за счет сотрудничества с «Пескаторе» можно было полностью решить все вопросы — от финансирования миротворческой деятельности до выплат зарплаты сотрудникам. Куда же ушли итальянские деньги?

Тем временем схватка с внешнеэкономической ассоциацией вступила чуть ли не в решающую стадию — стороны должен был рассудить Арбитражный суд. Но вышла загвоздка — «Федераты» не представили документов, подтверждающих их права на здание! Оказывается, преобразуясь из Комитета защиты мира в Федерацию, они попросту забыли оговорить и юридически закрепить правопреемственность. Выходит, в течение ряда лет недвижимостью распоряжались те, кто не имел на это права?! Арбитраж отказался рассматривать дело, пока ФМС не сможет с бумагами в руках доказать свои права на недвижимость. А таких документов пока никто им не выдает. Тупик?

Тут еще и новая напасть свалилась на борцов за мир. «Стукнул» кто-то из них в налоговые службы на «ассоциантов» — может, думали, что так

легче будет с партнером-противником «разобраться». И налоговая полиция стала проводить свою проверку. А от «ассоциантов» пошли налоговые инспектора прямиком к «Федератам». И уж тут-то финансовых нарушений нашли уйму. Проще говоря, в обход своего статуса общественной организации, ФМС мало того что занималась коммерческой деятельностью, так еще и налоги не платила. Скандал...

Стоп! А где самое главное — где борьба за мир? Ладно, за свободу палестинского народа и чернокожего населения Южной Африки сейчас бороться смешно. Но разве мало войн и конфликтов на территории бывшего СССР?! Но что-то совсем ничего не слышно о деятельности ФМС за последние три года — ни звука, даже громких заявлений в прессе не было. Ах, нет, ошибся — весной 1994 года проявились-таки «Федераты». Показало в марте телевидение репортаж о какой-то «патриотической» сходке. И ахнули знающие люди, узрев лидера общества «Память» и его соратников в знакомом помещении — конференц-зале Комитета защиты мира — Федерации мира и согласия, да еще и на фоне написанного на многих языках слова «МИР»... Сдали зал в аренду? Ну и что — разве это не миротворческая деятельность? Другой-то нет. ■

Сначала мир, потом демократия —

считает председатель правления ассоциации «Гражданский мир» Таир ТАИРОВ

Федерация мира и согласия унаследовала репутацию Комитета защиты мира: на Западе к ним относятся как к представителям старой номенклатуры. Они существуют благодаря тем деньгам, которые были зарезервированы в Хельсинки и в Вене. Остались довольно крупные суммы в несколько миллионов долларов. Но кто их контролирует?

В советское время миротворческое движение не было интегрировано в западное. Ведь западные пацифистские движения боролись не только за разоружение, но и за права человека, против тоталитаризма, а СКЗМ был порождением тоталитаризма.

Наша ассоциация возникла в 1988 году. В нее вошли некоторые так называемые неформальные организации, например, группа «Доверие», представители Антифашистского комитета.

Мы вступили в Международное бюро мира (это старейшая пацифистская организация, ей уже более ста лет), получив высокий статус вице-президента.

Возникновение нашей ассоциации было своеобразным протестом против существующих миротворческих структур: Советского комитета защиты мира, Фонда мира. Мы хотели обратить внимание российской общественности на то, что нельзя делать ставку на назначенных партноменклатурой лиц, которые оккупировали эти организации. Они писали против нас статьи, пытались подорвать наш имидж. Состязаться с ними было бесполезно, они обладали миллионными валютными и рублевыми средствами, их поддерживал истеблишмент, да и сейчас в некоторой степени поддерживает. Когда началась перестройка, все стало рушиться, мы заговорили открыто.

Сейчас в Западной Европе антивоенное движение

пошло на спад. Социалистическая тоталитарная система распалась, мы достигли договоренностей с США. Однако традиционные пацифистские и антиядерные движения продолжают существовать, они создают в обществе, если хотите, либеральную атмосферу. Российские движения не интегрированы с ними, многие не имеют на Западе партнеров. Запад ждет, когда в России выкристаллизуется что-то подобное западным организациям, с тем чтобы идти с ними на контакты.

Наша ассоциация выражает настроения и взгляды очень небольшой части российского общества, мы бы хотели, чтобы таких движений возникало больше.

Я мог бы упрекнуть МИД России, который уделяет недостаточно внимания неправительственным организациям. Во всех европейских странах парламенты и министерства работают с ними, даже выделяют им деньги. Конечно, сейчас у России мало денег, и тут нечего обижаться, но МИД мог бы привлекать нас к своим акциям. Скажем, если бы к переговорам по урегулированию конфликта в Абхазии были подключены представители неправительственных организаций, это придало бы большую нравственную силу и переговорам, и участвующим государствам. Этого, к сожалению, нет. И вообще, большинство наших движений заняты политической борьбой, в то время как необходимо как можно больше миротворческих акций. Это укрепляло бы наш престиж на Западе.

Процесс этот довольно длительный, но мы должны дождаться, когда наберется некая критическая масса: деятельность политических партий, устоявшийся парламентаризм, авторитетные неправительственные организации. Как только она сформируется, процесс перехода к демократии пойдет довольно быстро и плавно. Я думаю, для этого необходимо 10—20 лет.

Только тогда можно быть спокойным.

Записал Сергей ШАПОВАЛ

Билл КЛИНТОН:

«Я был в Белоруссии. Я также был на Украине, хотя и не так уж долго. Это очень большая страна, там много разных слоев и мнений» («Известия», 1994, № 125)

Вот что значит — президент великой страны! Пришел, увидел и узнал. Все до точки. А мы годами географию учим, газеты читаем, радио слушаем... И все равно друг дружку не понимаем!

Василий ЛИПИЦКИЙ,
Российская социал-демократическая народная партия:

«Блюдя чистоту рядов, таким образом мы добились до почти полного их обезлюдения. В этой ситуации социал-демократы должны выдвинуть внятные альтернативы, близкие и понятные обществу». («Общая газета», 1994, № 27)

Одним словом, блюди, блюдем и будем, так сказать, блюсти, но в порядке внятной альтернативы!

Гавриил ПОПОВ:

В КГБ довольно быстро поняли, что от меня можно получить достаточно емкие наблюдения, и они мне ездить не мешали... Уцелел я в числе прочих факторов и потому, что в КГБ было кому меня защищать». (Главы из книги «Снова в оппозиции». — «Вечерний клуб», 1994, № 147—148)

Вот ведь — одна фраза, и все стало на свои места! Одним словом — ученый... Теперь хотя бы ясно, почему мешали ездить всем остальным, люди-то оказались ненаблюдательными, вот их невыездными и объявили...

ВИКТОР ЧУМАЧЕВ

Минтимер ШАЙМИЕВ, президент Татарстана:

«До сих пор у нас не было невыполняемых указов, они, как правило, работают... Все до мелочей предусмотреть трудно. В реформах важна последовательность. Главное — избежать стратегических ошибок». («Московские новости», 1994, № 27)

Очень правильное замечание. Приняли указ о неучастии в общероссийских выборах — выполнили и как один не участвовали. Потом приняли последовательное решение об участии и как один участвовали. И стратегической ошибки избежали, и Минтимира Шаймиевича в сенаторы продвинули... А вы говорите — нет успехов!

Владимир ЖИРИНОВСКИЙ:

«Россия устала помогать болгарам, венграм, полякам. Турецкие войска уже продвигаются в сторону Сербии, и я не уверен, что на обратном пути они не сделают остановку в Болгарии. Россия больше не будет останавливать «сильных», пусть тогда погибают такие мелкие страны, как Болгария». (Из речи на заседании Комитета парламентской ассамблеи СБСЕ. «Сегодня», 1994, № 126)

Ну действительно, «какой может быть в такой момент Козлевич» и какая-то славянская солидарность, о которой вы, Владимир Вольфович, заботились накануне?

Альфред РУБИКС:

«С огорчением и сожалением приходится сегодня говорить о нарушениях в Латвии прав человека, преследовании инакомыслящих, зависимости судебной власти и других нарушениях, признанных во всем мире основополагающих принципов демократии и правового государства». («Новая ежедневная газета», 1994, № 125)

Ох и прав товарищ Рубикс в своем огорчении и сожалении! Ох как прав... Мало он этого самого при коммунистах натерпелся, так и при демократах терпеть?!

Ю.Г.

Ни страны сменить, ни темы

На вопросы «Столицы»
отвечает генеральный
секретарь Партии
экономической свободы
Леонид ШПИГЕЛЬ

теневой экономики.

— И сегодня в руках подпольного капитала остается огромная собственность, которая лишь номинально считается государственной, не так ли?

— О масштабах этих владений можно только догадываться. Несомненно также, что значительное подкрепление теневой капитал получил в виде ушедших в тень партийных денег и поддержан фирмами и банками, созданными на эти средства. А это значит, что, скорее всего, теневая собственность станет легальной, юридически оформленной на частных лиц или на какие-то ассоциации, СП и т.д.

— Критики часто упирают на то, что отечественный частный бизнес имеет сугубо аппаратную природу, и в этом видят одно из препятствий продвижения к нормальному рынку.

— Это так и не так. Действительно, большинство отечественных предпринимателей придерживаются нелиберальных взглядов на экономику. Их приход в бизнес связан с получением огромных привилегий, и теперь они хотели бы закрепить свое доминирующее положение. Копни любого — и увидишь, откуда ноги растут: то ли это «комсомольский бизнес», то ли бывшая начальственная партсовноменклатура, которая получила предпринимательство как бы в наследство, еще больше спецэкспертов, обосновавшихся на базе госпредприятий. Настоящий рынок этим предпринимателям страшен, они за версту чуют, чем он им грозит. И, стало быть, их устраивает распределительная централизованная экономика. Поэтому смешно слушать, когда вполне уважаемые люди всерьез говорят о том, что надо вначале все вернуть на прежние места, а уже потом медленно двигаться к цивилизованному рынку.

Вместе с тем ядро бизнес-элиты составляют все же выходцы из среднего слоя общества — инженерно-научная интеллигенция, управленцы среднего звена. Напрямую они никак не связаны с бывшей партсовноменклатурой.

— Наше общественное сознание не слишком благоволит к предпринимателям. Да и не понятно — большая ли это сила сегодня?

— Долго не признаваемый у нас немецкий социолог Макс Вебер определял предпринимателя как аутсайдера. Он говорил о том, что его утверждение шло далеко не мирным путем, через бездну недоверия, подчас ненависти, морального возмущения со стороны значительной части общества. Так что мы не исключение. Тем не менее на предприятиях

— Леонид Теодорович, в политических баталиях последнего времени как-то невятно звучит голос частного российского бизнеса, представителей так называемой новой экономики. В чем тут дело?

— Предприниматели всегда с опаской относились к любым партийным структурам и весьма неохотно откликаются на призывы к сотрудничеству. Как правило, свои симпатии и политические пристрастия они предпочитают не афишировать. Хотя это не означает, что у них нет четких позиций. Кстати, разобщенность их среды — это их слабость, но, видимо, она неизбежна.

— Существует мнение, что новые предприниматели и бойцы старой закалки, так называемые теневики, фатально разошлись и даже враждебны друг другу.

— Гены у них действительно разные. Сегодня это особенно очевидно. Лет семь назад картина была иной: тогда казалось, что предприниматели новой волны просто капризные, непослушные дети, что они чего-то еще не поняли и жизнь их не обломала. Между тем Атлантида теневого бизнеса медленно, неохотно погружается в небытие со всей Системой.

— Не секрет, что к моменту падения последнего советского правительства экономика России была густо и прочто обвита нитями черного рынка.

— Это так, десятилетиями действовал огромный всеохватный механизм: снабжение производств сырьем, ресурсами и сбыт готовой продукции — все держалось на подкупе, мздоимстве, теневых взаимозачетах. Однако назвать эти отношения кор-

рупцией, видимо, нельзя. Поскольку в коммунистической экономике, где существовали строжайшие запреты на любую коммерческую деятельность, не фигурирующие в отчетных документах теневые обмены, взятки и т.п. составляли именно коммерческую сердцевину распределительной системы. Поэтому правы те, кто считает социализм не способом производства, а способом распределения и перераспределения и, в итоге, весьма дорогостоящей химерой.

Не разрешая действовать открыто, советская власть загнала экономические отношения в подполье, что отозвалось возникновением и неудержимым разрастанием огромного черного рынка. При этом, разумеется, контрольный пакет акций власти держали у себя, стремясь к тотальному контролю над всеми звеньями подпольного монстра. «Теневики» зависели от управленцев-аппаратчиков, которые свободно манипулировали органами правоохранения. Те же, в свою очередь, находились постоянно в боевой стойке и точно слушали команды. Все остальное было делом техники... Аппаратчик, так или иначе заинтересованный в деятельности «теневика» или имевший свою долю в теневом бизнесе, мог служить хлипким, но гарантом безопасности.

— Можно ли сказать, что власть в стране принадлежала теневому бизнесу?

— Это было бы преувеличением, но не очень сильным. Все шло к тому. Управленческие, аппаратные структуры и подвластные им органы методично срачивались с теневым бизнесом. Нередко высший партийный чин сам становился боссом

«нового бизнеса» сейчас занято 16 млн человек, то есть 22 процента от общего числа занятых в экономике России. Две трети коммерческих структур действуют в сфере малого бизнеса. Впрочем, по другим оценкам, людей, связанных с новой экономикой, уже больше тридцати миллионов.

— Бизнес в России — нечто неопределенное, лишенное как бы ясных очертаний...

— Несмотря на то, что представители «нового поколения» несколько снижают общий образовательный уровень российского бизнеса, он, тем не менее, самый интеллектуальный в мире.

— Не впадаем ли мы в новый грех самообольщения? Помните, со школьной скамьи нам вдалбливали, что первое советское правительство было самым образованным в мире.

— Вот данные фонда «Общественное мнение»: доля лиц с высшим образованием среди предпринимателей превышает 80 процентов. По другим — даже доходит до 95 процентов. Высок процент «физиков» из элитарных вузов, много людей с учеными степенями.

Тем, кто имеет определенный интеллектуальный багаж, рывок в рынок оказалось сделать легче. Но надо иметь в виду, что не могло не сказаться нарушение естественного хода экономического развития в течение семидесяти с лишним лет, а посему отсутствие предпринимательских традиций и сложившаяся практика, закрепленная в законах, обычаях, моделях поведения, подчас заставляет российских предпринимателей изобретать велосипед.

Как показывают исследования, в России складываются две поколенческие когорты бизнесменов, условно говоря «перестроечная» и «новая». Первое поколение — старше 30 лет — сохранило во многом психологические и идеологические связи с интеллигентской средой, породившей его. За предпринимателями нового поколения идут другие — те, кто четко ставил себе цель и понимал, что надо, а что нет. Они уже со школьной скамьи знали котировки, курсы акций и валют, были агрессивны на рынке и не испытывали интеллигентских комплексов.

— Бытует мнение, что в предпринимательской среде лидирующее положение в известной степени занимают армяне и евреи. Что здесь правда?

— Создание такого мифа — тоже политика. И те, кто на этом пытается играть, преследуют вполне очевидные, весьма неблагоприятные цели. Русские составляют 84 процента мелких и средних предпринимателей и

63 процента — крупных. Причина высокой доли предпринимателей нерусских национальностей среди крупных бизнесменов, например евреев, заключается в том, что накануне перестройки им приходилось искать нетривиальные пути «наверх», если они хотели остаться в России.

Предприниматели разных национальностей не создают кровнородственных кланов. Индентификация происходит не по крови, она формируется почвой, культурой, языком. Кстати, многие русские предприниматели не козыряют своей национальностью и называют себя российскими предпринимателями, что вовсе не умаляет их национальной принадлежности.

Там, где политики разных национальностей не могут найти общего языка, предприниматели его быстро найдут и обратят во благо людям, ибо нет и не может быть торговли, бизнеса по национальному признаку. Это нонсенс.

— Не секрет, что, пускаясь в самостоятельное плавание, пытаясь удержаться на плаву, бизнесмен попадает в ситуации, когда ему приходится действовать, скажем так, за рамками закона...

— А вы попробуйте цивилизованно войти в нецивилизованный рынок. Задача не для слабовольных. Начать хотя бы с того, что проблемой становится все — от регистрации до аренды. И в таких обстоятельствах не перейти грань закона весьма сложно. В ходе социологического опроса 30 процентов предпринимателей Москвы и десяти российских городов признали, что в течение последнего года им приходилось давать «ценные подарки» или иные вознаграждения чиновникам. 20 процентов отказались говорить на эту тему. А вот другие цифры, достаточно наглядно свидетельствующие о моральном облике нашего общества вообще. 70 процентов опрошенных работников государственного и частного секторов считают взятку вполне заурядной практикой и готовы к ней.

— Если не ошибаюсь, недавно промелькнуло сообщение о том, что из 700 тысяч частных структур лишь 10 процентов занято производственной деятельностью. Остальные, по мнению многих, набивают карманы людьми несправедливыми путями.

— Ну что же, будем откровенны и предложим тем людям, которые за каждым предпринимателем видят жулика, самим заняться каким-то бизнесом. Думаю, многим это предложение покажется заманчивым. Причем соблазн тем сильнее, чем

дальше он, этот соблазн, отстоит от реальной жизни. Но как только человек начнет сталкиваться с проблемами, которых в наших условиях не счесть, прити у него заметно поубавится.

Нынешние предприниматели и рады бы, как все нормальные, здравомыслящие люди, которые пекутся не только о собственных барышах, а думают о своей стране, вложить средства в производство, но нет никаких гарантий, что тебя завтра не схватят и не пошлют куда подальше. Полноценного, работающего закона о частной собственности нет, нет многих других законодательных актов, страхующих человека от кульбитов нашей политической жизни.

Или те же налоги, набившие всем оскомину! Частную инициативу государство норовит придушить еще в колыбели. Отсюда реакция: по подсчетам специалистов, сегодня в стране как минимум 44 процента доходов укрывается от налогов. Не случайно, комментируя последние указы Ельцина в экономической сфере, президент концерна «Гермес» В.Неверов подчеркнул, что в коммерческих кругах крепнет убеждение: государство стало на путь уничтожения негосударственного сектора. А иначе как объяснить попытки государства увеличить налоговый оброк?

И поскольку механизмы, аналогичного западному, при котором предпринимателю выгоднее платить налоги, чем уклоняться от них, до сих пор в стране не создано, то можно быть уверенным — как прежде искали лазейки в законодательстве, так и будут искать, чтобы укрыться от налогового бремени.

Прибавьте к этому назойливо-приспальное внимание рэкета всех мастей, бессилие милиции, порой весьма не бескорыстное, и многое тогда станет понятно. Но хочу подчеркнуть: дайте российским предпринимателям возможность осваивать свой рынок — и желающих прятать деньги за границей или гнать туда сырье окажется совсем немного. Как недавно заметил президент концерна «ОЛБИ» О.Бойко, у отечественных банкиров нет задачи прятать деньги за рубежом, потому что им там просто нечего делать. Эффективен только обратный процесс — на Западе деньги берутся и в Россию инвестируются.

— Что же нас ждет в будущем?

— Как сказал один из героев Джойса: «Нам этой страны не переменить. Давайте переменяем тему...» Впрочем, соблазнительно ответить на вопрос, опираясь на мнение экспертов, которые считают, что через два года 40 процентов электората, осознав свои

ошибки и интересы, проголосуют иначе, чем в декабре прошлого года. И Россия будет просто обречена на либеральное реформирование. Однако реалии подталкивают к другому выводу, и нынешнее поколение относительно молодых политиков и предпринимателей — это уходящая натура (говоря языком кино), а вот те, что придут после — когда сменится два, а то и три поколения, — может быть, и сумеют поймать ветер в свои паруса.

— Леонид Теодорович, недавно вступил в силу Указ президента страны о борьбе с бандитизмом и организованной преступностью. Насколько, с вашей точки зрения, он страшает общество от уголовных элементов и, в частности, что могут ждать от его реализации коммерческие структуры?

— Как может Указ защитить граждан страны, если он нарушает права человека, открывая необъятные возможности для стражей порядка чинить произвол? Неужели вы думаете, что Указом можно остановить нынешний беспредел? Начало всех наших бед коренится в совершенно невообразимых экономических отношениях. Преступность — это видимая часть айсберга. Все, что приводит к ней, лежит глубже, там,

куда забираться нам кишка тонка.

Что же касается предпринимателей, то, как вы понимаете, ничего хорошего ждать им не приходится. Давно не секрет, что правоохранительные структуры всегда в боевой стойке, так как главный и безусловный первоисточник зла они видят в российском предпринимателе. Разумеется, в результате тотальных облав и проверок в сети попадут ни в чем не повинные люди, бизнесмены понесут убытки, которые им никто не возместит. Настоящие же бандиты будут, как всегда, легко и свободно маневрировать, уходя из-под самого носа стражей порядка.

— То есть вы думаете, что милиция даже с Указом наперевес не в силах справиться с преступностью?

— Как-то сложилось в общественном мнении, что милиция всегда чем-то обделена, всегда в роли бедного родственника — то денег нет, то нехватка кадров, то техника на нулях. Все из рук вон плохо, и поэтому делать никто ничего не будет. Но давайте-ка безбоязненно и подавив неприязнь взглянем в лицо милиции. Увы, не многим это окажется по душе. И прежде всего потому, что смотримся в себя, ибо милиция, правоохранительные органы — это сколок нашего общества.

Недавно мне попались на глаза откровения одного бывшего сотрудника КГБ. Он рассуждал о том, что вот, дескать, развалили контору, профессионалов выгнали, куда бедному чекисту деваться. То ли «Родину продавать», то ли в криминальные структуры податься. Больше некуда. Вдумайтесь, элитные службы потенциально ориентированы на уход в бандформирования! Что же тогда говорить о милиции, которая всегда считалась рангом ниже?!

Я вовсе не хочу мазать всех сотрудников милиции черной краской, есть среди них профессионалы, люди честные. Работе их действительно не позавидуешь. Но нужна реформа, нужна переаттестация. Один из выходов я вижу в обращении к армии. Там готовится значительное сокращение офицерских кадров. Может быть, объявить армейский призыв для пополнения милиции? Разумеется, платить им гораздо больше и жильем помочь. Тут, между прочим, могут сказать свое слово коммерческие структуры. Это и в их интересах. Да и потом — офицерские честь, знания, умение будут для милиции явно не лишними.

Александр СИРОТА

Покури и... выиграй!

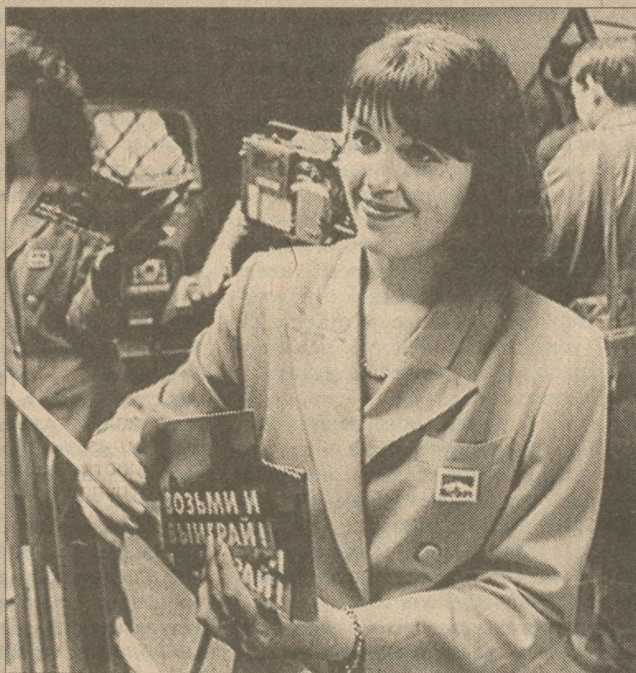
Совершенно справедливо полагают, что реклама — двигатель торговли. Но, оказывается, товар нуждается не только в банальной рекламе, но и во всяких хитрых и изысканных способах его дальнейшего продвижения на рынок с целью увеличения сбыта. И даже ввели специальный термин — «промоушн», переводящийся, кстати, как «продвижение».

Одним из первых промоушнов принято считать эксперимент, проведенный еще в 1895 году создателем и владельцем американской фирмы по производству кассовых аппаратов Джоном Паттерсоном. Предприимчивый Паттерсон нанял специалистов, которые бесплатно консультировали клиентов фирмы по вопросам управления их магазинами. Результатом столь ценных консультаций были возросшие обороты магазинов и, как вожденное следствие, — потребность в приобретении дополнительных кассовых аппаратов.

Чего только не наприду-

мывали с той поры, чтобы заинтересовать потребителя и заставить его хотя бы разочек попробовать свою продукцию, а не конкурента.

В Москве и Санкт-Петербурге можно сейчас наблюдать широкомасштабную промоушн-кампанию сигарет «Мальборо», проводимую корпорацией «Филипп Моррис». Промоушн носит призывное название «Возьми и выиграй». Отослав в специальном конверте с заполненным купоном доньшки от пяти любых пачек «Мальборо», желающие принимают участие в лотерее, главными призами в которой выставлены три автомобиля «Джип Вранглер». Можно предположить, что даже почитатели сигарет других марок выкупят по такому случаю по меньшей мере полблота «Мальборо». А чтобы народ знал, «за что он курит», в ГУМе, ЦУМе, а по выходным и в некоторых ночных клубах Москвы можно воочию полюбоваться призовым автомобилем, заодно там же получить и купон для участия в

лотерее.

Придет совсем немного времени, и отечественные производители начнут «двигать» свой товар сначала на российский, а потом и на внешний рынок. Остается

надеяться, что и у нас сумеют проявить фантазию, чтобы цивилизованно и интересно предлагать потребителю свою продукцию.

Вадим КАНТОР
Фото автора

Рейтинг — дело тонкое

Председатель правления Международного промышленного банка, доктор технических наук, член-корреспондент Российской инженерной академии, почетный академик Строительного комплекса России Сергей Алексеевич ВЕРЕМЕНКО, любезно согласившийся выступать в качестве эксперта журнала по вопросам финансово-банковской деятельности (№ 21, 1994 г.), отвечает на вопросы нашего корреспондента.

— В последнее время во многих средствах массовой информации публикуются рейтинги коммерческих банков. Насколько нужны и полезны эти сведения для рядового клиента банка? Почему рейтинги в различных изданиях так разнятся между собой: места банков распределены зачастую совершенно по-разному. Нет единого подхода — профессионального, четкого, раз и навсегда выработанного. Есть ли универсальная методика, по которой можно точно определить место конкретного банка в ряду других?

— Сначала я бы хотел пояснить, для чего нужны сами рейтинги. Построю беседу на языке аналогий, для того чтобы все стало более понятно и наглядно.

Скажем, руководителю предприятия необходим новый сотрудник для выполнения определенного круга задач. Как это делается? Объявляется конкурс, на него подаются заявления. Обратиться может несколько сот человек. Естественно, с каждым провести личную встречу руководитель не может. Да это и незачем. В таких случаях проводится предварительный отбор, обычно проходящий по системе тестирования. А уж тех, кто прошел этот этап и занял в нем лидирующее положение, приглашают для индивидуальной беседы. Другими словами, ведется рейтинговый анализ при отборе претендентов.

Если обратиться к теме банков, то

здесь — примерно такая же ситуация. Для клиента, у которого возникает проблема, куда вложить деньги, с каким банком завязать деловые отношения, необходим четкий ориентир. Обилие рекламы, не всегда добросовестной, большое количество самых различных банковских учреждений сбивает, не дает инвестору объективной информации. Рейтинг призван помочь в подобной ситуации. Это — упорядочение всей информации по какому-то определенному качеству. Оно и должно помочь потенциальному вкладчику правильно распорядиться своими средствами.

Вернемся к нашему примеру подбора кадров. Когда мы ищем себе сотрудников, то, как правило, руководствуемся несколькими показателями: компетентность, квалификация, коммуникабельность и т.д. Другими словами, мы интересуемся самыми различными сторонами деятельности человека, характеризующими профессиональные качества претендента. Так же обстоит дело и с подходом к банковскому рейтингу: критерии его расчета различны. В первую очередь — это надежность банка, затем — ликвидность, характеризующая возможность банка по выполнению обязательств, взятых перед клиентом. Но если ликвидность — показатель возвратности ваших средств, то есть еще группа показателей, которые иллюстрируют эффективность банка. Это различного рода данные о рентабельности, отношении прибыли к активам и т.д. Ведь инвестору не только интересно вернуть свои деньги обратно, но и получить на них определенный доход. Следовательно, мы имеем проблему сравнения объектов по набору критериев. Она достаточно сложна в методологическом плане.

Итак, мы пришли к заключению, что зачастую банки сравниваются между собой по набору критериев. И тогда если мы обратимся к известным методикам, то увидим, что используется

такой прием: каждый критерий «взвешивается определенным числом», т.е. ему присваивается обусловленный вес, который вроде бы является значимостью этого критерия для общей оценки ситуации. Это примерно то же самое, когда при оценке персонала руководитель считает, что для проведения такой-то работы необходима высокая квалификация, а в ином случае важнее коммуникабельность. И эта характеристика находится в определенном соотношении с другими.

Вот теперь-то мы подходим к самому важному моменту в рейтинговом анализе. Дело в том, что руководитель может сказать при подборе кадров, что ему, к примеру, важнее всего квалификация или коммуникабельность, и т.д. И такой подход в дальнейшем используется для получения количественных и качественных оценок. Но когда каждому из этих показателей присваивается вес и он обозначается каким-то числом, то возникает неясность. Итак, в зависимости от того, какой назначаем вес тому или иному признаку, мы тем самым заведомо предопределяем выбор.

Оценка инвестиционной привлекательности банка — именно этому посвящен рейтинговый анализ. Допустим, если мы в качестве основного признака будем рассматривать величину уставного капитала и ему придадим максимальный вес, то все остальные показатели на этом фоне потеряются. И тогда рейтинг станет представлять упорядочение мест банков по размеру уставного капитала.

Давайте зададим вопрос человеку, который проводит рейтинговый анализ: почему такому признаку, как величина уставного капитала, дали показатель, положим, 0,7? И никто (это проверялось и в рамках теории принятия решений) обосновать именно эту величину не сможет. Дело в том, что в отличие от физических и экономических параметров,

наш показатель такой природы не имеет, его нет как такового. И тем не менее такой подход и определяет создание в дальнейшем рейтинговой системы. А мы убедились, что он — субъективен.

Если какая-то организация в средствах массовой информации публикует рейтинг, то пишет: «По нашему мнению, показатели ликвидности целесообразно присвоить такой-то вес, рентабельности собственного капитала — такой-то и т.д.». Тем самым она заявляет о своей собственной позиции. Но ее ни в коем случае нельзя рассматривать как объективную. Итак, смело заявляю, что все публикуемые рейтинги объективными быть не могут по своей сути. Они лишь отражают предпочтение тех субъектов, которые этот рейтинг готовили, или отношение тех сил, с позиций и в целях которых он составлялся.

Если, к примеру, Международный промышленный банк сам для себя составляет рейтинг коммерческих банков, то руководствуется таким показателем, который бы выявил, какую прибыль можно в перспективе получить от размещения своих временно свободных средств в других банках. Здесь мы вправе опираться на свое собственное представление о том, какой признак важнее, как проранжировать все остальные. Именно поэтому мы были вынуждены разработать свой собственный подход, свою методологию и только на ее основании составлять методику подсчета рейтинга. Такая методология была разработана группой специалистов Международного промышленного банка под руководством доктора экономических наук Р.В.Игудина. Не буду раскрывать ее особенности, ибо это по-настоящему «ноу-хау». Но хочу отметить, что, учтя как мировой, так и отечественный опыт разработки различных рейтингов и в целом теорию принятия решений, мы предложили свой подход, адекватный возможностям человека. Известно, что человек в состоянии выразить свое отношение к тому, какой показатель для него важнее. Вся методика, разработанная нами, основана на порядковом ранжировании. Затем проводится процедура обучения этой методике на основании предпочтений, высказываемых специалистами, результаты обработки которой и дают нам те значения «веса», упоминавшиеся выше.

Наша принципиальная позиция в том, что рейтинг может отражать лишь предпочтение индивидуально инвестора или их группы. И только в той мере, в которой вы разделяете их предпочтения, можете принимать для себя полученное упорядоченное место конкретного банка в цепи ему подобных. Таким образом, мы открыто заявляем о своей платформе и выдаем результат наших подсчетов, а вы, если соглашаетесь с таким подходом, этот результат используете с пользой для себя. Если же нет, то мы

можем предложить нашу методику, но тогда вы уже самостоятельно оцениваете важность показателей, проводите всю работу и затем пользуетесь результатами своего рейтингового анализа.

В этой процедуре есть целый ряд специальных моментов, на которых в данной беседе не хотелось бы останавливаться, ибо это уже сведения для узких специалистов. Но, если таковой интерес у читателя возникнет, мы с удовольствием ответим на все вопросы.

— **Сергей Алексеевич, и все же, может быть, приоткроем дверь на «кухню рейтингов»? Как и из чего это «блюдо» готовится?**

— Механизм рейтингового анализа — это достаточно непростая процедура, и, прежде чем доверять публикации даже в весьма авторитетных изданиях, хорошо бы познакомиться с тем, как эта процедура устроена, рассмотреть ее механизм в деталях. Если вы доверяете свои капиталы какому-то банку, то идете в вполне определенный коммерческий риск, который может измеряться экономическими потерями. Сопоставьте возможные потери или выигрыш с теми затратами вашего времени или, скажем, с расходами на привлечение экспертов для того, чтобы разобраться в механизме построения конкретного рейтинга, можно ли ему доверять. В дальнейшем, при вашем положительном решении, можно будет пользоваться результатами данного рейтингового анализа.

Например, когда речь идет об оценке инвестиционной привлекательности, то специалисты выделяют две группы критериев: это показатели, характеризующие надежность банка и выявляющие эффективность его функционирования и развития. Что относится к первой группе? К примеру, ликвидность, характеризующая отношение капитала банка и его обязательств. Сюда же входит и достаточность капитала — соотношение собственных и привлеченных средств. Следует здесь упомянуть показатель, который специалисты называют «коэффициентом Кука», — соотношение собственных средств и активов банка. Достаточно интересным критерием, определяющим надежность банка, является качество банковских активов. Нельзя забывать кросс-коэффициент — отношение обязательств банка к выданным кредитам. Не менее важен коэффициент, характеризующий защищенность капитала, — отношение собственных средств в капитале банка, защищенных от инфляции и риска...

Во вторую группу показателей, характеризующих эффективность функ-

ционирования и развития, включаются норма прибыли на капитал, доходность, доля прибыли в доходах. При этом если мы располагаем детализированной информацией, то перечень показателей, о которых мы говорим, может быть более развернут. В таких случаях учитывается структура активов, взвешенных с учетом риска, и многое другое.

На процедуру рейтингового анализа существенно влияет информационное обеспечение. Поэтому, если мне предлагается какой-то рейтинг и одновременно приводятся данные, на основании которых он подсчитан, — это одно. Но коли публикуется большой и развернутый список банков с набором показателей, но я не в состоянии проверить информационную базу, то к такому анализу у меня, как у специалиста, отношение будет осторожное. И это — одна из позиций, с которой мы должны подходить к подобным многочисленным публикациям.

Нельзя в беседе о рейтинговых исследованиях не вспомнить Центральный банк Российской Федерации. Он крайне заинтересован в том, чтобы иметь рейтинг коммерческих банков. Но для этого располагает совершенно иной информацией. И самое главное, как он подходит к проведению подобной оценки. ЦБ прежде всего интересуется показателями, характеризующие надежность. Ему, как несущему ответственность за стабильность всей банковской системы страны, значительно в меньшей степени интересна эффективность коммерческих банков и ряд других величин.

— **Банковская система в цивилизованных странах отработана веками. Там издавна публикуются рейтинги. Почему бы автоматически не перенести их систему и принципы к нам?**

— К сожалению, такой вариант невозможен по ряду причин. Перенос методики из устойчивой налаженной экономики в нашу нестабильную не будет сколько-нибудь эффективен. К нашим непростым условиям надо применять нашу же, специфическую систему подсчетов, фиксируя и просчитывая при этом множество нюансов экономической жизни сегодняшней России.

Мы открыты к сотрудничеству в этой области. Любая группа банков или других организаций, желавших бы иметь свой собственный рейтинг, может познакомиться с нашей методикой и воспользоваться ею. Для этого уже имеется необходимый программный продукт.

Александр ТРУТНЕВ

**Контактные телефоны Международного
промышленного банка: 292-82-82, 292-83-83.**

achtung
attention
atencion

РУССКИЕ ПРИШЛИ!

Сергей ЧУПРИНИН

Уже замечено: в каком из чудесных городов, в какой из точек земного шара ни окажись, слух твой в уличном шуме и гаме тотчас же безошибочно выловит звуки родной речи. Русские* нынче всюду — вот первое впечатление выезжающего за кордон либо погулять, либо по казенной надобности. Всюду — в аэропорту имени Кеннеди и на набережной Сан-Паули, в «Тати» и в Сорбонне, на улочках Хайфы и на площадях Сеула. Куда ни зайди: в университет, контору, универмаг, клинику, банк, на вокзал — почти наверняка натолкнешься на земляков.

Или на землячек.

Поначалу, конечно, все это вызывает приступ смешливого патристического восторга. Что ни говори, а сбылась мечта вековечно невыездных россиян: пустили-таки Дунечку в Европу; работает, значит, закон о праве на туризм, на беспрепятственную смену страны проживания; и есть к тому же, получается, у наших сограждан еще и деньги на визы, на билеты, на страховку, на многое такое прочее.

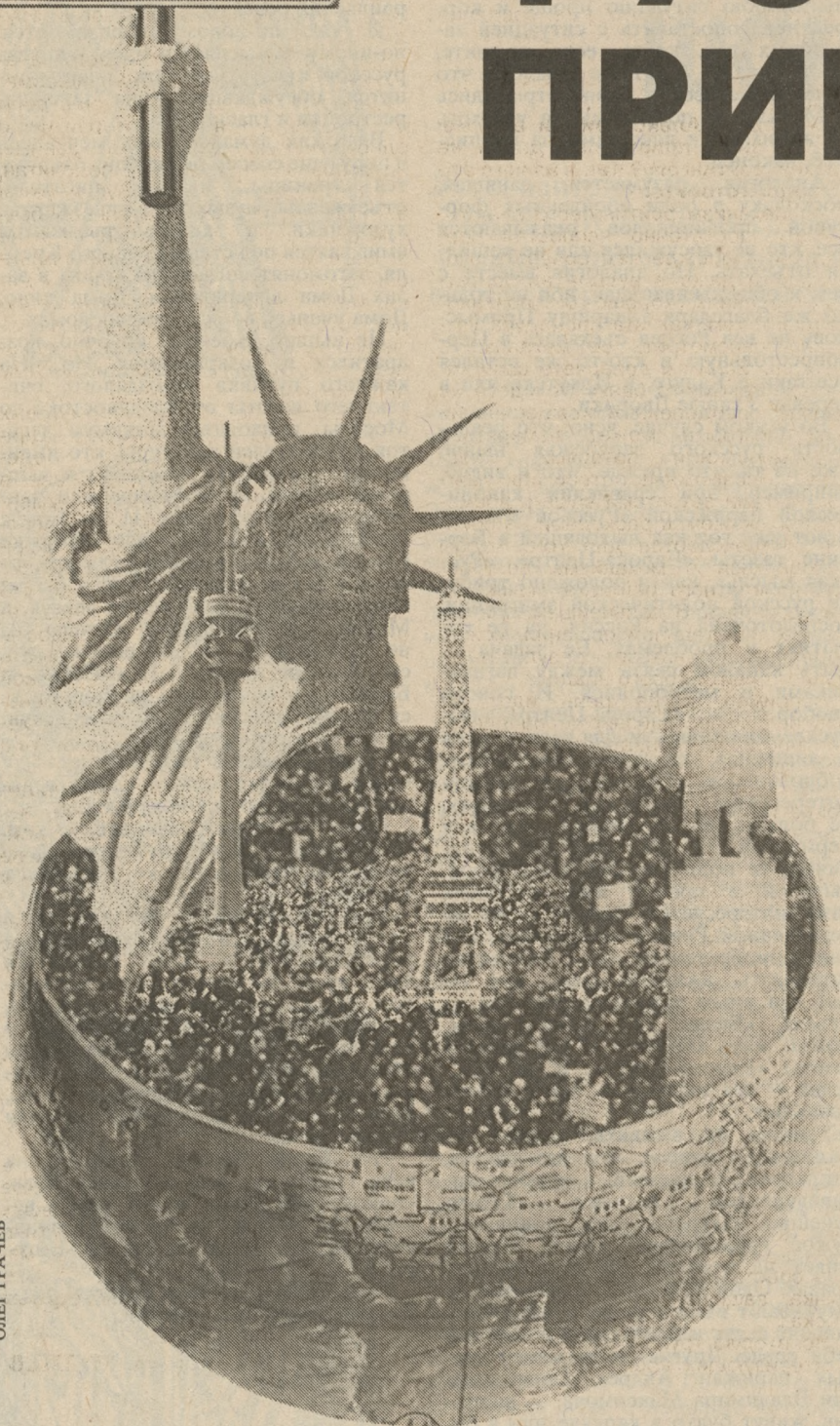
Потом — когда чуть-чуть осмотришься и поймешь, что в русскоговорящих толпах большинство составляют отнюдь не командированные и вовсе не туристы, а те, кто под разным предлогом убыл из Отечества либо навсегда, либо как минимум всерьез и надолго, — так вот потом ощущаешь, разумеется, укол патристической досады.

И патристической ревности.

Ну в самом-то деле. Куда, черт побери, несет по континентам нелегкая вчерашнего москвича или позавчерашнего ростовчанина? Что ищет он в стране далекой, что кинул он в краю родном? И отчего ему не сиделось, отчего не работалось (и не за-

* И здесь и далее речь идет, разумеется, не только об этнических русских, но и обо всех насельниках бывшего СССР. Евреи, башкиры, грузины, да хоть бы даже таджики или корейцы, оказавшись вне родного предела, — все мы одинаково воспринимаемся миром как русские. Кому-то это, возможно, и обидно, но... Не нами заведено, не при нас и кончится...

ОЛЕГ ГРАЧЕВ

рабатывалось) в России, где тоже, как известно, есть теперь и свобода, и казино, и бизнес, и супермаркеты?

Неужто дедовский закон: где родился, там и пригодился — не про него писан?

Да, не про него. Ну и что? Наши деды и бабки большой оседлостью тоже не отличались. Вся русская история XX века есть в этом смысле история миграций: из деревни в Москву, из города в город, из Нечерноземья на целину, в Сибирь, в Прибалтику, мало ли куда еще. Принудительно переселялись народы и сословия, жертвы репрессий и дерзких правительственных экспериментов. Но и добровольно ведь мчались: невесты — за женихами, женихи — за песнями, за туманом и за запахом тайги.

Или за успехом.

За красивой жизнью.

За большими деньгами.

Вся новизна, таким образом, лишь в том, что пограничные столбы перестали быть геркулесовыми, где обрывается земля и начинается terra incognita — то ли рай, то ли ад, куда при сильном желании, может быть, и можно попасть, но вернуться откуда уж точно нельзя. Причем — и это тоже очень важно, и в этом тоже новизна — отъезжают уже не только евреи и приравненные к ним лица гуманитарных наклонностей. Среди тех, кто мирно топчет чужие газоны, встретишь теперь и развеселых баб с Орловщины, и крутых качков из Днепропетровска, людей с внешностью номенклатурных партайгеноссе и людей с внешностью прирожденных механизаторов. Все национальности, все сословия, все поколения сошлись в единой охоте к перемене мест.

Зачем, спрашиваешь, уехали — два миллиона в Штаты, полтора миллиона в Германию, сколько-то там сотен тысяч в Израиль, тысячи, десятки тысяч во Францию, Канаду, Новую Зеландию, на Берег Слоновой Кости?

Мотивы, разумеется, разнятся. От «чтобы спасти сына от призыва в армию» до «почему ж не поездить, пока молодой». Все, словом, мотивы, все предлоги — кроме политических, и это объяснит, надеюсь, почему я ни разу до сих пор не воспользовался классическим термином «эмиграция».

Они и в самом деле не эмигранты — отъехавшие в последние три-пять лет. Отъехавшие грамотно, цивилизованно — то есть с правом вернуться, то есть оставив за собой российские квартиры и прописки, то есть сохранив привычные связи и отношения. Они — скорее диаспора, рассеяние, этническая сеть, наброшенная разом на весь глобус. И, дивясь тому, как много уже, оказывается, нас на чужбине, как исправно работает на эвакуацию из России Шереметьево-2, нет-нет да и подумаешь невольно: уж не собрались ли русские повторить историческую судьбу евреев, которых, как известно, везде много — от Чукотки до Огненной

Земли — и которые, как опять же известно, умеют замечательно ассимилироваться, сливаться с этническим ландшафтом страны проживания, а с другой — столь же замечательно умеют сохранять свою национальную идентичность.

Но — к черту, к черту неконтролируемые ассоциации! Тем более что нынешнюю ситуацию проще и корректней сопоставить с ситуацией застойных лет, когда, если помните, провинциалы — и тоже казалось, что чуть ли не все, — бурно стремились в Москву: за покупками, за успехом, за женихами и невестами, за пропиской, наконец.

Аналогия, разумеется, ранящая, поскольку в роли обойденных фортуной провинциалов оказываются все, кто не удосужился или не решился отъехать. Но аналогия вместе с тем и обнадеживающая, ибо не только же благодаря товарищу Промыслову не вся Россия съехалась в Первопрестольную и кто-то же остался все-таки в Калуге, в Иркутске или в деревне Утиные Дворики.

Во всяком случае, ясно, что реальность русского зарубежья нынче уже не та, что прежде. Что и видно, например, при сравнении канонической парижской «Русской мысли» и вот уже год как выходящей в Берлине газеты «Европа-Центр». «Русская мысль», как и положено трибуны русской политической эмиграции, сосредоточена на России, на ее событиях и проблемах. Ее задача — быть каналом связи между изгнанниками и метрополией. И совсем наоборот — «Европа-Центр», выпускаемая отнюдь не для изгнанников и лишенцев, но для иммигрантов-добровольцев. Россией эта газета интересуется постольку, поскольку, не больше чем Бразилией, зато вот Германией, ее законами, ее традициями, ее политической, культурной, бытовой и прочей жизнью очень даже интересуется. Задача — не об оставленной Родине напоминать, а в благоприобретенное Отечество встраивать, вживлять всех, кто по тем или иным причинам решился на отъезд. «Везде, где можно жить, и можно жить хорошо» — вот девиз и газеты «Европа-Центр», и ее читателей — как нынешних, так и потенциальных.

Удается ли вживить, удастся ли вжиться — вопрос, что называется, открытый, решаемый в строго индивидуальном порядке. Кто-то успешно натурализуется, принимает чужое гражданство, кто-то годами живет на птичьих или полуптичьих правах. Одни мгновенно осваиваются, выучивают язык страны проживания, заводят связи и контакты в новой для себя среде. Другие — на манер старых парижан Андрея Синявского или Владимира Максимова, — напротив, живут будто в капсуле или в батискафе: язык не выучили, окружающую среду либо презирают, либо наблюдают с холодным любопытством ихтиологов, общаются лишь с себе подобными.

Но, как бы то ни было, и первые и вторые — будто семя русского языка и русской культуры, занесенное на чужую почву. Какое-то, конечно, не выживет либо мутирует, а какое-то, наоборот, сохранит изначальный генетический код, даст ростки, всходы, жизнь новым поколениям германских, французских, израильских россиян.

И уже по-новому переживается, по-иному осмысливается идея единства русской культуры, столь живо, помнится, обсуждавшаяся на заре перестройки и гласности.

Ведь как думалось, как мечталось в пору, еще совсем недавнюю: откроются границы, и все писатели-отъезжанты, музыканты-отъезжанты, художники и актеры-отъезжанты вмиг явятся под стены древнего Кремля, загомонят согласным хором в залах Дома литераторов, Дома кино, Дома ученых, во всех прочих домах.

Не вышло. Кое-кто, конечно, возвратился и возвращается. Но... На каждого путника запоздалого, считающего версты от Владивостока до Москвы, приходится минимум десятков тех деятелей культуры, кто именно сегодня пакует чемоданы и выправляет визы в шведском или занзибарском посольстве. И — Бог с ними! Если уж в Пензе или в Торжке удастся выжить русской культуре, то отчего бы не выжить, отчего бы не сохраниться ей, как свежей завязи, в Мюнхене или Варшаве? Отчего бы не завязать связь обществу русско-русской дружбы Нью-Йорка и Барселоны, отчего бы не попытаться привить классическую российскую розу к заморскому дичку?

Глядишь, еще и польза будет — в видах вящей российской славы, в видах грядущего русской культуры...

Помните старый анекдот о том, что русские умеют путешествовать только на танках, только под грохот канонады?

Ура! Научились и без танков, и без канонады, и без душегрейных собеседований в КГБ. Радоваться здесь вроде бы нечему — утечка мозгов, утечка рабочих рук, то-се. Но, видит Бог, и печалиться особо не о чем, если русская речь естественным образом обживает просторы Метрополитен-оперы, Помпиду-центра, Мельбурнского университета или фирмы «Сименс».

Реальность такова, какова она есть. Примем ее, как разумные люди, спокойно. И будем ждать новых вестей. Вроде той, что поведал приятель, вернувшийся давеча из Нигерии.

Уже и там слышна русская речь. Русские уже и туда пришли.

С точки зрения ШАМАНА

Руководитель Московского шаманского центра Дея Дян (Аля СЛОБОДОВА), связавшись с потусторонними силами, говорит о шансах на следующих президентских выборах представителей тех или иных политических сил.

— Я вам объясню с шаманской точки зрения: все имеет свой дух: страна, например Россия, политический какой-то клан, партия. Если дух партии исчез — все, партия разваливается. При этом действует эффект бумеранга: если послать зло — оно возвращается. Это закон этический. Так, убийство царя — это было жертвоприношение, с другой стороны — сильный энергетический шок. И кровь, пролитая в 1917 году, возвращалась в 1937-м. Потом — война.

Существует такое понятие «эгрегор», то есть общий энергетический круг, который все время насыщается энергией людей, связанных с этим кругом. Есть семейный эгрегор — он излучает энергию двух или пяти человек. Есть и эгрегор любой структуры — фирмы, организации, лица. Есть эгрегор у партии. Почему так быстро накрылась КПСС? Она была могущественная, казалось, ну что может быть сильнее ее? Но очень быстро развалился ее эгрегор. То есть это там, наверху, закончилось. Так же и у других партий.

А кто такой политик с моей, шаманской, точки зрения? Это человек, обладающий определенной силой, в первую очередь — очень мощной интуицией (политик, лишенный интуиции, — плохой политик, потому что он очень часто должен действовать интуитивно, а не логически). Считается, что пять процентов человечества обладает большей силой, большей энергией, чем все остальные, и они-то становятся крупными политиками, военными, учеными и т.д. Потому что им дана некая сила, с помощью которой они побеждают. Сила — это такое ключевое понятие в шаманстве.

Вообще, события в нашей стране развиваются очень странно, не по логике. Их можно почувствовать

только интуицией. Вот почему Ельцин побеждает? Через сколько он прошел разных ситуаций! Август и прочее. Потому что определенная сила, которая стоит за ним, его охраняла и вела. Когда был Горбачев, было ощущение, что это экстаз перестройки, это обновление жизни будет длиться вечно, но потом энергия ее исчерпалась. И Горбачев вовремя не успел перестроиться, он продолжал действовать в русле энергии перестройки, а она уже ушла, кончилась. И все. И закончилась его эра.

Время Ельцина тоже не будет очень долгим. Я думаю, он еще раз не станет президентом. До конца этого президентского срока его не свергнут, но вряд ли и еще раз изберут.

— Вы говорите о какой-то высшей силе? Вы можете ее как-то охарактеризовать?

— Безусловно. Дело в том, что существует некая предначертанность. После того как истек срок Горбачева, пошло сильное ускорение ситуации, то есть там, наверху (показывает пальцем на небо. — А.Л.), как бы очень быстро поняли, что этот эксперимент с советской властью неудачен, и очень быстро его закрыли. А люди, которые пришли в перестройку — Ельцин, Горбачев и другие, — они стали просто проводниками исходящей оттуда энергии.

— А кто придет на смену Ельцину? В качестве наиболее реального преемника многие называют сейчас Черномырдина.

— Нет, он не такая фигура, я это чувствую. Я, когда снимаю информацию будущего, всегда использую несколько разных вариантов: разных духов, например, спрашиваю. И так категорично, жестко, прямо сейчас я не хочу говорить о том, будет ли Черномырдин президентом или не будет.

Но я не чувствую за ним судьбы. Это видно невооруженным глазом. Из демократического мира, на мой взгляд, самая энергетически сильная фигура сейчас — это, конечно, Гайдар, хотя у него тоже много странностей. Не совсем понятно, чего он вообще хочет. Создается ощущение, что он мягко стелет, но, видимо, придется жестко спать.

— В свое время первым из демократов о своих притязаниях на президентство заявил Шахрай.

— Сейчас посмотрю. Секундочку. (Долгая пауза. — А.Л.) Нет! Понимаете, когда идут выборы президента, реальных претендентов один или два, а вокруг них много шума. Вот Шахрай один из тех, кто эту энергетику накачивает. Он создал какую-то партию, которая пять процентов набрала. То есть он в поле. Но... Нет, пока не вижу. Может быть, лет через 20—40.

— Очевидно, что и Руцкой выдвигается...

— Нет, исключено — на нем очень сильное черное пятно, вся эта вот кровавая ситуация. На нем вина. Он закрыт энергетически. Вот наиболее открытая фигура сейчас, я вижу, — это опять же Гайдар, как ни странно. И, кстати, то, что он ушел из правительства, он очень мощный сделал шаг. Уйдя, Гайдар себя открыл очень сильно. Наверное, он знает (у них же есть свои ясновидящие).

— ???

— Есть, есть. У всех людей политики есть ясновидцы, которые все предсказывают, просто это не афишируется.

— А как Жириновский просматривается?

— За ним стоит определенная сила. Но дело в том, что он — это повторение тех неудачных экспериментов, которые уже были. И вряд ли Космосу нужно это повторение, и еще в таком, если не шутовском, то несколько абсурдном виде. Это не люди будут решать, а Космос. Жириновский сумел, благодаря неким магическим вещам (это черная магия), заполнить сознание людей, используя очень мощное телевидение для «прокачки». Вы заметили, он все время смотрел прямо в камеру: это он очень жестко транслировал свою энергию и информацию. И сумел окрутить определенную магическую ситуацию. Но, кстати, после выборов, когда такой большой шум был вокруг него, мне пришла информация оттуда (когда я настраиваюсь, она приходит), что этот его успех и то, что он достиг его именно сейчас, — это не случайно сделано на космическом уровне. Это специально было сделано, чтобы показать, какие опасные силы есть и что нельзя их сбрасывать со счетов.

— Что вы скажете о последней новинке — партии Гайдара?

— Он очень правильно делает: он идет к власти, к президентству. Эта партия будет существовать, будет жить. Если за этой личностью есть будущее, будет жить и партия.

— А вот последнее время на виду партия Жириновского: провела съезд, конференции, скандалы разные ее сотрясают.

— Скандалы — это как раз свидетельство того, что нет владения именно эгрегориальной энергией. Жириновский представляет собой некую энергетическую воронку, вокруг которой концентрируются несгоревшие энергии: прокоммунистические, профашистские и так далее. Но они между собой тоже вступают в противоречие и не могут договориться. Отсюда эти конфликты, и поэтому все держится на разрыве. А то, что на разрыве, то может в любой момент распасться.

— Тогда скажите о партии Зюганова.

— С энергетической точки зрения это такой, знаете ли, отводной канал, для выпуска пара. Эгрегор коммунистической партии распался.

— На базе блока Явлинского делаются попытки создать движение. Выдет ли из этого что-нибудь?

— С точки зрения энергетики я чувствую внутри этого блока какой-то разрыв. Знаете, целое — оно всегда в виде круга, потому что круг — это символ единения. А вот тут я настраиваюсь и вижу, знаете, как будто лепестки какие-то. У меня такое ощущение, что там не очень удачное соединение людей — каждый как бы претендует на лидерство. Они не могут договориться. А потом, эти люди — Болдырев, Лукин, — нет за ними энергии. Их взял Явлинский — это и есть его слабость. Чувствовал бы он силу, ему не нужны были бы ни Лукин, ни Болдырев.

Алексей ПЯТКОВСКИЙ

ФИРМА
«LAUREL»

ПРОДАЖА
КВАРТИР В МОСКВЕ

НЕДВИЖИМОСТЬ
В АНГЛИИ
И ГОЛЛАНДИИ

С 10 ДО 18 ЧАС.

449-3933 449-3943

449-3764 445-4263

445-1462 445-3988

114-1893 407-9813 ПОСЛЕ 18 ЧАС.

1 — КОМНАТНЫЕ

2 — КОМНАТНЫЕ

3-6 — КОМНАТНЫЕ

ПРОИЗВОДСТВЕННО
КОММЕРЧЕСКАЯ
ФИРМА

КГК

Только у нас вы можете сразу купить

дешево

МЕБЕЛЬ ДЛЯ ОФИСА

ВЫСТАВОЧНЫЙ ЗАЛ
Делегатская, 7, м. "Цветной бульвар" (за театром кукол)

Тел. 973-90-57, 973-90-56.

Нижний мир

Владимир ГОНИК

Роман Владимира Гоника «Преисподняя» вышел осенью 1992 года и мгновенно стал бестселлером, к автору которого зачастили телевизионные и иные журналисты многих стран. Интерес определила не только коллизия романа — история фанатиков-сталинистов, оставшихся после смерти вождя в подземных бункерах Москвы и постепенно начавших настоящую войну против людей, живущих нормальной жизнью на поверхности. Своего рода сенсацией оказались подробные описания подземной Москвы (впрочем, вызвавшие и немало споров среди специалистов). Но самое удивительное, пожалуй, произошло через год, когда октябрьские события у «Белого дома» во многом совпали с описанием боевых действий в подземельях этого здания в романе. Больше того, главного героя «Преисподней» звали Андреем Першиным — и посредником между осажденными в «Белом доме» и наступающей группой «Альфа» оказался журналист... Андрей Першин.

Скоро в издательстве «Альтерпресс» выйдет второе издание «Преисподней». Владимир Гоник написал к нему обширные предисловие и послесловие, где он рассказывает, как собирал материал о подземной Москве и что произошло после выхода книги. Фрагменты из них легли в основу предлагаемой статьи.

Я работал над романом «Преисподняя» в общей сложности два с лишним десятка лет. Работа шла с неимоверным трудом и была столь же опасной, сколь и безнадёжной. Я даже рассчитывать не мог на публикацию, отчетливо представляя, что со мной случилось бы, проведая тогда власти, над чем я работаю. Закончив «Преисподнюю», я возвращался время от времени к тексту: вставлял новые сведения, которые удавалось раздобыть, что-то менял, переписывал.

В июле 1991 года я решил, что работа завершена, и перепечатал текст начисто. Роман заканчивался предчувствием военного переворота. Иногда меня спрашивают, знал ли я о путче заранее. Конкретных сведений у меня, конечно, не было, но ощущение зреющего заговора я испытывал и передал его в заключительной фразе романа: «...Если не унять страх, Москва ударится в панику. Паника означала военное положение, комендантский час, и любой генерал, получивший чрезвычайные полномочия, мог устроить переворот и захватить власть. Впрочем, могло статься, что именно в этом заключался смысл происходящего».

Август и три дня, проведенные у «Белого дома», заставили меня внести в текст новые сведения и поправки. Получив достоверную информацию, я использовал ее для описания боевых действий под землей в районе «Белого дома». Как выяснилось спустя два года, эти описания оказались весьма схожими с реальными событиями октября 93-го...

По следам «сталинского поезда»

Первые сведения о секретных подземных объектах дошли до меня в середине 60-х. После медицинского института меня направили врачом в армию; если быть точным, я получил назначение непосредственно в Министерство обороны. Мои подопечными стали офицеры из разных родов войск — летчики, подводники, личный состав ГРУ (Главное разведывательное управление) и прочие, кто в процессе напряженной и сложной работы нуждался в реабилитации.

В мои служебные обязанности входило разбираться в состоянии пациентов, снять последствия различных нагрузок, провести профилактику новых стрессов и разнообразных воздействий, связанных с риском, опасностью и необычайно сложной работой. Изредка ко мне поступали офицеры, чья служба проходила преимущественно под землей.

Я узнавал их с порога: бледные пастозные лица, еле заметная скованность в движениях, чуть угасший взгляд, некоторая замкнутость и оцепенелость...

Поначалу информация накапливалась сама собой, произвольно. Лишь значительно позже я повел направленный поиск и отбор. Отправной точкой послужил известный исторический факт: 6 ноября 1941 года, когда немецкие войска подошли к Москве, в нижнем вестибюле станции метро «Маяковская» состоялся торжественный праздничный митинг, на котором с речью выступил Сталин.

Очевидцы рассказывали мне, что до митинга Сталин находился в своем городском доме на Мясницкой, роскошном купеческом особняке, где с начала войны располагалась Ставка.

По сведениям одних, Сталин прибыл на станцию по тоннелю метро. Между тем особняк Ставки находился в стороне от веток метро, и я сделал вывод, что Сталин воспользовался каким-то ходом или тоннелем, соединявшим особняк с тоннелем метрополитена. Знатки из военных и гражданских специалистов подтвердили наличие ходов, а спустя время мне и самому удалось побывать в знаменитом особняке. Выяснилось, что его подвальный этаж соединен под землей с бункером соседнего штаба противовоздушной обороны. Система ходов, соединяющих на большой глубине бункер с тоннелем метро и выходящих под платформу одной из станций, существует и поныне и даже находится под охраной. Прав-

Владимир Гоник

да, не так давно выход в тоннель заложили.

Я расширил круг поисков, и постепенно из отдельных и разрозненных фактов сложилась общая картина: под землей Москва причудлива и обширна не меньше, чем наверху. Так возник некий замысел, неопределенная идея, которая маячила впереди размытым пятном.

Прошло немало времени — я перешел на работу в ЦСКА, окончил Институт кинематографии, оставил службу, много путешествовал — прежде чем вернулся по-настоящему к старому замыслу о подземной Москве.

Материал приходилось собирать по крупицам. Иногда удавалось повстречаться с пенсионерами, которые раньше работали под землей. Запуганные режимом секретности и подписками о неразглашении, старики смертельно боялись и помалкивали. Мне с большим трудом удавалось их разговорить. Я встречался с большим числом специалистов, работающих под землей, но не имеющих отношения к секретам: строителями, маркшейдерами, связистами, электриками, работниками метро, археологами, ремонтниками. Все они ссылались на некое «соседство» внизу, которое давало о себе знать гулом, вибрацией, электромагнитными излучениями, ощущением чужого присутствия. Мои расспросы приносили бытовую среду специалистов молву о тайном подземном строительстве, объемы которого не поддавались рассудку и здравому смыслу. В конце концов я решил, что пора спускаться самому.

Это получилось случайно. Неопределенная причина, похожая на странную прихоть или на повеление свыше, привела меня на стройку в центре Москвы, где реставрировали старый дом. Необъяснимо, словно кто-то вел меня за руку, я спустился в подвал и стал осторожно пробираться от проема к проему. Было полное ощущение, что я бывал здесь когда-то — давно, неизвестно когда, хотя я твердо знал, что никогда прежде сюда не забредал.

Пройдя немного, я обомлел: в глубь холма тянулись широкие галереи. Перед глазами открылись старинные своды, древняя кладка, арки и столбы.

Впоследствии я убедился, что из старинных галерей, куда я спустился впервые, при желании и наличии инструментов можно проникнуть в соседние системы — в монастырские и церковные подвалы, склады, в винные погреба, в старые заброшенные штреки и забои, в тоннели метро, в обширные бомбоубежища. И пришел к выводу, что в пределах старой Москвы, во всяком случае, в местности, именуемой Скородом и ограниченной Садовым кольцом, из какого-либо здания в любое другое можно попасть подземными ходами, не поднимаясь на поверхность.

Чтобы удостовериться в своих предположениях, по ночам я часто исчезал из дома и проникал в места, о которых прежде не подозревал. Понадобилось немного времени, чтобы убедиться, что подземное пространство — зона повышенной опасности. Обращаю особое внимание на это обстоятельство.

В старых ходах и подкопах в любую секунду может обрушиться свод. Крепь зачастую ослаблена или отсутствует вовсе, обвал породы может произойти от малейшего толчка, неловкого движения или вибрации, вызванной, скажем, прошедшим вдали поездом метро. Неосторожный исследователь может провалиться вниз — в грунте нередки пустоты, особенно там, куда подтекает вода. Под землей тянутся русла многочисленных речек и ручейков, гиблые болотистые бочаги. В период дождей и таяния снега подземные системы наполняются водой. Словом, сгнуться под землей проще простого. Даже обыкновенная, невинная на вид труба может представлять смертельную опасность: легкое прикосновение вызовет гибельный разряд по той причине, что где-то вдали труба касается кабеля высокого напряжения с пробитой изоляцией.

Иногда, прежде чем сделать первый шаг, приходилось прибегать к длительному наблюдению, особенно в современных системах, имеющих сигнализацию и охрану. Это требует выдержки и терпения. Приходилось подолгу лежать неподвижно или сидеть в укромном месте, нередко в темноте — вслушиваться, всматриваться, в надежде что-то заметить.

Самое трудное в длительном наблюдении — ожидание. Вокруг ничего не происходит, а ты ждешь, ждешь... Чтобы не обнаружить себя, нельзя трогаться с места, пока досконально не изучишь обстановку, сигнализацию, систему блокировки, маршрут движения, способы защиты и отступления. Не менее важна под землей интуиция, умение ощутить в себе чувство опасности и чужого присутствия.

И постепенно, раз за разом, с каждым спуском, словно таинственный Китеж-град, под землей открывалась другая Москва — параллельный город, зеркальное отражение. Там, внизу, на глубине, существовали другие мы, наше отражение: перевернутый мир, перевернутое существование... Семьдесят с лишним лет мы вели подземную жизнь в отраженном нижнем мире.

...Я понял, о чем должен быть роман. Это будет роман о нас, пленниках сумасбродной идеи всеобщего счастья, загнавшей нас ради этого счастья под землю.

Не только в сборе материала, но и в работе над текстом неоценимую услугу мне оказал изрядный медицинский опыт, приобретенный в Министерстве обороны. Я помню многих своих пациентов. И среди них, повторяю, были офицеры, связанные с подземными объектами. Они редко бывали на солнце, и, хотя для профилактики их облучали ртутно-кварцевыми лампами, дозы природного ультрафиолета оставались низкими и пигмент промеланин не превращался в меланин, дающий окраску тканям — кожным покровам (естественная смуглость или загар), волосам, радужной оболочке глаз... Несколько раз мне попадались альбиносы с полным отсутствием красящего пигмента. Их отличали белые волосы, необычайно бледная кожа, но главное — дьявольские глаза. Они тотчас привлекали внимание: зрачок, огненно-красный горящий взгляд. Это было вызвано тем, что из-за отсутствия пигмента радужка оказывалась бесцветной и прозрачной, сквозь зрачок просвечивало глазное дно, сплошь состоящее из кровеносных сосудов.

Глаза альбиносов — зрелище не для слабонервных. В ярко-красных зрачках, казалось, полыхают безумие и ненависть, к тому же глаза светились в темноте, как у животных, и отдавали жутью — увидишь, в жилах стынет кровь.

Альбиносами я населил в романе подземную Москву, историческую и современную, секретные бункеры.

Кто в бункере живет?

..Итак, спускался я, как правило, по ночам. Ночь имеет свои преимущества. Во-первых, безопаснее: многие подземелья так или иначе связаны с метро, там всегда высокое напряжение, и только ночью его отключают. Во-вторых, безопаснее: меньше чужих глаз. И в-третьих, безопаснее: ночью не ходят поезда.

Обычно спуск происходил по вертикальному шахтному стволу. Окольцованный чугуном или бетоном ствол гигантской трубой прорезает толщу земли, изнутри по стене тянется железная лестница вроде тех, что висят по стенам домов на случай пожара. Спуск на большую глубину по отвесной лестнице — тоска смертная. Брошенный вниз камень летит долго, целую вечность, прежде чем снизу донесется глухой удар.

На тонкой перекладине (металлический прут толщиной в палец) чувствуешь себя неуютно: внятно ощущаешь пустоту под собой и вокруг. И так понятно, так очевидна бренность существования — врагу не пожелаешь.

Само собой разумеется, что для спуска и подъема требуется изрядная подготовка. Цена физической и психической формы здесь одна: жизнь!

Чтобы повысить надежность, я разработал целую систему тренировок: каждый день бегал многокилометровые кроссы, упражнялся с гантелями, эспандером, штангой, учился складываться, группироваться, подолгу висеть и ползать.

Да, физическая подготовка играет под землей огромную роль, однако психическая выносливость гораздо важнее: стоит поддаться страху, удариться в панику, тобой овладеет отчаяние, и никакая физическая форма тебя не спасет: ты обречен.

Длительный подъем и спуск опасны еще и своим образом, монотонностью: лезешь, лезешь, без конца повторяешь одни и те же движения — рука, рука, нога, нога — внимание притупляется, мышцы наливаются усталостью, кажется, что дремлешь на ходу, что время остановилось, и, только глянув на фосфоресцирующий циферблат, удивись: неужели прошло столько времени?

Спуск в шахту начинался с верхнего коллектора и проходил вслепую, в полной темноте. В этом состояло известное преимущество: в темноте не так страшит высота. Отдыхавшись и передохнув, я внимательно изучал обстановку: не обнаружил в нижнем коллекторе ничего подозрительного, зажигал фонарь.

Свет под землей — особая забота. Оказавшись внизу без света, человек обречен. Вот почему приходилось запасаться фонарями, батарейками, брать фонарик с ручным приводом и рассовывать по карманам свечи, спички, зажигалки... В тех редких случаях, когда я ходил с проводниками, они признавались, что без света вряд ли выберутся...

Поначалу необходимая для романа информация собиралась разрозненно, урывками, от случая к случаю, я за деревьями не видел леса. Когда накопился материал, стала ясной общая картина: в частности план номенклатуры выжить в будущей войне.

Это был грандиозный план. Исполнинские тайные подземные сооружения, построенные для этой цели, превосходят самую буйную и необузданную фантазию. Я назвал их «закрома Родины». Объекты поражают своим безумством. Невероятно дорогие, они в такой же степени бессмысленны и бесполезны. Случись, не дай Бог, ядерная война, те, для кого они построены, не успели бы в них укрыться: время полета ракеты с баз в Европе исчисляется минутами. Они не успели бы даже спуститься.

И все же они строили на большой глубине свои бункеры, без счета вколачивали в полном смысле — в землю — деньги, материалы, ресурсы, труд людей. И продолжают строить! Эти подземные объекты с их секретностью, несмотря на полную свою бессмыслицу, нужны сегодня лишь тем, кто ими кормится — проектирует, строит, обслуживает, охраняет.

Сторонники советской власти нередко выдвигают воз-

ражения: дескать, подземные сооружения на случай ядерной войны существуют во многих странах. Верно, существуют. Я изучал характеристики бункеров конгресса и президента США в горах Вирджинии и Западной Вирджинии. Могу сделать один вывод: их объем и стоимость обусловлены конкретной и узкой задачей и ограничены рамками функциональной необходимости. К стати, объекты эти уже раскрыты, туда водят экскурсии.

У нас о функциональной необходимости, здравом смысле и целесообразности говорить не приходится. Площадь апартаментов высшей номенклатуры в подземном бункере составляет 180 (сто восемьдесят!) квадратных метров — отдельный блок 6 на 30 метров: приемная, кабинет, комната отдыха, ванная...

Власть позволяла себе маленькие слабости: интерьер помещений в подземном бункере повторял интерьер помещений конкретного лица на поверхности. Спустился по тревоге на большую глубину — и вроде бы ничего не изменилось, та же обстановка. Так им спокойнее. Строительство египетских пирамид — игра в песочнице в сравнении со строительством этих убежищ для номенклатуры.

Мистика и реальность

В работе над романом я использовал информацию трех видов. Первое — то, что я видел сам. Понятно, что это самый ценный вид информации. Второе — рассказы очевидцев, не менее двух, между собой никак не связанных. Но этого мало, я должен был отыскать объективные признаки, подтверждающие рассказы. Например, обнаружить на поверхности вентиляционные выходы, энергетику, силовые кабели или оборудование, свидетельствующее в пользу очевидца. Третий вид информации — молва, бытующая среди специалистов.

В романе я решил и на некоторые предположения. Подчеркиваю: не утверждения, а версии. Чаще всего это касается исторических толкований. Так, на мой взгляд, на Руси издавна существовало стремление зарыться в землю. Это как бы присутствовало в национальном характере. Такого жилища, как землянка, по-моему, не было у других народов. Испокон веку существовали подземные монастыри, скиты, церкви, галереи, катакомбы. Многие дома и усадьбы имели внизу тайники и укрытия, которые сообщались под землей с окрестностями и другими постройками, расположенными поодаль.

Московские монастыри кольцом охватывали город, каждый строился как крепость и на случай осады имел тайные ходы к источникам воды, обладал возможностью для тайных вылазок в тыл врага или для сношений со своими главными силами.

Вот почему монастыри в большинстве своем имеют разветвленные подземные системы, еще мало изученные, как и подвалы церквей, усадеб и подворий.

Нет нужды указывать на особую мистическую сущность подземелий.

Лишенный почти всего, что сопутствует ему на поверхности, — света, солнца, людей, дали, горизонта, неба, запахов, цветов, зелени, дуновения ветра, красок, разнообразия звуков, человек под землей неизбежно обращается внутрь себя.

Я убеждался в этом многократно. Подземелье отсекает внешние факторы, воздействия и влияния. Раздумья, работа души становятся стержнем существования.

В спокойном состоянии, если нет опасности и нет нужды в повышенном внимании, органы чувств под землей и анализаторы ориентированы на сигналы изнутри: мысли, самоощущения... Восприятие сигналов извне ограничено. Однако, повторяю, в отсутствие опасности. При малейшем намеке на нее органы чувств обостряются гораздо сильнее, чем на поверхности. В кромешной тьме, в полном беззвучии весь обращаешься в слух, в зрение, в обоняние.

Следует отметить, что под землей организм особенно тонко и особенно чутко реагирует на изменение среды,

Склад химического оружия под «Белым домом»

на разные факторы воздействия, электромагнитное излучение, к примеру, или на магнитное поле, остро регистрирует чужую энергетику, биополе и аномальные зоны.

Я всегда стараюсь избежать шаманства по этому поводу, однако в разных, казалось бы, почти схожих ходах и помещениях под землей испытываешь ощущения порой столь различные, что диву даешься.

Не могу отрицать явления типа полтергейста под землей, хотя сам ничего подобного не встречал. Да, на некоторых участках испытываешь необъяснимую тревогу, когда по неизвестной причине становишься сам не свой. Я всегда старался хладнокровно разобраться в своих ощущениях, не удариться в излишнюю рефлексии, которая парализует волю.

Чаще всего при возникновении подозрительных звуков или появлении в пространстве какого-то движения, тени, непонятного свечения я пытался спокойно разобраться и, как правило, убеждался в существовании конкретной причины: где-то пробирается крыса или кошка — шуршит, глаза поблескивают в темноте, где-то подтекает вода, где-то провод искрит — легкий треск доносится, жужжание, где-то грунт осыпается, гул поезда прокатился поодаль, где-то пар посвистывает на разные голоса — труба прохудилась, где-то арматура поскрипывает, капель постукивает, железо трется, статическое электричество образуется, какие-то конструкции стонут немилосердно, готовые вот-вот рухнуть...

При каждом спуске я дотошно продумывал технику безопасности, надевал резиновые сапоги и перчатки, брал инструменты, старался не попасть впросак. И все же, все же...

Порой накатится удушающий страх, сдавит грудь, сожмет сердце — ни охнуть, ни вздохнуть. Страх скует мысли, и обуяет тебя невероятная жуть, с которой не совладать.

За все годы я несколько раз испытывал под землей приступы необъяснимого ужаса, когда и причины, кажется, никакой, но тянет, преодолимо тянет броситься на землю, сжаться, застыть, зажмурить глаза, заткнуть уши или дать деру и бежать сломя голову неведомо куда, лишь бы убраться поскорее прочь. Из этого состояния выходишь с трудом, употребив всю волю и все силы.

Любопытно, что реальная, подлинная опасность никогда ничего подобного не вызывала. Обычно я неплохо владел собой, анализировал ситуацию, трезво принимал решение. Даже встречи с людьми, выказывающими агре-

9 октября 1993 года. Журналисты в бункерах «Белого дома»

ссивные намерения — наркоманами, уголовниками, — не вызывали особого страха или паники. Люди чувствуют, в какой степени ты пойдешь до конца, и, если ты готов на это, они остерегаются.

Дети подземелья

По натуре я человек мирный, но, если решился на спуск в «преисподнюю», надо знать, что тебя ждет. И я никогда под землей не выпускал из рук «фомку», русский народный инструмент, который в Америке называют «свиной ножкой».

На рожон я не лез, но всегда был готов к отпору. Меня обычно не задирали, я уходил, провожаемый внимательными взглядами. Только один раз выскочивший неведомо из какой щели бледный безумец с горящими глазами неожиданно метнулся ко мне и молча, без единого звука вскинул руку над моей головой. Я перехватил удар, и человек также молча в мгновение ока бесшумно исчез в темноте.

Мне приходилось видеть внизу автомобили, их загоняли по закрытым пандусам через подвалы и гаражи. Сосредоточенные и немногословные механики красили их, кроили-перекраивали, что-то резали автогеном, варили и стучали беспрерывно, видимо, перебивали на рамах заводские номера. Стоило мне появиться, они молча и напряженно разглядывали меня, но я не занимался розыском угнанных автомобилей, а шел своей дорогой — мимо и стороной.

Изредка попадались сложенные штабелями коробки с товарами, возможно, пущенная налево гуманитарная помощь, складированная для коммерческих ларьков.

Я часто встречал под землей бездомных. Кое-где можно сносно существовать — тепло, сухо, водопровод, электричество... Встречал бродяг, скитальцев, беженцев, встречал жалобщиков, приехавших в Москву за правдой и не имеющих ночлега.

Чаще всего под землей можно встретить больных, спившихся людей, грязных, годами не мывшихся, едва ли не потерявших человеческий облик. Некоторые из них перестали подниматься на поверхность и валяются дни и ночи — многие вообще потеряли представление о времени суток — на истлевших тюфяках, в гниющем тряпье, среди испражнений, в тесных зловонных углах, в смрадных заброшенных тупиках, гниют живо и умирают. Трупы людей, человеческие останки — неизбежная, к сожалению, принадлежность подземелий. Как и разложившие-

ся трупы животных.

Иногда внизу можно встретить стайки сбегавших из дома или из приютов детей и подростков, которые целыми днями рыщут повсюду в поисках добычи и пропитания и спускаются лишь ночевать. У них свой мир, свой язык, свой фольклор, свои привычки, воспоминания и мечты.

Я говорил с ними изредка. Забытые всеми, брошенные на произвол судьбы, они, как ни странно, мечтают о доме, уюте, заботе и любви. Любопытная деталь... Частенько они грезят о своем доме в лесу, чтобы горела печь и было уютно и тепло, а за окном шел дождь или снег. Мне всегда было горько видеть их тоскливые глаза. Подрастая, мальчишки сколачивают жестокие злобные шайки, от которых никому нет пощады, девочки пускаются в проституцию, и редко, крайне редко кому-то из них улыбнется жизнь.

Бывало, на пути попадалась шпана постарше, среди них случаются разборки, драки, поножовщина, но они меня не занимали, без них хлопот хватало.

Вообще, признаюсь честно, спуск под землю, в особенности на большую глубину, — занятие не из приятных. Уже на малых глубинах человека посещает чувство оторванности. При первых спусках мне казалось, что я отрезан, замурован, что назад не выбраться и я навсегда останусь в тесном замкнутом пространстве. Хотя клаустрофобией я отнюдь не страдаю.

В метро никто не думает о толще земли над головой, но когда оказываешься внизу один — в низком тесном забое, штреке или подкопе, где не поднять головы, не разогнуть спины, сразу вспоминаешь, сколько над тобой породы, вся эта тяжесть на твоих плечах, и кажется, вот-вот расплющит.

И когда я признаюсь, что спуск под землю — занятие не из приятных, я ничуть не лукавлю. Всякий раз мне пришлось себя взнуздывать и понукавать, понуждать. Не будь у меня конкретной цели, просто так, из романтических побуждений, азарта или из любви к искусству я бы не полез ни за что. Но у меня была цель: роман!

Хочу, чтобы в этом вопросе была полная ясность. Я писал ко путеводитель по подземной Москве, не учебник, не руководство или пособие. Некоторые адреса я сознательно зашифровал, чтобы не вызвать потока зевак, часть объектов разместил там, где они понадобились мне по сюжету, — переносил с одного места на другое, хотя в большинстве своем география, подробности, детали указаны точно.

Что касается исторических сведений, то здесь все зыбко, неопределенно, новые открытия часто опровергают прежние воззрения. Да и какая может быть точность, если существует множество точек зрения: я собирал специалистов, они спорили до хрипоты...

После выхода романа отдельной книгой все вдруг заговорили о подземной Москве. К моему удивлению, объявились тучи знатоков, которые всегда все знали, но почему-то до сих пор молчали. И по сей день до меня время от времени долетают упреки в неоправданном вымысле. Касается это подземного поселения альбиносов, последователей Сталина. Разумеется, каждый волен иметь свое мнение. Но...

Уже после выхода романа я узнал о существовании в Москве подземной секты. Она тщательно законспирирована, ее члены избегают встреч с посторонними. Все мои попытки через длинную цепь посредников выйти на контакт были решительно отвергнуты. Мне с большим трудом удалось раздобыть некоторые подробности их существования, я догадываюсь, где они могут располагаться. Упомяну, что, по недостоверным отрывочным сведениям, секта возникла за несколько лет до первой (!) мировой войны, имеет отделение в Средней Азии.

Мне стало известно о людях, которые в 30-е годы в предвидении неминуемого ареста уходили под землю, где скрывались продолжительное время.

Я и сейчас знаком с людьми, испытывающими порой потребность спуститься вниз и жить там небольшой ко-

лонией; для них это один из принципов жизненной философии.

А случайный вагонный попутчик, бледный, похожий на моль блондин, оказался майором, чья служба связана с глубокими подземельями. Сирота, воспитанник детского дома, он никого не имеет на поверхности, а внизу у него, как на корабле, все есть, и ему незачем сходить на берег, то есть подниматься.

Публикация романа вызвала большой интерес к московским подземельям. В первом отрывке, напечатанном в газете «Совершенно секретно», рассказывалось, как отряд после боя и ночных блужданий под землей выбрался на рассвете из фонтана против Большого театра за спиной у каменного Карла Маркса. Я проделал этот путь задолго до моих героев и тоже несказанно удивился, выбравшись утром из фонтана в самом центре Москвы.

Так вот, уже после первой газетной публикации старый фонтан стал местом паломничества, в пору было ставить кассу, продавать билеты. Предприимчивые мальчишки начали за валюту водить в него иностранцев. Зеваки доставили немало хлопот различным службам: крышку люка много раз взламывали, пока ее не заварили наглухо.

Беспокойство доставляют катакомбы в Дорогомилово за гостиницей «Украина», откуда сотни лет назад первые москвичи брали белый камень на стройки. Известные спуски давно заложены бутом, строительным камнем, однако время от времени обнаруживаются новые ходы. И, пока их не заделают, они представляют серьезную опасность: вездесущие мальчишки норовят юркнуть в любую щель, не подозревая, как трудно выбраться из лабиринта древних каменоломен.

Один из высокопоставленных офицеров охраны подтвердил мне, что вариантом штурма «Белого дома» в августе девяносто первого было проникновение в здание снизу, из-под земли. Подтвердилось и минирование подземных коллекторов и ходов сообщений на подступах к зданию и вокруг.

«Альбиносы» снова в строю?

Октябрьские события прошлого года оказались новой, трагической иллюстрацией романа.

За несколько дней до штурма «Белого дома» генерал Ачалов известил депутатов о том, что по подземному ходу прибыл осетинский ОМОН. Сообщалось о прибытии через тоннели различных посланцев, о доставке прессы.

Мне известно, что накануне штурма руководство «Белого дома» подробно изучало возможности подземных укрытий и ходов сообщений. Чтобы перекрыть доступ снаружи, осажденные заваривали изнутри люки запасных и аварийных выходов из бункера и тоннелей, расположенные поблизости.

Газета «Московские новости» сообщила в те дни, что «архивы экс-спикера российского парламента Руслана Хасбулатова и экс-министра безопасности Виктора Баранникова были вынесены из «Белого дома» подземными ходами».

Многие «защитники Конституции» свидетельствовали, как в момент штурма они группами выбирались в разных направлениях под землей. Одни группы двигались в сторону зоопарка, другие к Смоленской площади, третьи на Арбат, четвертые на Плющиху и далее к Новодевичьему монастырю, пятые вдоль набережной Москвы-реки... Существуют и другие ходы, которыми, судя по показаниям, никто не воспользовался, хотя, кто знает, может быть, просто помалкивают. Рассказы очевидцев о действиях под землей напоминают главы «Преисподней» — с той лишь разницей, что в рассказах действуют реальные лица.

В те дни я был непосредственным свидетелем многих событий. И понимал, что, если боевые действия перекинутся под землю, где находятся коммуникации жизнеобеспечения города, могут быть непредсказуемые по-

следствия. Не говоря уже о том, что обстановка осложнится, бои приобретут затяжной характер. У меня состоялись телефонные разговоры с разными должностными лицами, мы решили, что лучше предупредить нежелательное развитие событий.

Нелепый штурм «Белого дома» к тому времени закончился, здание дымилось, с крыш в окрестностях постреливали снайперы. Я приехал на контрольно-пропускной пункт наружного оцепления, автоматчики сопровождения передавали меня от одного офицера к другому, с поста на пост. Вскоре я оказался в штабе, развернутом на первом этаже «Белого дома».

И вновь меня передавали от одних погон к другим, звания росли. Дело дошло до генералов, которые в свою очередь стали передавать меня друг другу. На ходу состоялось маленькое совещание, мы обсудили создавшееся положение.

Герметичные двери главного бункера, обозначенного в документах как объект № 100, о котором я довольно подробно писал в романе, оказались заблокированными изнутри, их пришлось взрывать. Выяснилось, что штурвал герметичности с внутренней стороны оборонявшиеся заклинили металлическим пожарным брандспойтом. За дверью никого не нашли, все успели уйти. Повсюду валялись бутылки из-под спиртного, несколько фашистских нагрудных значков со свастикой.

В сухом коллекторе под сотым бункером работали саперы, под ногами звенело битое стекло, тянуло гарью, из торопливых разговоров пробегавших военных я понял, что часть боевиков ушла подземными ходами, но многие помещения еще не проверили и соваться туда опасно.

Не могу сказать, что мое присутствие вызвало у военных бурную радость. «У нас свои специалисты, свои схемы, поэтажные планы», — с досадой говорили мне полковники и генералы. «Поэтому они уходят», — хмыкнул я, понимая, какая я для них обуза и что лучший исход для военных — если все рассосется само собой.

Ссылки на схемы и планы, на своих специалистов я слышал постоянно — до и после. Я не видел, но думаю, что вряд ли все ходы и полости обозначены на официальных картах, они обычно учитывают только новострой. Между тем в глубине земли с незапамятных времен таятся старые заброшенные каменоломни, карьеры, горные выработки, осыпавшиеся забои, подвалы давно снесенных церквей и зданий, забытые склады, винные погреба, узнать об этом можно, лишь излазив на собственном животе.

Уже через несколько дней после штурма генералы назначали мне встречи в «Белом доме», я стал исправно являться, но каждый раз находились дела поважнее. Я понял, что если кто и скрывается под землей, ему дают возможность уйти. Мне позвонил один из аппаратчиков среднего звена и подтвердил мою догадку: «Ушли и ушли. Пусть уходят...»

Но «альбиносы» безжалостны и неумолимы, раскаяние им неведомо, смирение — не их свойство. Те, кто ушел, не станут миротворцами. Подвернется удобный случай, они начнут все сначала.

«Альбиносы» не угомонятся.

Фото из архива Владимира ГОНИКА

С «Надеждой»

Это радио не только слышат,
но и слушают...

Независимой женской радиостанции «Надежда» — два года. Много или мало? А тем более для радиостанции независимой, да еще, извините за выражение, женской. В наше трудное время, в нелегкое бытие нарождающегося капитализма, жить все равно хочется. Одно из очень старых и очень неделикатных китайских ругательств желает оскорбляемому «жить в интересное время». Что за времечко нам досталось, про то долго распространяться не приходится, факт, что называется, на лице, как морщины преждевременного старения. Политика давит, экономика вытягивает из-под ног последние, износившиеся подметки, а криминальные новости лучше не слушать — такое ощущение, что на просторах нашей необъятной Родины мафия воцарилась прочнее, чем былая КПСС. Словом, некуда крестьянину податься, равно как и остальным социальным слоям, ориентированным на производство полезного и потребление заработанного.

Радио «Надежда» не только слышат, но и слушают. И очень многие. И очень просто. В «Черном море» разнообразных средств массовой информации оно звучит (черном, разумеется, от слова «чернуха»). Спокойствие, доброжелательность, деликатность, мягкость — все эти качества, якобы присущие прекрасному полу в отличие от более жесткой разумной половины человечества, на радио «Надежда» действительно представлены. Оно не оглушает сверхжелезной музыкой, не запугивает до судорог политико-уголовными новостями и не обрушивает на слушателей бесчисленные рекламы всевозможных железобетонных распродаж.

Конечно, капитализм плюс коммерциализация всей страны — никуда от этого не денешься. И реклама нужна всем средствам массовой информации как кислород аквалангисту на глубине — без него наверх не поднимешься.

Но...

Вот, говорят, психологи проводили эксперимент. Заперли добровольца наедине с телевизором. Тет-а-тет с пультом переключения программ. И что же? Через неделю он уже бредил

Будни радио
«Надежда»

сникерсами, вскакивал среди ночи покупать акции и долго беспричинно плакал липкими слезами херши...

Шутка, конечно. С той горькой долей правды, которую раньше еще называли сатирой. Реклама, реклама... Двигатель не только торговли, но и ума. Что касается телевидения, то там это особенно явно. Душа давно уже отдыхает только на западных боевиках, этих сказках для взрослых с обязательно хорошим концом.

Я понимаю. Все всё понимают. И ориентация на так называемых «новых русских» с почти обязательным восточным акцентом, ориентация многих средств массовой информации на те десять процентов населения, которые как раз и являются как рекламодателями, так и непосредственными ее потребителями, — это тоже можно понять. Такое время. На время всегда удобно все списывать, оно идет себе и идет...

Как я уже упоминал, идея независимой женской радиостанции роди-

лась два года назад. За это время «Надежда» успела многое. Главное — успела завоевать свою аудиторию слушателей, и не только среди женского населения. Мужчины слушают ее с меньшей охотой. Минимум политики — это их правило, ее и так слишком много вокруг. А если уж о политике, то без надрыва, без этой рвущейся хрипоты оскорбленной в своих лучших начинаниях добродетели.

Здоровье, искусство, быт, семья — темы вечные как мир и такие же беспредельные. Всегда актуальные.

Что поделаешь. Опять-таки рассуждая с точки зрения происходящих в стране перемен, былой трилистник распался. Вера? Ее вокруг стало столько, что запутаешься выбирать. Любовь? Ушла на экстраспорт, в лучшем случае на продажу в родном отечестве. Остается «Надежда».

Итак, ее слушают...

Николай БАХРОШИН

P.S. Редакция журнала «Столица» поздравляет коллег с двухлетним юбилеем и желает... Словом, понятно.

РЕКЛАМА

Цветная красота

Татуировку сделать — это вам не жениться

Говорят, что первую татуировку изобрели в древнем Китае. Настолько древнем, что теперь остается только догадываться. Как, каким образом и кто все это придумал — вопросы, оставшиеся на дне пыльных тысячелетий. Испокон веков, изо дня в день, из цивилизации в цивилизацию человечество украшает себя рисунками с завидным постоянством доброй традиции. Меняются века, боги и фасоны обуви, а суть татуировки остается — краска, игла, немножко боли и последующее море восторга.

Вот так. Чтоб было. Хватишься, а она есть. Вот она, красуется, и не какая-нибудь примитивно-чернильная, «не-забуду-Машу Б», а самая что ни на есть цветная, вся радужная гамма на отдельно взятом участке кожи. Умереть не встать. Кто понимает, конечно...

Тонко жужжит машинка, мелко подрагивают конечности, процесс идет во всей своей цветной красоте. Кожа краснеет и опухает, человек в кресле бледнеет, зеленеет, бодрится и делает вид, что ему хорошо. Лучше некуда. Можно бы и лучше, но нашатырь, как былой бронепоезд, всегда под руками.

Татуировки, кстати, не делают. И даже не колят, как это принято гово-

рить в зонах. Настоящие мастера их набивают. Медленно, упорно, со вкусом и тщательной отделкой деталей. Наименее стойких клиентов приходится потом откачивать. Остальной контингент уходит на своих двоих.

Контингент... Опять, неожиданно, пахнуло портяночно-тюремным духом барак. Никуда не денешься. Татуировки в нашей стране, прославленной заключенностью своих негибимых параллелей, — это их привилегия. Для них, сидельцев, страдалцев, волков тамбовских и проч., это почти искусство и совсем как па-спорт. Или, что роднее и ближе, справка об освобождении по амнистии. Как это поется — про открытые враз врата, последующий перехлест дорог и, синим по белому, что мать родную все-таки забывать нельзя. Многое у нас в стране писалось синим по белому, никто не спорит, целые анкеты отдела кадров.

Но я даже не об этом. Надоело, на самом деле, всю жизнь не зарекаться от сумы и от тюрьмы, тем более что сума все равно под мышкой, тюрьма за порогом, а жизнь медом и так не кажется. Хочется о чем-нибудь радостном. Радужном. Хотя бы о татуировке цветной, узорчатой, которую, в отличие от тюремно-блатной эстетики, называют еще художест-

венной.

Итак, зачем люди делают татуировки? Риторический вопрос из серии про зажигающиеся звезды.

Красиво. Сексуально. Для выпендрежа. В возмещение недостатка лихости и в компенсацию за постоянную дрожь в коленках. Словом, разные есть мнения по этому поводу. Если звезды зажигаются, значит это кому-нибудь нужно. Как уже было сказано и неоднократно потом повторялось.

Татуировки набивают. И сейчас, и раньше. Правда, раньше к ним относились с большей серьезностью. Древние, например, считали, что татуировка не только меняет ауру человека, но способна повлиять даже на карму. На судьбу, по-нашему. Что изображено, каким цветом, в каком месте — все это считалось очень важным. Целая наука. Татуировки, отпугивающие злых духов, татуировки, привлекающие злых духов, сокращающие жизнь, удлинняющие ее, поднимающие воинский дух, умиротворяющие татуировки... До чего только не додумались за свои долгие тысячелетия эти древние! Впрочем, современные экстрасенсы утверждают то же самое. Карма не карма, но на ауру, мол, безусловно, влияют. Им, что называется, виднее.

Хорошо на цивилизованном Западе. Нет, я не в том смысле, что бросить бы все к чертовой матери, но строго по теме. Там у них и машинки для набивки фирменные, выпущенные на специальном заводе, и краска специальная, «обеззараженная и, вообще, все удобства для разрисовывания. Вплоть до целевых журналов, ассоциаций татуировщиков и конкурсов татуированных. Победители, призы, спонсоры, известность — все как положено.

У нас пока проще. Но и мы подтягиваемся. Есть в Москве уже десяток мастеров, работающих, как это говорится, на международном уровне. Тонкость линий, плотность наложения краски, яркость цвета — все это учитывается.

Лена Столяренко — одна из них. Молодая, хрупкая женщина, с виду о ее кровавой профессии — набивать по живому — никак не скажешь. Но в узком кругу музыкальных тусовок она пользуется заслуженной популярностью. Музыканты — народ капризный. Им подавай что-нибудь этакое, необычное. Черепов, например, в полруки, драконов, костей гору, как после съеденной гостями курицы, или что-нибудь подобное, до умиления оригинальное. Гроб, например, или крест. Честно скажу, фантазия приготовленных к исполнению рисунков поразила меня своим недружелюбным отношением к интеллекту. Хотя, как я уже поминал, спорить о вкусах — занятие неблагоприятное, не берусь...

По профессии и образованию Лена художник. Окончила Суриковское училище. И оттуда до персональных выставок в Лувре и личных галерей американских миллиардеров оказалось не ближе, чем пешком до Китая: теоретически дойти можно, но далеко-о... Ее переквалификация в татуировочных дел мастера проишошла естественно. Познакомилась с людьми, посмотрела, сама попробовала. Ничего сложного, если иметь руку и глаз. Сначала, правда, было противно. Кровь и все прочее... Привыкла. Человек, как давно замечено, не собака, ко всему привыкает.

Работает Лена на дому. Оборудование несложное. Кресло, машинка, изготовленная друзьями на оборонном заводе (там всегда все умеют), тушь, больше ничего и не надо, разве что ремни для особо нервных. Привязывать, я имею в виду. Цены у нее сравнительно невысокие. Рисунок размером с сигаретную пачку стоит около пятидесяти долларов. Клиентов хватает. И не только из музыкального мира.

Лена считается мастером добросовестным. Безопасным. Это значит,

что и машинку прокипятить не забудет, и иголки использует только одноразовые: и краски с остатками крови обратно в пузырек не сливает, не экономит таким образом на здоровье следующих клиентов. А что, есть и такие «умельцы», с последующим заражением крови вплоть до смертельных исходов. Разные бывают случаи.

Случай, случай... Вот, например, был случай. Обратилась к Лене одна дама. Еще в доперестроечные времена выколола она себе на попе знак качества. Хорошо, все довольны, кто видит — те веселятся. Но времена изменились, качество наше перестало котироваться уже официально, да и мужики стали обращать внимание. Сколько ж, мол, тебе лет, если ты еще с тех пор живешь? Пришлось перебивать на более стандартный цветок.

Перебивать старые татуировки Лене вообще приходится постоянно. Все эти грехи детско-юношеской меланхолии, прыщавого подросткового пессимизма — не забуду, не разлюблю, не хочу... Забывают, куда не денешься, и хотеть начинают с годами.

Конечно, клиенты бывают разные. Как и их фантазии. Вот еще был случай, два кавказских человека вдруг пришли к выводу, что жизнь — дерьмо, и решили это зафиксировать на собственной коже. В результате — ушли удовлетворенные новенькими дракончиками. Блатных или неприличных татуировок Лена принципиально не делает. Все-таки художница.

Что характерно, женщины обращаются к ней чаще мужчин. И не из-за солидарности в вопросе пола — татуировочный мастер, как врач, пола не имеет, самые сексуально озабоченные клиенты успокаиваются под иглой так, что любо-дорого. Просто женщины делают татуировки чаще мужчин. Такая неожиданная статистика. Их любимые места — бедра и ягодицы. Рисунок — цветочки, орнамент. Одна дама прилетала с самого Сахалина аж три раза. Настолько понравилось. Теперь цветет разными красками.

Средний возраст клиентов — между двадцатью и тридцатью. Впрочем, обратился к Лене однажды и семидесятичетырехлетний дедушка. Сделала, ей не жалко. Перед кем он собрался хвастаться — это, в конце концов, его личное дело. Часто приходят пары. До конца, значит, закрепить существующие отношения. Татуировку сделать — это не жениться, это еще прочнее: если уж сравнивать с институтом брака, что-то вроде венчания. На всю жизнь.

Николай БАХРОШИН

Фото автора

А/О КанСтар

**предлагает
свои услуги
по изготовлению
следующей
продукции:**

КанСтар

- жесткая маркировка и ярлыки на промышленные товары;
- картонная тара и упаковка;
- фирменные бланки предприятий;
- бутылочные этикетки;
- пригласительные билеты;
- прозрачные папки с эмблемой предприятий и другую полиграфическую продукцию.

Ждем вас по адресу:

Москва, Кутузовский пр-д, 8
Первый Московский
приборостроительный 3-д
им. Казакова
Отдел кадров, 2-й этаж, 2 комн.

Тел. (095) 249-65-65

Столовый пер., 7

Тел. (095) 291-50-14

Дырка на пятке, на локте заплатка...

Ремонтные ателье пока еще живы

Ателье в Столешниках
недостатка
в посетителях не
испытывает...

ЭДУАРД КУДРЯВИЦКИЙ

Юнна ЧУПРИНИНА

Когда директор одного из ателье по ремонту одежды отправился в префектуру знакомиться и «наводить мосты», власти выразили искреннее удивление:

— Как, разве вы еще существуете? А мы были уверены, что все предприятия такого рода давно повымерли, неужели где-то еще остались? Странно!..

Действительно, «Ремонт и обновление одежды» — от этого веет чем-то давно забытым, чем-то из прошлой жизни. Сразу представляешь старичков и старушек с прохудившимися наволочками, а память,

видимо, по ассоциации, воскрешает замечательное словосочетание: «Пошив легкого женского платья».

Если вы думаете, что в ремонт по-прежнему обращаются только старушки, то глубоко ошибаетесь. Им такое удовольствие не по карману. Да и раньше пенсионеры, хотя и составляли большинство клиентов, были не одиноки. Так, например, старейший мастер ателье «Экмо» Лидия Ивановна всегда работала со «своей» клиентурой, состоящей исключительно из «сотрудников дипкорпуса, артистов и министров». И до последнего времени без дела не сидела. Сегодня тоже попадаете

крупный клиент. В знак признательности он вручает мастеру визитную карточку: мол, если что потребуется, то обращайся. К сожалению, клиент этот, как правило, редкий. Для многих стало легче пойти и купить новую вещь, чем латать старье. Да и найти «Ремонт одежды» в сегодняшней Москве непросто.

Ателье различного профиля в нашем городе всегда было предостаточно: не намного меньше, чем, скажем, парикмахерских. Так вот, больше половины из них прекратили существование. Одни закрылись, другие продали помещение, сотрудники третьих ушли в долгосрочные отпуска (благо лето на дворе).

В недавнем прошлом каждому ателье, шили там только шляпы или работали по нескольким «участкам» (профессиональный термин), вменялось в обязанность заодно производить ремонт. При этом государственный план по ремонту и обновлению одежды был в четыре раза выше, чем план по пошиву оригинальных изделий. С наступлением новых времен ситуация изменилась. Оставшиеся на плаву ателье сделали свой выбор: большинство и думать забыло о ремонте, сосредоточившись на самостоятельном шитье. Чаще всего такие ателье именуются теперь «Салонами мод».

Бюро мелкого ремонта сгруппировались сегодня вокруг одного объединения с красивым названием «Мода и шарм». Заняты там в основном простыми операциями, типа переделывания джинсов в шорты. А отсутствие клиентов частично компенсируют крупными заказами от предприятий: шьют халаты, чехлы, косынки и прочую мелочь. Иногда сдают часть помещения коммерсантам или открывают мини-торговлю: пыльный столик с женским бельем и мужскими тапочками. Зрелище, прямо скажем, довольно тоскливое.

Правда, ателье, расположенные в центре города, в посетителях недостатка не испытывают. Зато им приходится отбиваться от потенциальных покупателей помещения, которые с каждым разом действуют все настойчивей, да еще платить городу огромную аренду. Например, одно из самых знаменитых московских ателье по ремонту, прославившееся своей художественной шпокой, выдает заработок сотрудникам только после полной выплаты аренды. А сейчас нависла еще и угроза генеральной

реконструкции. Пока ателье держится, и если по дороге в Большой театр у вас порвались брюки, бегите в Столешников переулок — брюки быстро приведут в порядок.

Кстати, еще одно искреннее заблуждение публики связано с представлением, будто бы в бюро ремонта только зашивают штаны или вставляют новую молнию. Это далеко не все: в выживших ателье работают с кожей и мехами. Ставят заплата и штопают. Запросто соорудят новое зимнее пальто из ветхого осеннего пальтишка. Не говоря уже о «подгонке» гардероба из бабушкиного сундука.

Наконец, некоторые ателье стали заниматься только ремонтом и обновлением одежды. Всего один пример. На Ломоносовском проспекте жило себе поживало ателье, открытое еще в 1956 году. Шили в нем брюки, пальто и легкую женскую одежду. Одно время брались даже за реставрационные работы по меху. Отсутствие клиентов привело к вымиранию всех вышеперечисленных профилей, большинство сотрудников ушли на другие предприятия. Огромное помещение простаивало. В общем, упадок. Полностью сохранился только один «участок» — ремонт. В основном здесь работали люди пожилые, которые смиреннее переносили времена смуты. Пару лет назад ателье полностью перекаленифицировалось. И прошло все ступени самостоятельности: сначала относилось к фабрике обновления одежды, потом стало малым предприятием и, в конце концов, остановилось на товариществе с ограниченной ответственностью.

Дирекция решила, что ателье будет шить продукцию из натуральных

тканей. Но замысел оказался слишком грандиозным и невыполнимым. Зато название — «Центр экологической моды», сокращенно «Экмо» — сохранилось. Средняя зарплата мастеров здесь чуть выше ста тысяч. Но эта цифра очень приблизительна: месяц на месяц не приходится. Раньше «сезоны» отслеживались четко: с первого декабря до середины февраля — полный штиль, в марте — скачок, от клиентов нет отбоя, с начала июня — снова тишина... Сегодня прогнозировать сложнее: в этом году посетителей не стало еще в апреле. Может, погода повлияла?..

Когда мастера сидят без работы, даже не по своей вине, то денег они не получают. Отремонтированная вещь засчитывается мастеру, только если клиент не имеет никаких претензий. Как правило, наиболее скандальными оказываются постоянные клиенты, которых все сотрудники ателье знают не только в лицо, но и по имени. Впрочем, запоминают теперь не только скандалистов — случайных посетителей с каждым годом становится все меньше и меньше.

Мастера каждого ателье по ремонту пребывают в твердой уверенности, что они в городе — единственные. И никогда ничего не слышали о коллегах. Добавляя при этом, что скоро ремонта вообще не останется: в основном мастера — пожилые люди, отработавшие на своем месте по тридцать—сорок лет. Молодежь в таких ателье не приживается. Специалистов по ремонту и обновлению одежды не готовит ни одно училище. Профессия вымирает.

Если так пойдет и дальше, каждому из нас придется надеяться только на собственные руки. А они не всегда умелые. ■

Огороды за кладбищенской оградой

На Митрофановском кладбище, что в Челябинске, проишлось малоприятные метаморфозы. Украли, что бы вы думали?.. Забор. За несколько лет растащили три километра ограды. Частями бывшего забора огородили огороды.

Когда руководство местного муниципального предприятия «Мемориал» попыталось разобраться, каким образом старейшее в городе кладбище оказалось без ограды, то директор кладбища предъявил

справочку, формулировка примерно такая: «Администрация Митрофановского кладбища удостоверяет, что забор материальной ценности не представляет, а следовательно, администрация ответственности за него не несет». Бумага датирована 1990 годом.

Знающие про эту справку работники печальной сферы унесли на личные нужды часть забора. А население, примитив, что похитителей не преследуют, поспешно «приватизировало» оставшиеся километры ограды.

Виктор ЗОЛУХИН
г. Челябинск

Незастрахованная буква

Любители настенного творчества осваивают новые рынки, то бишь площадки. Почему бы, например, не поведать миру свои сокровенные мысли, нацарапав их на витрине мага-

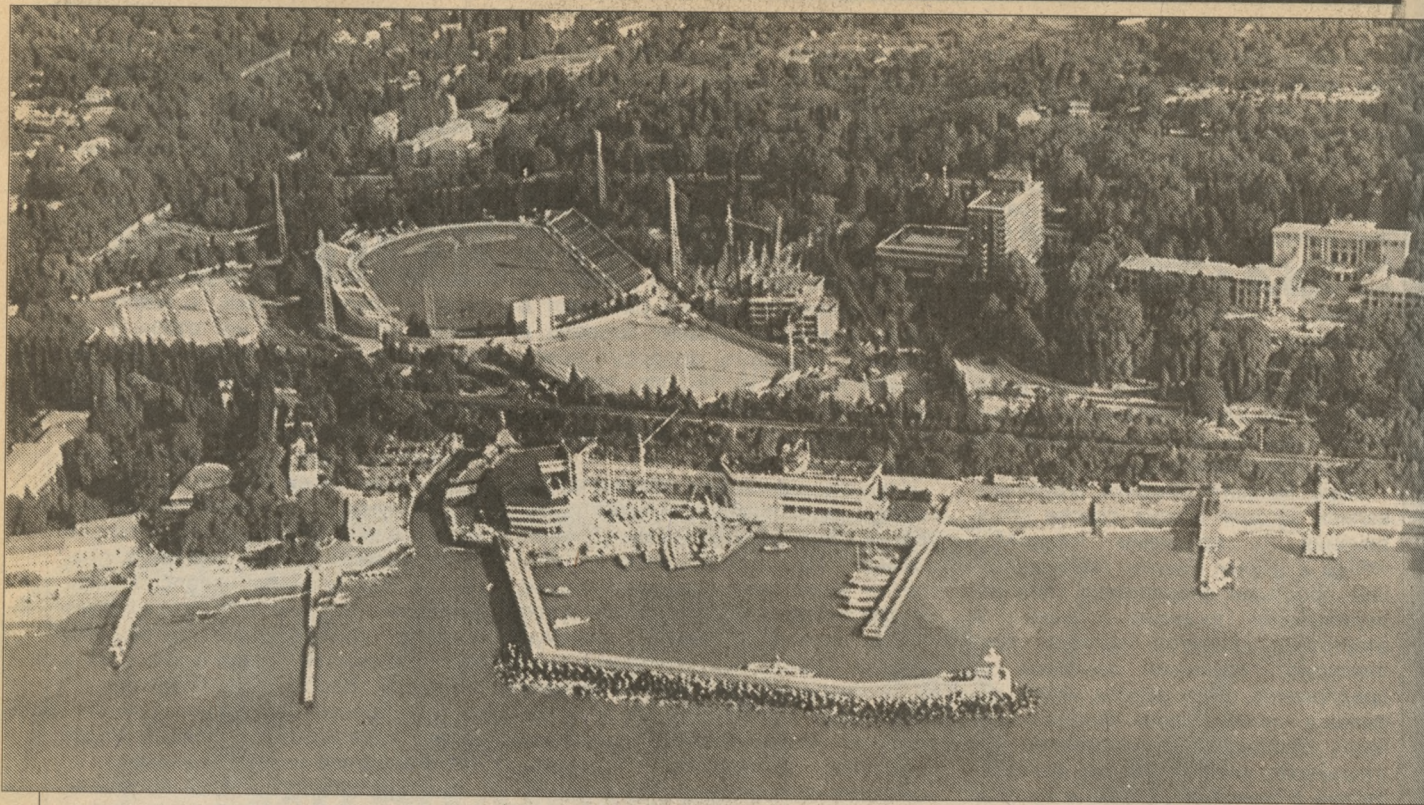

зина (благо моют их раз в пять лет) или на борту грузовика?..

Так, по Казани раскатывает ядовито-желтый автобус, на борту которого красуется надпись: «Татарская государственная фирма Гострах» (вместо «Госстрах»). То ли автору текста чем-то сильно насолила эта контора, то ли он держит обиду на доканавшее его государство, то ли просто хотел посмеяться — теперь точно не установишь.

Ясно одно, что в наше смутное время от потери не застрахован никто, пусть он трижды Госстрах.

Элеонора РЫЛОВА
г. Казань

Олимпийский огонь на Колхиде

Мы, журналисты из разных российских изданий, приехали в Сочи по приглашению Комитета по выдвижению города на XIX зимние Олимпийские игры со схожими чувствами — иронии и недоверия. И уехали опять-таки со схожими — но прямо противоположными тем, с коими приехали. Так все было убедительно.

Алексей МИТРОФАНОВ

В городе Сочи — пустынно. Хотя сезон уж наступил, пансионаты, санатории и прочие объекты индустрии здорового безделья заполнены наполовину. Причины, наверное, две. Первая — цены. Хотя богатых стало больше, полку бедных тоже прибыло. Это называется расслоением общества. В результате те, у кого есть деньги, ездят либо за границу, либо в те же Сочи, в бывшие цэковские, а ныне — самые дорогие пристанища. Тем же, у кого нет денег, — и сравнительно дешевые не по карману.

Вторая причина — соседство с Абхазией. Опасность оно, конечно же, преувеличена.

В городе Сочи — смятение. Жители, уставшие, как им казалось, от обилия приезжих, вдруг поняли: без них (без нас!) гораздо хуже. Поняли, что экономика города (и региона) держится, в большей мере, на туризме, да и скучно как-то без «гостей». Поняли, что фраза из энциклопедии — «крупнейший в СССР бальнеогрязевой и климатический курорт», — не только фраза. Поняли, что так оно и есть (точнее, было) и не так оно было и плохо.

В городе Сочи — надеются. Надеются на то, что нынешний проект — Олимпиада в начале очередного столетия — изменит что-нибудь, что о Сочи — услышат, что к Сочи — потянутся. И не только летом. Есть, правда, ревнители провинциальной ти-

шины и захолустья, которые считают всякое усовершенствование посягновением на самобытность и исторические корни. Но таких — меньшинство.

На взгляд поверхностный — действительно, абсурд. Во-первых, зимняя Олимпиада на Кавказе — да там снегу толком не бывает. Во-вторых, как можно затевать подобные дорогостоящие проекты, когда на нужды более насущные едва ли деньги наскребаются. В-третьих, Сочи — здравница и перепрофилировать ее в спорткомплекс нехорошо по отношению к убогим и больным. В-четвертых, разве можно проводить такое феешенбельное мероприятие в месте столь нестабильном.

Это — основные доводы «контра», которые приходили в голову, которые доводилось слышать. Так давайте неспешно подумаем о каждом из них, по порядку.

Для начала — о снеге. На побережье он, конечно, не залеживается. Но в горах весьма устойчив. Он сохраняется от 180 до 200 дней, а это — больше чем полгода.

Тот снег весьма глубок. Когда члены Комитета по выдвигению погожим зимним днем летали среди гор на вертолете, они обнаружили довольно живописную поляну. Приземлились, выпили бутылочку «Столичной» и повесили пустую тару на один из маленьких кустов. Когда же по второму разу прилетели летом, обнаружили, что та посуда висит на вершине здорового дерева. И назвали поляну Столичной.

Тот снег — особый. Что-то среднее между снегом и настом. Он не рыхлый, и лыжи в него не проваливаются, что особенно приятно горнолыжникам, биатлонистам, слаломистам и так далее. При этом — плюсовая температура воздуха, что делает соревнования особенно пикантными. На слайдах, которые мы видели в местном музее, горнолыжники-любители катаются в купальниках.

Правда, сейчас до Столичной, откуда планируются старты, можно добраться лишь воздушным транспортом. Но предполагают возвести канатные подъемники, отели и кафе, что делает те горные поляны местом вполне цивилизованным.

Соревнования же «ледовых» видов спорта все равно проводятся на крытых стадионах.

Теперь — о деньгах. Как известно любителям спорта, Сочи уже выдвигали свою кандидатуру на проведение Олимпиады в 1998 году. Но этот «номер» не прошел — товарищ Павлов, будущий гэквечист, отказался его финансировать.

Однако времена меняются, и город больше не надеется на высокое правительство. В форме АО открытого типа создана международная финансовая группа «Сочи-Олимп-Инвест», которой власти выделили 870 гектаров земли в оперативное управление. В основном в АО вошли сочинские акционеры, однако есть и кое-кто из Америки, кое-кто с Мальты. Этим инвесторам положены налоговые, таможенные и прочие льготы, поскольку спорт — благородное дело.

На вырученные деньги и планируется вести строительство стадионов,

Где, как не в Сочи, может быть такая зима?

ИТАР-ТАСС

Олимпийских деревень и прочих обязательных объектов.

Деньги же из федерального и местного бюджетов потребуются лишь на приведение в порядок городского хозяйства. То есть на то, на что они и так все время требуются.

Кто-то считает, что по вине Олимпиады многие больные не смогут в это время полечиться. Но, увы, и без того зимою сочинские курорты необитаемы. «Сульфидные, гидросульфидно-сероводородные и йодобромные воды» востребуются только летом.

Однако Сочи — это вам не Клизьмоград какой-нибудь, не стоит превращать его в огромную больницу. Ориентация же города на зимнюю Олимпиаду сделает его пригодным и для отдыха зимой. Без ущерба, конечно же, летнему.

И, как москвич, я немного завидую сочинцам. Перед «Олимпиадой—80» в Москве уничтожили множество исторической застройки. Здесь же новые дома и стадионы будут возводить только на пустырях, Олимпийские деревни (всего их две: на побережье и в горах) запланированы как множество маленьких коттеджей, канатные дороги и горнолыжные сооружения продуманы таким гуманным

образом, чтобы не потревожить природу. К счастью, необходимые для этого технологии уже существуют.

Еще одно опасение — политическая нестабильность. К этому вопросу можно подойти двояко. Можно испугаться. А можно вспомнить поговорку: за одного битого двух небитых дают.

Что-то, а опыт подавления всяческих беспорядков в России есть. Да и не видел я там беспорядков.

Мне кажется, что зимняя Олимпиада в Сочи — дело отнюдь не авантюрное. По крайней мере, ничуть не более авантюрное, чем проведение в Москве «Олимпиады—80» и «Фестиваля—85». И кажется, что, несмотря на очарованность известнейшим курортом, объективность я все-таки сохранил.

По поводу приезда нашей делегации в местной прессе была опубликована заметка. Она заканчивалась мыслью: дескать, посмотрим, что они напишут.

Что ж, посмотрим, что они настроят.

Русский сезон в НХЛ

Игорь ФЕЙН*

Ревнивые хозяева

Если быть стопроцентно точным, то «русские сезоны» в НХЛ начались давно, с приснопамятного противостояния Вячеслава Фетисова и К^и и прежней советской системы в спорте вообще и в хоккее в частности. Напомню, что пока «борьба с борьбой борьбились», тихонько-тихонько за океан, в самую могущественную и богатую хоккейную Лигу уехал пусть классный, но далеко не великий Сергей Пряхин из «Крыльев Советов». Впрочем, и он не был первопроходцем: из наших первым в НХЛ оказался уж и вовсе не приметный в звездном советском хоккее конца 70-х — начала 80-х Виктор Нечаев, немного поигравший в «Спартак» и ленинградском СКА. Причем взяли его в «Лос-Анджелес Кингз» — один из самых именитых клубов НХЛ. Сейчас Нечаев — тренер в Миннеаполисе, в команде, выступающей в одной из многочисленных профессиональных лиг Северной Америки, эдаких «дочерних предприятий» НХЛ...

Русские (поскольку так за океаном называют абсолютно всех приехавших из бывшего СССР, и только год-два назад отвоёвали себе право именоваться в соответствии со своей национальной принадлежностью литовец Дарюс Каспарайтис, латыши Артур Ирбе и Сандис Озолиньш, а также украинцы Дмитрий Христинич и Алексей Житник), а по существу советские (школа-то одна, именно советская) хоккеисты наделали шума сразу.

Вновь напомню, что в первый же свой сезон звание «лучшего новичка» и приз «Колдер Трофи» получил Сергей Макаров. Что вызвало... резко негативную реакцию старожилов НХЛ из числа «местных». Группа канадских и американских игроков, причем очень авторитетных и именитых, даже выступила с заявлением о приостановке такого тотального наступления русских. Хозяева клубов, конечно, на этот демарш плевали (погоду в НХЛ делают деньги, а на наших можно было хорошо заработать), но кое-чего законопёрчики этой акции добились. В частности, было принято решение «Приз Колдера» титулованным, много поигравшим на «любительском» уровне и достаточно «возрастным» хоккеистам не вручать. Что не уберегло энхаэловцев от очередного удара: через год после Макарова «Колдер Трофи» вновь получил русский: теперь уже на совершенно законных основаниях его владельцем стал молодой форвард Павел Буре.

Сегодня лишь «Питтсбург Пингвинз»,

«Даллас Старз» и «Тампа Бей» не имеют в своих составах бывших советских, а «Лос-Анджелес Кингз», «Филадельфия Флайерз», «Флорида Пантерз», «Чикаго Блэк Хоукс» и «Монреаль Канадиэнс» — держат всего по одному. Остальные такой роскоши, такой глупой в спорте, да еще в столь интернациональной Лиге, как НХЛ, ксенофобии себе позволить не могут.

И непонятно, почему энхаэловцы в штывы встретили выходцев из Союза. Ведь шведы, финны, чехи и словаки, а затем даже немцы, французы и поляки нашли здесь второй дом.

Объяснять это неприятие ужесточившейся конкуренцией со стороны целой когорты высококлассных игроков было бы чересчур просто. Главное, думается, в другом. До «прихода русских» иностранцы были хоть и классными, но одиночками. И на их успехи аборигены смотрели сквозь пальцы. Не «пришельцы» делали погоду в Лиге, не на них сыпался золотой дождь в виде многомиллионных гонораров и рекламных контрактов, не на них молились болельщики, не они были кумирами американских и канадских граждан.

И вдруг — все это кончилось, рухнуло под напором российских парней. Даже судьи, кажется, заболели «манией преследования» со стороны русских. Кого жестче всего наказывали в минувшем сезоне? наших. Да, Ковалев иной раз вел себя, мягко говоря, несдержанно. И Паша Буре в важнейшем матче финала Кубка Стэнли во внешне безобидной ситуации разбил губу сопернику. И Дарюс Каспарайтис превратился в настоящего «полицейского» (даром что внешне не впечатляет), перед которым дрожат суперфорварды Лиги. Однако то, что другому — канадцу или американцу — сошло бы с рук, нашим не спускали: удаления до конца матчей, длительные дисквалификации, огромные денежные штрафы — вот их удел. И в то же время символически наказывали обидчиков Александра Могильного и того же Буре, Сергея Федорова и Анатолия Семенова, Виталия Прохорова и Николая Борщевского, Валерия Каменского и Александра Семака, чьи тяжелейшие травмы в прошлом и нынешнем сезонах мешали им в полной мере проявить себя.

А что же болельщики? Если сначала внимание к русским было обусловлено самим фактом появления новичков из-за «железного занавеса», то теперь это внимание, любовь, а в некоторых случаях и преклонение вызвано одним: потрясающим мастерством русских в игре. Русские в очередной раз покусались, и успешно, на самое дорогое для канадцев — на хоккей. Первая волна любительства и приятни сменилась откровенной ненавистью: «наших бьют». Но прошло совсем немного времени (поистине, от любви до ненависти — и наоборот — один шаг), как рус-

ских вознесли до небес. И отныне никто не может не считаться с данным фактом...

Недавно финишировавший очередной сезон в НХЛ поистине стал «русским сезоном». И не только потому, что впервые за многолетнюю историю Лиги имена сразу четырех иностранцев (именно русских) выгравированы на самом ценном, самом престижном трофее профессионального хоккея — Кубке Стэнли. И не потому, что в финал розыгрыша Кубка среднюю, по всем меркам, команду тоже привел русский. И даже не потому, что русским (вернее — русскому) достались и многие индивидуальные призы (чего раньше не бывало). Весь сезон прошел под знаком России.

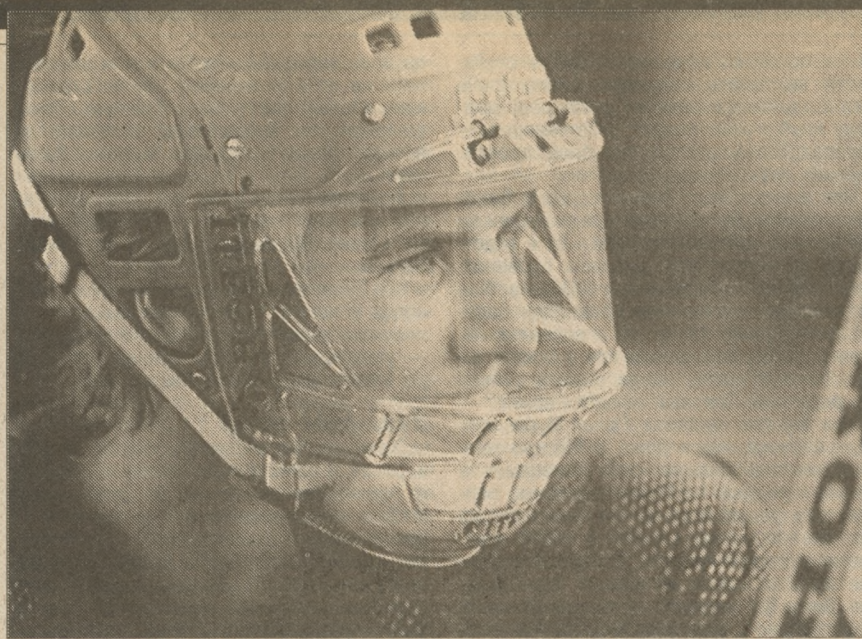
Призы для «беглеца»

Да, Кубок Стэнли — это кульминация сезона. Выигравший Кубок памяти бывшего генерал-губернатора Канады навечно завоевывает себе место в истории. Повторяю, на сей раз в историю попал сразу четверо наших: бывшие динамовцы Алексей Ковалев и Александр Карповцев, экс-армеец Сергей Zubov и центрфорвард «Крыльшек» и сборной СССР Сергей Немчинов, которые вместе с партнерами по «Нью-Йорк Рейнджерс» спустя более чем полвека вернули в «столицу мира» заветный Кубок.

Но есть в Лиге и индивидуальные призы, лишь чуть-чуть уступающие по значимости главному. Кубок Стэнли выигрывает команда. Двенадцать других призов — персональные. Безусловно, важнейший из них — «Харт Мемориэл Трофи», приз самому ценному игроку сезона. Это приз — герою сезона. Учрежденный ровно 70 лет назад, «Харт Трофи» доставался лишь наиболее выдающимся игрокам. Сегодня его владельцем стал «беглец» Сергей Федоров. «Мистер Элегантность» — так еще называют экс-цезковца, который в 90-м «рванул» из сборной СССР, выступавшей на Играх Доброй воли, и остался в Штатах. Портреты русского красавца — в смокинге и при бабочке — красуются по всему Детройту, где Сергей уже четыре года — одна из самых популярных личностей.

Федоров до конца регулярного чемпионата НХЛ претендовал и на звание лучшего бомбардира Лиги по системе «гол плюс пас», неуклонно догоняя постоянно лидировавшего Гретцки. Но ему просто не дали настичь любимца Америки: арбитры взяли да и перестали записывать на его счет голевые передачи. Во всяком случае, Андрей Тrefилов, вратарь «Динамо» и сборной, ныне второй голкипер «Калгари Флэймз», который все видел своими глазами, в этом убежден. Нечто подобное происходило и в прошлом году, когда Александру Могильному, другому нашему «диссиденту», «невозвращенцу» (он убежал с чемпионата мира в Швеции прямым ходом в Буффало), не дали догнать еще одну суперзвезду — Лемье...

*Игорь Германович Фейн — заместитель главного редактора еженедельника «Хоккей».

ИТАР-ТАСС

Достойным приза «Лестер Пирсон Эвэрд» сезона—94 профессиональные хоккеисты признали Сергея Федорова

Пропустим обладателей некоторых других призов. Остановимся на «Франк Дж. Селк Трофи». Это — награда лучшему форварду оборонительного плана. На этот раз ее получил... да, опять же Сергей Федоров. И вот обоснование данному факту. Я тут свел воедино мнение некоторых партнеров Сергея по «Детройт Ред Уингз» и наставника этого клуба, знаменитого Коуча Скотти Боумэна. Послушаем их:

— По складу Федоров, конечно, великий командный игрок. В отличие от Буре и Могильного у Сергея нет менталитета суперзвезды. Он не старается выделиться яркими сольными номерами. И манера его игры остается неброской. Он вышел на качественно новый уровень. Сергей молод, быстр и исключительно трудолюбив. Федоров добился такой работы ног, какую невозможно представить. В иных матчах соперники по сравнению с ним выглядели приготишками: была бы наша воля — бросили бы на лед две шайбы: одну для Сергея, вторую — для всех остальных.

Между прочим, прошлый сезон, хотя он уже тогда и был замечен, у Сергея не сложился: замучили травмы. И даже были сомнения, сумеет ли Федоров вообще закрепиться в команде. Об этом говорит хотя бы смехотворная сумма контракта для игрока такого потенциала: 295 тысяч долларов в год — 16-й (!) показатель в команде.

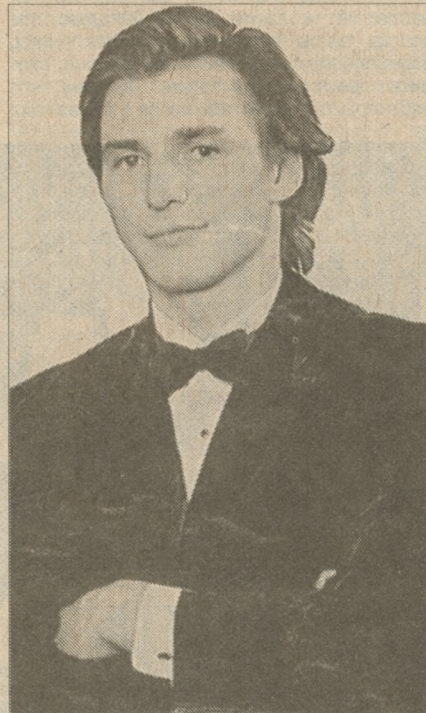
Однако Сергей развеял все сомнения буквально в первый же месяц очередного регулярного чемпионата, а матч «Детройт» — «Чикаго», безусловно, войдет в историю профессионального хоккея Северной Америки. Эта игра транслировалась на весь континент одной из кабельных телекомпаний и произвела потрясающее впечатление, вызвала чуть ли не массовое помешательство, полностью изменив представление о пределах возможного в хоккее.

Не прошло и пяти минут с начала встречи, как Федоров забросил две феноменальные, не поддающиеся описанию

шайбы. Сергей будто парил надо льдом, он словно издевался над защитниками, вытворяя все, что ему вздумается.

На следующий день вся Америка с восторгом обсуждала игру русского — игру, закончившуюся разгромом «Чикаго» со счетом 5:1.

— Бесспорно, он, Сергей Федоров, сегодня лучший хоккеист НХЛ, — заявил главный тренер чикагцев Дэррил Саттер. — Такая игра подвластна только гениальным мастерам. Я никогда не видел хоккеиста, который так безоговорочно властвовал бы на площадке. Федоров,

Сергей Федоров — одна из самых популярных личностей в Детройте

несомненно, значительно превосходит всех нынешних звезд НХЛ усилил свою игру.

— Раньше, выйдя на голевую позицию, он просто бросал — и все, — уточняет главный тренер «Детройта» Скотти Боумэн. — Сейчас Федоров гораздо более целеустремлен и сконцентрирован в подобных ситуациях...

Сам же хоккеист настойчиво утверждает, что манеру в прошедшем сезоне практически не изменил. Очки и голы, Гонка снайперов по-прежнему для него не главное.

— Я не думаю о шайбах, очках, — говорит Сергей. — Мне хорошо, я получаю полное удовлетворение, когда выигрывает моя команда, наши «Красные крылья». В каждом матче я просто выкладываюсь без остатка и стараюсь воодушевить партнеров собственным примером. Голы приходят, когда ты всего себя отдаешь игре, команде, когда пашешь весь матч...

Такое отношение к делу, не скрывает Сергей, у него от ЦСКА, от Виктора Тихонова. Как бы ни складывались их отношения после сенсационного побег Сергея из советской сборной, как профессионал он не может не отдать дань уважения своему тренеру в ЦСКА. И когда его просят сравнить Боумэна с Тихоновым, Сергей отвечает так:

— И тот и другой — жесткие люди. Оба четко знают, чего хотят. А если они что-то меняют, то абсолютно уверены в своей правоте. Для них превыше всего — дисциплина, послушание, верность атаке, четкое исполнение тренерских замыслов. Поэтому мне было достаточно просто адаптироваться в «Уингз»...

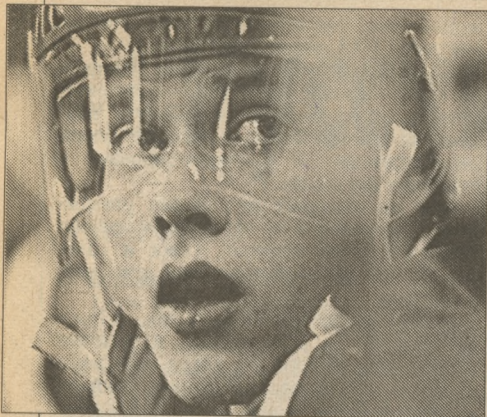
Характерно, что соперников у Федорова в споре за «Харт Трофи» практически не было: экс-армеец набрал в спецопросе 122 очка, Дуг Гилмор — лишь 29, а Гретцки — 24. В конкурсе «Селк Трофи» у Сергея 83 очка, у Гилмора — 52.

Я все понимаю: этим призам нет цены. Но есть среди них один, который, на мой взгляд, «самый ценный среди ценных». Имею в виду «Лестер Пирсон Эвэрд» — приз хоккеисту, названному лучшим членом Ассоциации игроков НХЛ. То есть в опросе не участвуют ни чиновники НХЛ, ни боссы клубов, ни журналисты — а только (без каких-либо исключений) сами действующие лица профессионального хоккея. Уж они-то, тем более американцы с канадцами, лажи не допустят. Здесь все — по «гамбургскому счету». И вот — обладатель приза в сезоне—94 все тот же Сергей Федоров. Повторяю, более высокой оценки нельзя придумать.

А еще одно свидетельство полного признания достоинств русских — состав «Олл старз» по итогам регулярного чемпионата НХЛ. Естественно, в «великолепной шестерке» — Сергей Федоров. Но — не один из наших. Второй — «русская ракета», «дьявол хоккея», «красная опасность», «последний аристократ России», «рыцарь с лицом инока». Конечно, это Павел Буре, лучший бомбардир НХЛ нынешнего сезона, главный голедор розыгрыша Кубка Стэнли...

Семейное дело

Да, минувший сезон в НХЛ прошел под знаком не только Федорова, но и Павла Буре. Поистине «часы Буре идут без

Павел Буре — лучший бомбардир НХЛ нынешнего сезона, главный голеодор розыгрыша Кубка Стэнли

остановки... Ведь Павел Буре — продолжатель замечательной российской династии Буре: сначала — гениальных часовщиков, выходцев из Швейцарии, затем — столь же гениальных спортсменов, достойных того, чтобы эта фамилия нашла свое место в Книге рекордов Гиннесса. Поверьте мне, хорошо знакомому с историей спорта: чтобы представители двух поколений защищали цвета национальных сборных — такое было. Но чтобы трех — это фантастика!

Буре — уникальная семья. Валерий Владимирович, вратарь сборной СССР по водному поло, арестованный в 36-м и проведший в «истребительно-трудовых» лагерях и ссылках аж 18 (!) лет, затем вернулся в большой спорт, стал основателем советской школы спринтерского кроля в плавании, воспитал группу выдающихся атлетов, в том числе первого нашего олимпийского призера в спринте — своего младшего сына, Владимира Буре. Володя три раза выступал на Олимпийских играх. Мог бы и в четвертый, в Москве, но ярлык «сына лагерника» висел на нем всегда. И когда его выкидывали из сборной СССР, из ЦСКА, его, завоевавшего стране и клубу сотни медалей и очков, — он все понимал. И не роптал. Но когда армейское руководство попыталось «прихватить» его сыновей, внуков «папы Буре», как звали в спортивном мире Валерия Владимировича (а теперь, кстати, зовут самого Володю), он кричал мне по телефону из далекого Лос-Анджелеса:

— Игорь, что же делается? Батю харчили, меня, но детей-то за что? Когда же это кончится? Что же они творят?

Мужественный, мощный, однако, надо признать, не сдержанный на язык и поступки Володя Буре был вне себя: руководство ЦСКА вдруг решило запретить играть за океаном и Павлу Буре, затеяв судебное дело с клубом «Ванкувер Кэнакс», и даже его младшему брату Валерию.

Дело же было в том, что Паше никто не мог запретить ехать в Канаду. Да, он отказался подписать контракт с ЦСКА: ему предлагали на несколько лет, а он соглашался только на год. Стороны разошлись, не найдя общего языка. И Павел Буре уехал. Вдогонку полетел иск. В итоге Паша поступил так, как никто ни до не-

го, ни после из хоккеистов ЦСКА: согласился выплатить солидную сумму (речь шла о двухстах тысячах долларов) родному клубу — из своего собственного гонорара. Только тогда судебное преследование прекратилось.

Что же касается Буре-младшего, Валерия, который был лучшим среди наших на юниорском чемпионате мира—94 и участвовал во «взрослом» мировом первенстве в Италии, то в то время ЦСКА вообще не имел на него никаких прав: ведь Валю было только 15 лет, а следовательно, играть ли ему за океаном или в Союзе, играть ли вообще — могли решать только его родители. При чем же здесь армия?

Как бы там ни было, Павел Буре, вопреки сложившемуся даже в Москве мнению (многие, мнящие себя «спецами» в хоккее, предрекали Паше печальную перспективу, уверяли меня, что хоккеиста из него не получится), взлетел в НХЛ в звезде немыслимой яркости. В первый же сезон он стал одним из лучших бомбардиров Лиги. Во втором — лучшим. 60 шайб в регулярном чемпионате НХЛ — что-нибудь да значит? И в Кубке Стэнли он вновь — лучший. При том, что как заокеанские эксперты, так и наши сходятся в одном: такая команда, как «Ванкувер Кэнакс», где он играет, не имела никаких шансов не то что выйти в финал Кубка Стэнли, но и вообще попасть в плей-офф. Ведь это команда одного игрока — Павла Буре. И как он, в одиночку, сумел вытащить свою команду в финал — одному Богу известно.

Если не объяснение, то оценка была дана по окончании сезона: та же Ассоциация игроков НХЛ выбрала Павла в «Олл старз» — как лучшего правого крайнего нападающего Лиги.

Татьяна Буре, мама Паши, рассказывает:

— Ты представляешь, он даже боится после матча выйти из раздевалки: там всегда толпы поклонников и поклонниц. Ему невозможно появиться на улице, сходить поесть в ресторан. Поэтому его партнеры так радуются, когда я приезжаю:

он всех зазывает к себе, и я жарю-парю чуть не на всю команду... А ты скажи, о ком, кроме, может быть, Гретцки, Лемье, сочинили бы песню? На, послушай, эту пленку крутят на каждом матче в Ванкувере...

Я ничего не понял из того, что пел неизвестный мне тенор. Но строчку «Буре, Буре, Павел Буре» переводить не понадобилось...

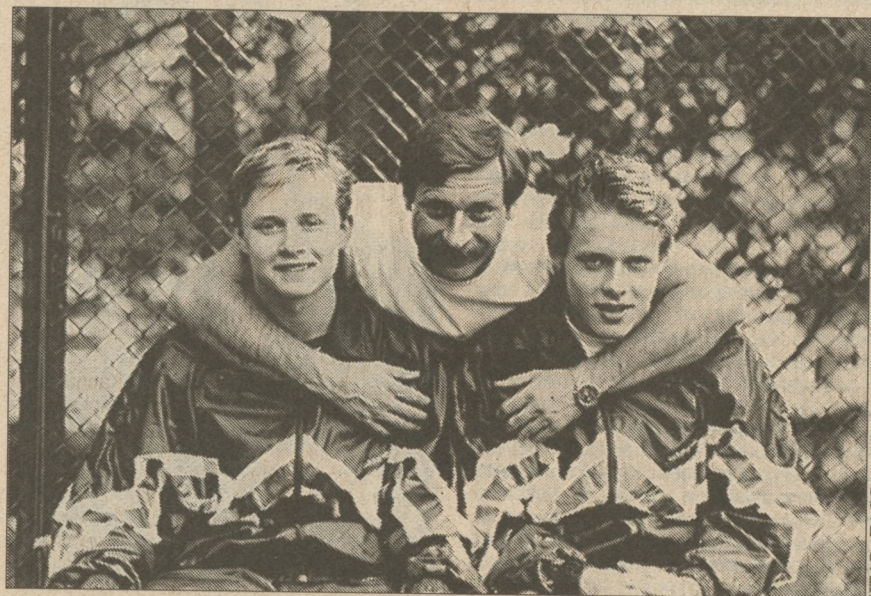
— Буре станет лучшим игроком НХЛ, когда у него появится хотя бы один более или менее понимающий его партнер, — утверждает великий тренер Фред Шеро, кстати потомок русских казаков.

Знай себе цену!

Хотя что же я бьюсь лбом в открытые ворота? В начале этой статьи я упомянул о заинтересованности боссов клубов НХЛ в приобретении русских хоккеистов (украинских, белорусских, казахских, латышских, литовских, а в самом последнем драфте был выбран и эстонец Тойво Суурсоо, играющий, правда, за московские «Крылышки»). Они ведь до недавнего времени и стоили дешево.

Не имеющие грамотных агентов, подающиеся на уговоры каких-то проходимцев или жаждущих схватить легкий куш наших бывших и сегодняшних соотечественников, ничего не понимая в законах бизнеса, страны пребывания, профессионального спорта, многие хоккеисты из СССР заключали контракты, смехотворные на фоне их действительной, рыночной — уж простите, но таковы термины, — стоимости. Потребовалось несколько лет, чтобы и они сами, и их менеджеры, и их владельцы поняли, с кем имеют дело.

И хорошо, что Слава Фетисов смело идет в судебное присутствие и выигрывает дело у некоего Малковича, решившего «взять на хапок» русского «совка». И хорошо, что Володя Крутов, беззащитно выставленный за дверь хозяевами, подает в суд — и тоже выигрывает дело. И хорошо, что почти все наши ребята, ставшие истинными профи, задают вла-

Папа Владимир Буре с сыновьями Валерием и Павлом

дельцам клубов прямые вопросы: будете продлевать контракт? На сколько лет? Одно- или двусторонний? Сколько будет стоить трансфер? И уже не принимают близко к сердцу ситуацию, когда их перепродают из клуба в клуб: Леша Касатонов меняет уже четвертую команду (теперь будет играть в «Бостон Брюинз»), и прекрасно себя чувствует. Продают и меняют в НХЛ не худших, не ненужных: там другие правила, другие законы, другие варианты. Зачастую игрок от такой операции даже выигрывает. Чаще всего выигрывает...

На русских цена резко подскочила. Это хозяев клубов, с одной стороны, естественно, огорчает, а с другой — радует. Они имеют дело с высококачественным (да, да, высококачественным, что бы там ни говорили о неудачах сборной России на Олимпиаде в Лиллехаммере и чемпионате мира в Италии, о низком уровне чемпионата нашей Межнациональной хоккейной лиги) товаром. Да, товаром. Потому что спортсмен, хоккеист в данном случае, — это товар. Дорогостоящий товар. И русские наконец-то не только это доказали, но и стали получать то, чего достойны.

В прошедшем сезоне (почему я и называю его «русским») в чемпионате НХЛ сыграли 65 хоккеистов из Союза. 37 из них были в числе лидеров своих клубов. Дабы меня не заподозрили в необъективности, скажу: лидерами считаются лишь те, кто или вошел в число пяти (защитники) и восьми (нападающие) игроков, регулярно выходящих на лед, или провел около 60 матчей регулярного чемпионата (у некоторых до этой цифры не хватает одной-двух игр — травмы, травмы).

Суперигру продемонстрировали в «Рейнджерсе» Леша Ковалев, Сергей Zubov и Сергей Немчинов, а неожиданная (и непонятная) отставка Саши Карповцева (в заключительных матчах Кубка Стэнли) потребует дополнительных объяснений тренера Майка Кинэна. Тем не менее и он, его фамилия, — на чаше Кубка Стэнли.

В «Нью-Джерси Дэвилз» делали ставку на Вячеслава Фетисова и Валерия Зелепукина (Саша Семак был в лидерах, но травмы помешали ему выступить лучше). Сейчас «Дьяволы» решили расстаться с Фетисовым — первым нашим хоккеистом, бросившим перчатку непробиваемой советской спортивной системе. Славе уже 36 лет. И контракт у него закончился. Но, что самое интересное, ни сам Фетисов, ни его недавние хозяева абсолютно не беспокоятся за дальнейшую судьбу мастера обороны. Уж кого-кого, а Фетисова непременно кто-то «купит». Преуспевающий ныне бизнесмен (те, кто поехал за океан не за «длинным долларом», а всерьез и надолго, — хорошо поняли, приняли правила игры, не транжирят отнюдь не дармовые десятки и сотни тысяч «зеленых», а вкладывают их «в дело»), Фетисов убежден, что его мастерство «чистильщика» (говоря футбольным языком) кому-нибудь непременно пригодится.

«Детройт» строит свою игру на феноменальном Федорове, на все еще юном «анфан террибль» Славе (так его там называют) Козлове и Владимире Константинове. «Кленовые листья» из Торонто — на Диме Миронове и Коле Борщевском. В

«Брюинз» играют четверо наших, но Миша Татаринов разорвал контракт и куда-то исчез (похоже, «зеленый змий» и неумение держать себя в руках нет-нет да и сказываются даже теперь, когда, кажется, все зависит только от тебя), Дмитрий Квартальнов играет то блестяще, то — никак, был отправлен в фарм-клуб, а сегодня ему предлагают искать новое пристанище.

В «Калгари» неожиданно вышел на вторую позицию вратарь Андрей Трефилов. Он согласен с тем, что и сам, уезжая, был теленком, бросался головой в омут, поверил лживым посулам Сержа Ханли (он же — Сергей Левин, бывший наш телевизионщик). И в итоге попал в фарм-клуб с зарплатой 40 тысяч долларов (канадских, замечу). Еле-еле выбрался в основную команду, завоевал там себе место, однако выиграл на этом лишь десять тысяч. Только теперь, уже кое-чего добившись, надеется на приличный гонорар. А вот Герман Титов из Воскресенска в «Калгари» сразу пришелся ко двору.

«Клинки» из Буффало... Это, безусловно, команда Алекса Могильного и Юрия Хмылева. Первый из наших «невозвращенцев», Могильный ведет очень замкнутый образ жизни, отказывается от встреч с советскими (по-другому он их не называет) журналистами, не желает приезжать в Россию. Еще бы, с него, офицера Советской Армии, не снято до сих пор обвинение в «измене родине» и «дезертирстве». Могильный собирается принять американское гражданство. Впрочем, он неожиданно заявил, что готов приехать на первый международный турнир, устраиваемый профессиональным хоккейным клубом «Спартак» в конце августа — в составе сборной экс-советских легионеров.

«Сент-Луис Блюз» принял Алексея Касатонова, а уже имел Виталия Прохорова, Виталия Карамнова и Игоря Королева. Сезон они провели неровно, но на них, как подчеркнул тот же Андрей Трефилов, в клубе очень и очень рассчитывают. «Вашингтон Кэпиталз» и «Лос-Анджелес Кингз» для нас интересны потому, что там главные роли играют украинцы Христинч и Житник. Дима Христинч у себя в команде затмил даже знаменитого Джо Жюно, а Леша Житник — лучший партнер самого Уэйна Гретцки. Львиную долю шайб великий Гретцки провел с подач именно экс-киевлянина, экс-москвича Житника.

«Айлендерс»... Тут все держится на двух защитниках — бывшем армейце Владимире Малахове (хорош в атаке и в подыгрыше) и литовце Дариусе Каспарайтисе. «Привидение», «Белокуроя bestия», «Танк» — так называют в НХЛ уроженца маленького литовского городка Электренай, ставшего олимпийским чемпионом в сборной СССР Каспарайтиса. Он — типичный «полицейский», то есть разрушитель, «персональщик», держит самых опасных форвардов соперников и не дает в обиду лидеров своей команды.

Самая русская команда в НХЛ — «Сан-Хосе Шаркс»: шестеро хоккеистов из бывшего Союза. Вечный аутсайдер Лиги. Безнадежный аутсайдер... Пока вторым тренером там не стал Василий Тихонов (сын Виктора Васильевича, многолетнего

наставника сборных СССР-СНГ-России), а в команду не пришли к уже имеющимся латышам Артуру Ирбе и Сандису Озолиньшу мэтры мирового хоккея Сергей Макаров и Игорь Ларионов. Тихонов объединил в одном звене троих наших (Озолиньш—Макаров—Ларионов) и добавил еще двух европейцев — чеха Сикору в обороне и шведа Гарпенлёва в атаке. Что творила эта пятерка на финише регулярного чемпионата НХЛ, как она пробила в плей-офф (впервые в истории клуба!) — этого словами не опишешь!

«Квебек Нордикс» — это Алексей Гусаров, Валерий Каменский и Андрей Коваленко... «Анахайм Майти Дакс» — Анатолий Семенов... «Эдмонтон Ойлерз» — Игорь Кравчук, Борис Миронов и Илья Бякин... «Хартфорд Уэйлерз» держится на Саше Годынюке... «Виннипег Джетс» — на Игоре Уланове и Леше Жамнове... «Сенаторы», как я уже подчеркивал, — на Леше Яшине и Жене Давыдове...

«Если нас позовет Россия...»

Вот такова сегодня картина в НХЛ. Североамериканские скауты по-прежнему рыщут по просторам России в поисках талантливых хоккеистов... Такие хоккеисты есть. Это подтвердил очередной драфт: более четырех десятков наших ребят заявлены в клубы НХЛ (в том числе сын незабвенного Валерия Харламова — Саша).

Так что не умер, отнюдь не умер российский хоккей — несмотря на все пертурбации, конфликты, его раздирающие. Только не надо думать, что мы — сырьевой придаток НХЛ. Идет работа по упорядочению всех хоккейных проблем как внутри страны, так и за рубежом. На очереди — подписание долгожданного соглашения между Федерацией хоккея России и НХЛ. Оно положит конец беззастенчивому грабежу российских талантов.

Я — оптимист. Нет, не розовый, не ивальный. Просто Сережа Федоров, Саша Могильный подписали наконец миллионные контракты, кои имели бы давным-давно, кабы не система, от которой они бежали. И Паша Буре подписал — аж на 22,5 миллиона долларов за четыре года в «Ванкувере». Он сегодня третий по «долларовому показателю» в НХЛ. После Гретцки и Лемье — вот так-то... И другие ищут варианты.

А братья Буре мне сказали так: «Если нас позовут в сборную России и в клубе не будут возражать, мы обязательно приедем...»

Владимир Буре, их отец, мой старый товарищ, добавил:

— Ты что думаешь, мы из России совсем уехали? Да никогда... Как там у Галича? «Если зовет своих нужных (у Галича, конечно, не так, но... — И.Ф.) Россия, значит, беда...»

Машинист, наденьте галстук!

Удивлению пассажиров, намеревавшихся отправиться поездом из Эксетера в Пэйтон, на юго-востоке Англии, не было предела, когда по станционному радио, извинившись, их попросили освободить вагоны и воспользоваться следующим составом. Технические неполадки в британских пригородных поездах — явление нечастое, а о каких-либо забастовках работников железнодорожного транспорта местные газеты в тот день не сообщали.

Вскоре станционный диктор, еще раз извинившись, громогласно объявил причину отмены рейса. Оказалось, что машинист попросту забыл... нет, не о том, что ему необходимо отправляться в путь, а надеть галстук. Вокзальный инспектор, заметив столь серьезное нарушение правил внутреннего распорядка на железной дороге, незамедлительно принял решение об отмене поезда и отправил машиниста домой для «устранения недостатков в форме одежды».

Правила есть правила, и попытки нарушителя объяснить инспектору железно-

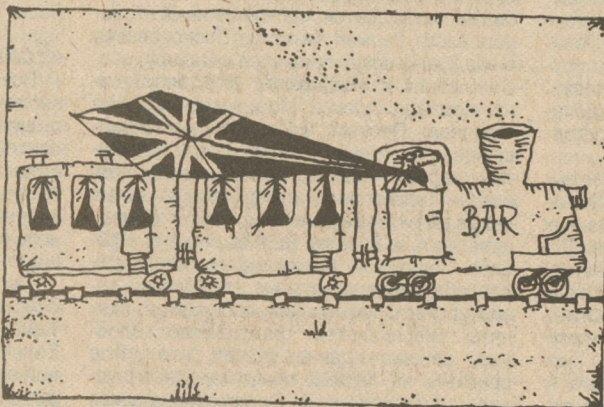

С МИРУ ПО НИТКЕ

дорожной компании «Бритиш Риэл» причины случившегося успехом не увенчались. Оказавшемуся волей

тура воздуха в тот день достигала 30 градусов.

Как заявил в свою очередь инспектор, на первый раз

случая на вокзале корреспонденту одной из местных газет машинист рассказал, что отправился на работу без галстука исключительно по причине ужасной жары — темпера-

виновный отделается устным предупреждением, но в случае повторения подобных нарушений ему не избежать штрафных санкций.

Компьютер — грозное оружие в «голубых» руках

На какие только уловки не пускаются гомосексуалисты в различных странах мира для того, чтобы вовлечь в свою среду новых людей, включая подростков. Как сообщило недавно информационное агентство ЭФЭ, американские «голубые» пытаются преуспеть в этом деле, используя современную компьютерную технику и связь посредством электронной почты.

Столкнувшись с этой проблемой сотрудники полиции американского города Бостон (штат Массачусетс)

рассказали журналистам, что им удалось установить: местные гомосексуалисты, выходя в локальную и международную сети электронной почты, привлекают внимание несовершеннолетних пользователей персональных компьютеров различными занимательными историями и картинками, входят с ними в постоянный «электронный контакт», а затем, завоевав доверие и заочно подружившись, предлагают им познакомиться лично. По данным полиции, в ряде случаев геем-«электронщикам» удавалось добиться желаемого.

Но и у полиции оказались свои специалисты по работе с компьютерными сетями. В результате нескольких следственных мероприятий

удалось вычислить, найти и арестовать некоего Джона Рекса, которому предъявлено обвинение в использовании компьютерной техники с целью поиска несовершеннолетних партнеров по сексу и совращения найденных электронным способом малолетних жертв.

По утверждениям полицейских экспертов, процесс постепенного удешевления компьютеров старых моделей, а также проникновение «умных машин» во все большее число семей делает опасность распространения этой «электронной заразы» достаточно серьезной и достойной самого пристального внимания правоохранительных органов.

Осторожно: крылатые вампиры

Не на шутку встревожились санитарные власти Никарагуа, когда из разных районов этой небольшой центральноамериканской страны стали в массовом порядке поступать сигналы об участившихся нападениях на людей кровожадных летучих мышей. Только с начала этого года таких нападений зафиксировано около двухсот, причем большинство из них произошло в сельских районах Атлантического побережья страны.

— Это был просто кошмар, — рассказал местным журналистам крестьянин Эмилио Бенавидес. — Три или четыре этих твари налетели на меня неожиданно, как ураган, часенкоко посещающий наши места. Острая боль заставила двигаться с нечеловеческой силой и скоростью. Я смог отогнать нескольких из них, но одна все же ненадолго присосалась ко мне как пиявка.

Эмилио повезло. В отличие от многих своих менее удачливых соотечественников он не заразился в результате укусов крылатых налетчиков ни одной из опасных инфекционных болезней, переносчиками которых являются летучие мыши-вампиры. И хотя смертельных исходов пока не отмечалось, многие укушенные этими кровососами никарагуанцы заразились бешенством и некоторыми другими столь же неприятными недугами.

Кровожадные летучие мыши и раньше нередко посещали эти края, однако нападали они только на животных, в основном на домашний скот. Сегодня же эксперты санитарных и эпидемиологических служб ломают голову над тем, что же заставило «мурсьелагос эматофагос» — так они называются по-испански — переключиться с животных на человека. От успешного поиска ответа на этот вопрос зависит, смогут ли специалисты справиться с нашествием. Ведь валютных ресурсов, необходимых для закупки специальных препаратов и дорогостоящих сетей для борьбы с летающими кровососами, у страны не хватает. А пока никарагуанцы спасаются от агрессивных летучих мышек кто как может, используя природную смекалку и любые подручные средства.

Юридическое агентство
«СОКОЛОВ»

Предлагает:

1. Содействие в РЕГИСТРАЦИИ РЕЛИГИОЗНЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ (фондов, союзов, ассоциаций).
2. Помощь в ЛИЦЕНЗИРОВАНИИ СТРАХОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.
3. Правовая поддержка коммерческих структур, принимающих денежные вклады от юридических и физических лиц.
4. Консультации по международному праву и налогообложению.
5. Помощь в создании и регистрации совместных предприятий, а также предприятий со 100-процентным иностранным капиталом.

Тел.: 275-90-72

Тел./факс: 274-16-70

Адрес: 109044, Москва,
ул. Мельникова, д. 7, д/к «Московский подшипник»

Елена КАМБУРОВА:
«Меня учили
петь
сами
песни»

*Портрет певицы на фоне
художественного беспорядка*

Скоро минет тридцать лет с тех пор, как она впервые напела, почти наговорила свои вокальные опыты — начав с песен Новеллы Матвеевой, продолжив песнями Окуджавы, Кима, Высоцкого. Тогда позди у нее была школа в городе Хмельницком, два года учебы в Киевском институте легкой промышленности, неудачная попытка поступить в Щукинское училище, работа на стройке, учеба в эстрадно-цирковом училище. Тогда же, в начале, готовясь стать вовсе не певицей, а чтицей, она прочла на радиостанции «Юность» отрывки из горьковских «Сказок об Италии», после чего получила письмо от Фаины Георгиевны Раневской. Не поверила, что сама Раневская ей пишет, а через несколько лет, познакомившись, удостоверилась.

...Она пела так много чужих песен, что, подобно соловью, была вынуждена распрощаться со своим скромным голосом и невесть откуда приобрести множество других. Когда в 80-е Камбурову стали выпускать за границу, то там ее сравнивали с Эдит Пиаф и Эвой Демарчик. Сама же она считает себя «шансонье» и предана Жаку Брелю, чей концерт слышала в молодости и чьи песни до сих пор поет.

Камерная песня, «литературная», или «поэтическая», или «театрализованная», как называлось в разное время то, что она делает, — знак поздних 60-х и 70-х, зримый и звучащий образ «глотка свободы», воображаемой, но оттого не менее осязаемой. Любимица интеллигенции, хрупкий, чуть угловатый «цветок добра», маленькая женщина в величавых платьях, которые кажутся тяжеловатыми для нее. Камбурова воплотила, вывела вовне мечту о чистом внутреннем, духовно-углубленной жизни. Любая статья о ней начинается напоминанием о том, что она «счастлива своей непопулярностью». При этом ни у кого нет таких верных поклонников, очень напоминающих адептов некоего вероучения. Никому другому авторы не позволили бы петь песен, которые с успехом поют сами; ни от кого другого публика не приняла бы такого исполнения шлягеров, вроде номеров из фильмов «Бумбараш» и «Приключения Буратино». Камбуровой позволяют, от Камбуровой принимают — с радостью, ибо она как бы гранит песни, и в гранях начинают роиться персонажи, которых иначе никто бы не разглядел.

Мы беседуем с Камбуровой у нее

дома. Мало сказать, что у нее в комнате «художественный беспорядок» — это не беспорядок, а хаос, но действительно очень художественный. Кроме обязательного рояля, заваленного нотами и кассетами, всюду — на полу, на столике, на стенке, на подоконнике — расставлены цветы: засушенные — в китайских вазочках, а живые — в банках, бутылках и горшках. Портреты — не только хозяйки, но и любимых ею животных: лошади и кошки. Живая кошка с гибким, белым в ореховых пятнах телом и живая собака, белая и мохнатая («у них дипломатические отношения»). Грубо вырезанный деревянный идол в двух косо нахлобученных шляпах. Тренажер-велосипед. Множество крошечных иконок, множество очаровательных безделушек — фарфоровых маркиз, кошечек, вышитых попонок. И еще — куклы, сидя, стоя и лежа, везде. Может быть, они, так странно не желающие считаться неодушевленными, вносят в хаос порядок — видно, что все эти пластинки, книги и вазочки часто берут в руки, что их расположение подчинено обиходу. На тахте лежит пестрый клоун.

— Елена Антоновна, это ваших рук дело? Говорят, вы любите делать клоунов.

— Ну, такого шикарного мне не сделать, он еще и говорящий. (*Тянет за шнурок, и клоун мелодично, как часы, играет.*) От зрителей. Все это подарки. А сама я делаю простых таких клоунчиков. Каждое лето в отпуске делаю и сразу дарю друзьям.

— Вы их делаете в память о том, что учились на отделении клоунады?

— Может быть, и так...

— А вы действительно умели жонглировать и делать сальто?

— Да, да. Но высот я не достигла, очень средне все это проделывала. Сожалею, что мы немножко халтурили, ротозейничали больше, чем учились. А сейчас, кстати, мне в одном номере нужно палочку покрутить в пальцах, и уже сложно вспомнить, как это делается.

— Вы знали, когда учились, что будете петь?

— Нет. Я вообще думала, что цирковое — просто пересадка перед театральными, куда, как я была уверена, я попаду, потому что у нас преподавали те же педагоги, что в Щукинском. Они хорошо ко мне относились и считали, что я должна поступить. Но потом я как-то увлеклась...

— Пением?

— Сперва не столько пением, сколько вообще жизнью в училище. Потом муж был музыкант и... как-то пошло в эту сторону.

— Но вокалу-то вас учили?

— Учили, но именно с вокалом у меня сразу вышла нелепая история. Я попала... мягко говоря, не к тому педагогу. Мне сразу начали ставить колоратурное сопрано, связки не выдерживали, после уроков я не то что петь — говорить еле могла, и просто сбегала. Сказала, что не буду никогда петь, а буду читать. Ну, были скандалы... А первые песни, которые я пела, не требовали каких-то особых вокальных данных; я их в очень маленьком диапазоне так — напевала, нашептывала.

— А откуда же взялся диапазон и прочее?

— Появились песни, перед которыми я оказалась в полной растерянности. Стала заниматься с педагогом как меццо-сопрано, совершенно не учитывая того, что собираюсь петь с микрофоном, и потом поняла, что это даже хорошо — просто честно приобрела вокальные навыки. Потом занималась сама: слушала свои рабочие записи и, слыша, что там некрасиво, пыталась «дорисовать» голосом то, что слышало ухо. У меня такое ощущение, что меня учили петь сами песни. Впрочем, сейчас, после большого перерыва, занимаюсь опять...

Мне показалось, что есть резервы. Вообще, надо всегда стараться сочетать в себе учителя и ученика: учителем со временем становишься, хочешь того или нет, но важно не утратить ощущение ученичества.

— Я вас слышал год назад в Севастополе и обратил внимание на то, что программа была составлена так, чтобы двигаться от нового к старому — вплоть до таких легендарных вещей, как «Вот ведь какая судьба» Новеллы Матвеевой. Вы всегда даете на сцене такую «антологию» своего творчества?

— Для меня вообще не существует понятия «старой» песни. Песни — живые существа, которые каждый раз рождаются в тот момент, когда их поешь. У меня может лучше или хуже получаться сегодня, но, поскольку я никогда не пою формально, песни из моего репертуара практически не уходят.

— Как существует ваш «Театр поэзии и музыки под руководством Елены Камбуровой»?

— Он существует в те часы, когда я выхожу к своим зрителям. Я все время езжу — вот только что верну-

лась из Риги, перед тем была в Петербурге, Ростове, Красноярске...

— **У вас есть продюсер?**

— Нет. Гастроли организуются самым непредсказуемым образом. Иногда бывает достаточно одного энтузиаста.

Сейчас у нас, правда, появился директор, он доблестно сражается за то, чтобы давняя история с помещением, наконец, успешно завершилась. Очень важно, чтобы в Москве был Дом, где бы можно было представлять «шансон» как жанр, как традицию. Нужна такая маленькая «Олимпия», как в Париже. За последний год дело сдвинулось, помещение на Новом Арбате намечено, и идут переговоры с теми, кто его занимает.

— **То, что вы говорили о своем невольном учительстве, относится к воспитанию молодых шансонье?**

— В принципе, да. Просто сейчас, в данный момент, я похожа на бегуна, который стремится финишировать, и могу только подсказывать, «болеть», но не заниматься с ребятами скрупулезно. Мне надо успеть очень много сделать — для фильма записать фонограмму, потом хочу завершить что-то похожее на спектакль — «по страницам мюзиклов».

Эта работа требует того, с чем я раньше мало имела дело, — внешне-го рисунка, пластики.

— **Тренажер — в подмогу?**

— Ох, нет, я на него с тоской смотрю — времени не хватает. Не получается такой утренней идиллии — шесть на тренажер: звонки, то да се... Ситуация моего любимого фильма «Жил певчий дрозд», где герой все время везде опаздывает. Вот и я: опоздала к вам, теперь опаздываю навестить подругу в больнице, потом стану опаздывать на вокал, а вечером, очевидно, опоздаю в театр... Записываться не успеваю — зато все разъезжаю и разъезжаю. А страшно вдруг остановиться и никуда не поехать: дурацкий такой страх. Хотя, с другой стороны, контакт с залом ничто не заменит. Вот, скажем, начала я недавно петь на сцене цикл М.П.Мусоргского на стихи А.А.Голенищева-Кутузова «Песни и пляски смерти», было десять, по-моему, исполнений. Это еще только начало, черновики, но я себе позволю с этим выходить на публику. Той энергетике, которая исходит из зрительного зала, ни на одной репетиции я бы не смогла добиться.

— **По духу вы человек совершенно театральный. А не приходилось вам задумываться, что было бы, если б вас тогда, в 1959 году, приняли в Щукинское — на тот самый**

курс, который потом составил основу труппы Театра на Таганке?

— Да, я думала об этом и считаю, что в результате моя жизнь сложилась более интересно, чем если бы я работала в театре. В своем жанре у меня есть та свобода, которой, к сожалению, нет в театре, где приходится ожидать роли и часто нет возможности сделать что-то самостоятельно. А тут я способна находить всякие неожиданные для себя пути. Кстати, в свое время мне вместе с двумя моими друзьями, артистами пантомимы, удалось заразить Любимова идеей сделать с нами поэтический спектакль. Но не случилось. Впрочем, я, хотя и с большим интересом относилась к его спектаклям, походив на репетиции, поняла, что мне было бы с ним очень трудно работать. Другое дело — Анатолий Васильевич Эфрос, о работе с которым планов строилось еще больше: сперва в 70-е, а потом — уже в последние его годы, когда он перешел на Таганку. К сожалению, у нас не было конкретной идеи и у него не хватило времени, а у меня — сил.

— **А какковы вообще ваши художественные пристрастия? Что вы смотрите, слушаете?**

— Не могу сказать, что в последнее время у меня были какие-то кинопотрясения — такого фильма, как «Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли?» я что-то не видела. Вот Юра Шевчук, правда, пригласил меня на фильм, в котором он снялся в главной роли. Я думала, что это очередная понтыра с эстрадной звездой, а оказалось, совсем нет. Ну... все фильмы Сокурова очень люблю. А музыку слушаю самую разную — все, кроме попсы и этой нашей... я не знаю, как назвать жанр, в котором выступает Ротару, но ее я не слушаю.

— **А того же Шевчука?**

— Вот как раз сейчас у меня лежит целая «обойма» кассет, которые он сам подарил, и я хочу найти время, наконец, серьезно прослушать. Знакома-то я с ним очень давно — еще когда он жил в Уфе, я там выступала и слушала его в числе других бардов, которые мне показывали свои песни. Он меня сразу поразил тогда — не столько самими песнями, сколько темпераментом: знает, какие у нас барды — все медленно, задумчиво... я уже засыпала и вдруг проснулась. Потом я слышала его уже по телевидению, по радио, и хотя такой стиль высказывания и такой «массовый» стиль отношений между сценой и залом мне не близки, но сама личность этого человека мне всегда казалась

незурядной.

— **Мои вопросы скоро иссякнут, и вы, надеюсь, все же успеете в театр. Куда идете, если не секрет?**

— В «Современник» — на «Кота домашнего среднего пушистости» по Войновичу. Там играет Гафт, я его очень люблю. Да и Войновича тоже. Тем более, что он — мой сосед, двумя этажами выше живет. Мы с ним дружим.

— **Издавна?**

— Нет, нас познакомил Окуджава (который тоже почти наш сосед — живет в доме напротив), когда Войнович собирался вернуться. А началось все с анекдота — в стиле Войновича. Еще когда я переезжала сюда, мне нужен был шкаф. А шкафы еще были дефицитом. Друзья искали-искали и в итоге нашли аж три шкафа и сказали: бери, предложишь еще кому-нибудь. И когда я спросила жену Окуджавы, Олю, не нужен ли кому шкаф, она сказала, что как раз Войновичу. Что ж, Войновичу так Войновичу. Шкаф стоял посреди комнаты, все спрашивали, что это за шкаф, и я отвечала, что это шкаф Войновича — и так продолжалось год, пока он, наконец, не приехал и не забрал.

— **Кстати, о вашей квартире. Та ли эта самая, ради получения которой вы организовали для жилищных чиновников концерт популярных артистов?**

— Да, да, мне до сих пор стыдно и перед Сашей Градским, и перед Андреем Макаревичем, и перед памятью покойного Юры Богатырева, которого я вообще выгнала из больницы за месяц до его ухода, и он пришел, бледный, весь в поту, в эту контору... Но самое ужасное, что этот концерт не оказал никакого влияния в результате: чиновники как-то все поменялись, оказалось, что все зависит от совсем других людей, прошло еще два года, и пришлось начинать все с другого конца.

— **Это уже анекдот в стиле Довлатова. Как и ваши выступления во время оно в деревнях перед популярной публикой и в военных частях с песнями на стихи Мандельштама и Поженяна.**

— Да, вояжи были сумасшедшие. Никогда нельзя было знать, какой будет зал. Могли запросто не встретиться, на вокзале продержаться часа два-три. Сейчас, конечно, люди, которые приглашают, чувствуют настоящую ответственность и заинтересованы в том, чтобы был полный зал.

— **Никаких препон, таким образом?**

— Ну, как сказать... Понимаете, я с

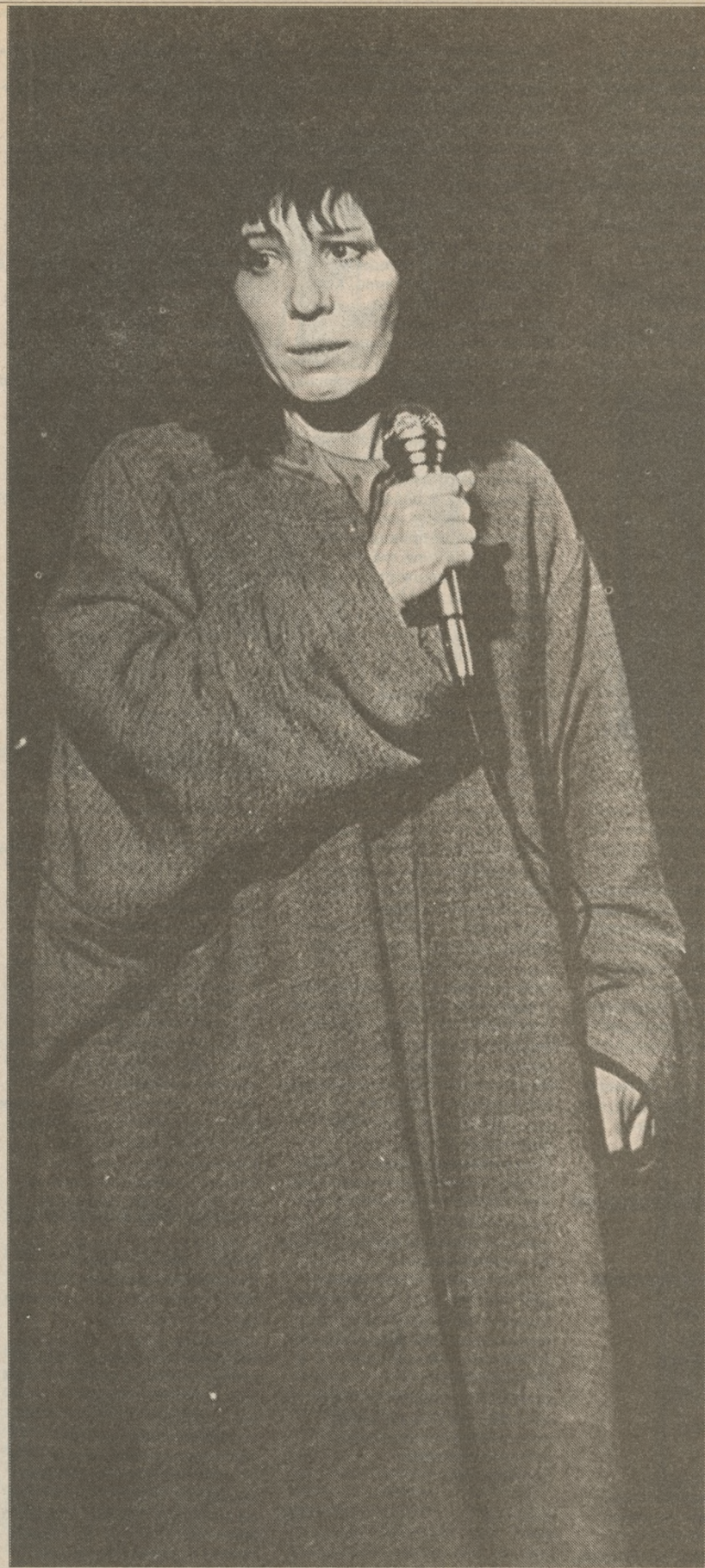

ФОТО ИЗ АРХИВА Е.КАМБУРОВОЙ

первых шагов осознала, что между мной и зрителем есть стена, которая называется цензурой. Мне даже в голову не приходило, что в нашей стране цензуры может не быть. Я относилась к ней обреченно — как те же писатели. Меняла фамилии поэтов, композиторов: Гумилев у меня, например, долго был «Анатолий Грант», а пианистка Лариса Критская, уехавшая в Нью-Йорк, — «Леонид Комков». Кого-то просто не называла — скажем, авторов песни «Над твердью голубой есть город золотой» (Александр Хвостенко, Анри Волохонский. — *М.С.*). Теперь смешно вспоминать, в каких строчках видели тройной смысл и какие песни считались антинародными, антисоветскими и главное — пессимистическими. А тогда было не смешно. И, естественно, когда стена рухнула, когда исчез этот постоянный страх, что в зале кто-то сидит и пишет что-то в рапортчику, для меня начался принципиально новый период.

Но возникла другая стена — монолитная, поставленная на огромную финансовую основу. То, что происходит на телевидении, радио, концертных площадках... я даже не могу дать этому определения.

— Подумаешь, раньше были, допустим, Лещенко и Кобзон, а теперь попса. А вы как были, так и остались певицей для сравнительно немногих.

— Нет, все-таки Кобзон и попса — разные вещи. Конечно, мне совсем не близок Кобзон, да и не в нем дело, но раньше человек не был оглохшим. А попса действует физиологически — ребята, которые только ее и слушают, глохнут и слепнут. Попса не безобидна...

— Какой-то пессимистический финал.

— Нет, нет, наоборот! Пессимизмом было бы, если б я только сидела и говорила: вот какой ужас и кошмар. А я не сижу. Я езжу и вижу, что есть конкретные люди, для которых важно что-то иное. И понимаю, что мне свойствен замедленный — но оптимизм. Иначе бы я не занималась помещением и не думала бы о масштабной альтернативе происходящему. Поверьте, здесь очень много потенциальных слушателей другой песни, зрителей другого театра и т.д. Вообще в России возможно формирование такого общества, где произойдет полная переоценка ценностей.

— Думаете?

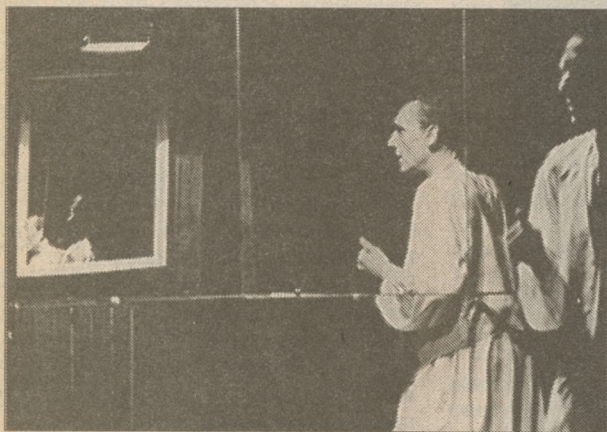
— Уверена.

Михаил СМОЛЯНИЦКИЙ

Книга о себе

«Гамлет»
Мастерская Клима,
реж. Клим

Мастерская не выбирала подвала, где репетирует и играет, но изнутри преобразовала его по себе, наводнив вешалками с костюмами, купленными на Тишинке, графическими работами, сундуками, книгами и т.д. Сходным образом подошла она и к «Гамлету» —

ОЛЬГА ЧУМАЧЕНКО

«Гамлет» — Константин Лавроненко

как к чему-то, не подлежащему отвержению, но поддающемуся внутреннему преобразованию. Трагедия не сокращена и не удлинена, но, путем сличения разных переводов с подлинником (метод почтенный — так Шиллер переводил «Макбета»), выработан текст, совершенно отличный от любого другого русского «Гамлета» и переполненный важными для создателей спектакля пассажами. Этот текст в течение трех весьма долгих вечеров поется на разные лады (от малороссийского до еврейского); многократно, дробясь на фрагменты, разыгрывается в медлительных диалогах; проходится в танцах и своего рода медитациях, когда актеры, стоя на коленях, на рдяных и золотистых коврах, тягуче плетут словесную вязь. Для тех, кто видел три года назад «Ревизора», а в прошлом сезоне — «Слово» и «Персов», очевидно сближение двух методов специфической работы Мастерской: сиюминутного общения при помощи заданного текста и высвобождения словесной энергии в голосе. Оба метода связаны с исследованием микроструктур текста: краткие варьированные диалоги и

бесконечно повторяемые в пении монологи, словно увеличенные рентгеновские снимки текста, делают явным крупное зерно его костной ткани. Но сливается ли сближаемое? Пожалуй, нет. Противоречивая раздвоенность чувствуется всякий раз, как остроумное диалогическое жонглирование смыслами срывается в крошечную репетицию шаманских плясок, откуда нет сил вовремя вырваться. В этом плане «Гамлет» Мастерской поистине гамлетичен: суровый запрет на

какие бы то ни было «театральные» штампы заставляет и актеров, и зрителей переживать «драму долга и самоотречения» (Пастернак) буквально в самих себе. Пресловутое томительное откладывание развязки, на котором Лев Выготский построил свою теорию катарсиса, здесь не приводит к таковому вовсе. Минутами кажется, что монолог со словами «победить или погибнуть» исключен из текста Мастерской именно потому, что сама она подвешена где-то между «победить» и «погибнуть».

Михаил СМОЛЯНИЦКИЙ

Бордель пополам с псалтирью

«Господи, помилуй заблудших»
К/ст «Кадр»,
реж. И.Вовнянко

Редко сегодня удается посмотреть фильм, который стоит затраченного на него времени и вспоминается с благодарной усмешкой. Никому

не ведомый Игорь Вовнянко с божьей и ассоциации писателей Казахстана помощью состряпал в Одессе черно-белое (монастырь) цветное (пошлый мир) кино с невероятным и, конечно, неожиданным для автора внутренним зарядом комизма. Его бы стоило показать в качестве актерского капустника на очередном праздновании Дня кино. Хотя тема очень пафосная. Эротически-героическая. Юная героиня, потерявшая честь от большой, но случайной любви и веру в мирскую жизнь из-за «работы» ресторанной проституткой, пережила страшные духовные борения и ушла в монастырь. Однако ее борения на этом не закончились, и новая встреча с первой любовью и любовником приводит их обоих к страшной гибели: чтостряслось с возлюбленным-наркоманом, не показано (наверное, что-то поистине ужасное, ведь он — сатана соблазняющий), а вот послушница накануне пострижения рыбкой нырнула в монастырское окно и, согласно бродячим сюжетам, обернулась птичкой. Правда, не ясно — какой: то ли чайкой, то ли лебедкой, то ли кряквой, поскольку все три вида пернатых последовательно появляются в цепочке «метафорических» кадров. Хороши в фильме не только сюжет, но и побочные персонажи — мать героини (Н.Крачковская), предающая глухонемого мужа-таксидермиста (В.Сошалский) с физруком прямо в школьном спортзале, или сладострастник-старичок (И.Дмитриев), предпочитающий пионерок-лолиточек и чтобы обязательно в пионерском галстуке, или brutальный директор ресторана (Е.Киндинов), поставляющий девочек всему городу, а девочек-то всего две. Есть на что посмотреть и над чем посмеяться — греховные пороки в фильме представлены на уровне журнала «Воинствующий безбожник» для малоразвитых подростков. Загадка одна: консультантами были служители православной церкви, а не Игорь Кон. Интересно, они проконсультировали весь метраж или только черно-белый? И в каком случае следует простить заблудших?

По Сеньке и садик...

Выставка садово-паркового дизайна
Парк искусств на
Крымской набережной

Как известно, японцы все время любят — цветами (весной), луной (летом), пылающими кленами (осенью) и чистым снегом (зимой). Поклонение природе — часть их национальной религии, потому что все в мире — воплощение Будды, которому бог Земли за мудрость подарил первую икебану. У англичан попроще — без садов камней, но претворение лозунга «Каждому дому-крепости — свой садик» — национальный идеал. В Голландии устраивают праздники тюльпанов, а американцы, утомившись стричь лужайки, придумали раскатывать травяные ковры. Конечно, и в России были когда-то регулярные и ландшафтные парки и барочные сады с ваннами-прудами и обманными перспективами, но это все заимствования, хотя и иронически осмысленные. Упомянуты, правда, в «Слове о погибели Русской земли» монастырские сады, изборажавшие земной рай, где все было прекрасно и изобильно, да ведь то XIII век и слово о погибели... Семьдесят лет, ругая фикусы и герань, нас приучали к паркам культуры и отдыха, клумбам, на которых алые гвоздики выписывали МИР, ТРУД, МАЙ, к чахлым аллеям с девушками с веслом и пионерами с горнами. А народ при любом правительстве окучивал свой огород, сажал картошку, морковку и репку. Что тут скажешь, сады и парки — они для богатых, у которых есть время предаваться размышлениям о вечном, а бедные, копаясь на грядках, думают о хлебе насущном. Впрочем, теперь, когда у нас появились богатые, для них пришло время «ханамии» (любования цветами). Пора восстанавливать то, что у нас было, и заимствовать то, что придумали другие. Арт-центр «Музеон» показывает на двух гектарах вокруг Третьяковки и ЦДХ выставку садово-паркового искусства. Тут все об аранжировке цветов, украшении интерьеров и улиц: от икебаны, мини-водопадов, бассейнов и альпийской горки до рулонных газонов, садового инвентаря, плиток, которыми можно мостить неведомые

И.Л.

Сад для чайной церемонии

дорожки, и спецодежды городских озеленителей. На любой вкус — для богатых и бедных, лишь бы у них было чувство прекрасного и собственный кусочек земли, даже и в горшке. Экспозиция будет работать до самого сентября, и даже те, кто посвящают шести соткам каждый уик-энд, успеют посетить парк искусств и чему-то научиться.

М.К.

Холостая пальба

Первые Холинские чтения
Филиал Литературного музея

Нам грозит новое литературное издание: журнал «Птюч». Всю серьезность положения продемонстрировала его первая акция, вписавшаяся в уютный зальчик в Трубниковском переулке, принадлежащий филиалу Литмузея. Филиал отдан, как известно, советской литературе, каковой организаторы акции стремились

противостоять. Бедная была атакована с двух сторон: постсоветскими литературными текстами и европейской музыкой XVII века. Но если Генриха Игнаца Франца Бибера действительно никак не заподозришь в причастности к чему-либо советскому, то с Владимиром Сорокиным и Игорем Холиным все несколько сложнее. Патриарху «лианозовцу», например, до сих пор не дает покоя образ Отца народов — да так сильно, что он даже перешел на прозу: этикие апокрифические воспоминания, тяготеющие в жанровом отношении если не к басне, то к притче. Более молодой классик ностальгирует по более позднему этапу: свое убеждение в том, что русский — язык межнационального общения, Сорокин продемонстрировал чтением своего рассказа с кавказским и прибалтийским акцентами попеременно. Ближе всех к современности оказался молодой автор Дмитрий Поляков, посвятивший свой рассказ чеченской проблеме. Наконец, полностью подняться над всем советским смог Тимур Кибиров, объявленный, но так и не появившийся. Акция в целом

была прелестна. Концептуальность ее, вероятно, в том, что, когда мощная пальба оказывается холостой, сразу замечаешь, какие разнообразные ассоциации из столь любимой Сорокиным сферы вызывают ее звуки. Успехов новому журналу!

Итар ТАССОВ

Неожиданный подарок

«Радиоконцерты Битлз»
Фирма «Русский Диск»,
1993

Как-то так повелось, что записями легендарной ливерпульской четверки нас одаривали главным образом по-пиратски — знаменитый питерский аудиокопсар Андрей Тропилло да безвестные культуртрегеры с Ташкентского завода грампластинок. Родимая фирма «Мелодия» как выдала на заре перестройки обкорнанный «A Hard Day's Night» вкуле с еще одним сборным альбомом, так и хранила после этого гордое молчание. Но вот теперь это молчание нарушено. И как!.. Видя надпись «Rare Beatles» на красочном конверте, среднестатистический российский битломан почти наверняка вообразит, что перед ним — отечественная копия пластинки «Rarities» из знаменитой битловской «коробки» (сиречь полного собрания сочинений). И... ошибется. Такого диска автор этих строк не видел ни в одной западной дискографии. На нем

собраны некоторые записи, сделанные ансамблем для радиопередач и прозвучавшие в эфире, как правило, единственный раз. По большей части это версии знаменитейших битловских хитов, но немало и песен, которые не то что не попали ни на одну долгоиграющую пластинку, а даже и на синглах-то не выходили. Авторы на диске представлены самые разные — от Чака Берри до Микиса Теодоракиса (!), — но большая часть песен принадлежит, конечно, Леннону и Маккартни. Хронологически они представляют наиболее плодотворный период деятельности ансамбля (1962—1965) и доносят до нас не только творческую манеру битлов, но и саму атмосферу, сам дух того неповторимого времени. Чистейший ливерпульский бит 60-х, который среди нашего засилья попсы и «фанеры» — даже не струя свежести, а просто-напросто живительный глоток. Картину дополняет симпатичное оформление (хотя и знакомое уже по обложке знаменитого спецвыпуска журнала «Студенческий меридиан»), а также очень теплая аннотация, из которой, помимо всего прочего, мы узнаем, что пластинка открывает собой целую серию битловских раритетных дисков, с которыми нам, оказывается, еще только предстоит познакомиться. Да, неожиданный подарок от бывшей «Мелодии», которая ныне зовется «Русский Диск». Неожиданный — и тем более приятный.

Хейндрик ИННИШ

Дневник У.

Наш «Пресс-экспресс» вперед летит

...Хотя Андрей Егоршев газет не читает

— Известно, что на ТВ трудно попасть, а еще труднее — пробить собственную передачу. А вам как это удалось?

— По китайской «книге перемен» мне нагадали: «Need to wait for» — необходимость ждать. И я спокойно жил с этим ощущением. Учась в телевизионной группе факультета журналистики, я, естественно, планировал работать на телевидении. Попытался быть сценаристом фестиваля «Ступень к Парнасу»; поскольку в прошлом я — диск-жокей, мне было легко писать тексты для ведущего. Потом пришел другой ведущий — он оказался журналистом, и ему было проще писать тексты самому себе. Я снова испытал предписанную мне «необходимость ждать». А потом прочитал в газете, что начала вещание первая независимая радиостанция «Эхо Москвы». Я пошел туда и попал в стартовую обойму. У меня было эфирное имя Пацифик. Прошел там все круги: от службы информации до ведущего и автора программы. Для меня это была самая лучшая практика — в смысле бесцензурной авторской работы. Новой попытки работать на телевидении ждал недолго. Программу по прессе хотел сделать Егор Яковлев, убежденный газетчик, тогдашний председатель «Останкино». Как раз тогда началось резкое падение тиражей и удорожание газет, с одной стороны, а с другой — появилось все больше новых изданий. И мне совершенно случайно предложили: «Не хотели бы сделать такую программу?» Я понял, что — дождался.

«Пресс-экспресс» для меня — трамплин в самостоятельную авторскую работу в качестве тележурналиста. Как сказал давным-давно Леонид Золотаревский, теоретик и практик телевидения: «Если по телевизору показать ж... то и она станет популярной». Ну вот я и показываю ж... своего лица, чтобы потом сделать нормальный проект.

— Не затянулся ли «подготовительный» этап?

— Нет, потому что у программы сформировался определенный стиль, который нам кажется достаточно перспективным. Так или иначе, это — шоу, прежде всего. И если это не будет шоу, то нас не будут смотреть, как не смотрят других политических журналистов. О политике нельзя го-

ОЛЬГА ЧУМАЧЕНКО

ворить серьезно. В этой стране — особенно.

— Вы любите читать газеты?

— Я любил читать газеты и читал их в свое удовольствие до тех пор, пока не начал делать эту программу. Сейчас я их просматриваю. Мы работаем в основном с анонсами завтрашних номеров. Анонсы я, действительно, читаю и на их основе и составляю текст, учитывая концепцию каждого издания. Изначально я не предполагал, что наша программа станет такой. Неожиданно для себя мы заняли нишу, которая была свободна: на радио есть обзор прессы, а сделать это телевизионным шоу смогли только мы.

— Вы стремитесь работать на массовую аудиторию или на элитарную?

— Мы убиваем двух зайцев, потому что делаем шоу с участием известных журналистов, которых раньше никто не видел — только статьи их читали. Это интересно всем, моему.

— А сами вы телевизор смотрите?

— Не столько, сколько хотел бы: «Матадор» Кости Эрнста, «Намедни» Парфенова. Стиль парфеновской иронии повлиял и на нашу программу.

— И на ваш имидж, наверное, тоже?

— Не могу сказать, что я специально выработывал какой-то имидж. Я такой и в жизни. (Единственное различие — я с экрана не говорю матом, а на работе — бывает: никакие си-

нонимы из нетабуированной лексики его заменить не могут.) Но Парфенов, который мне очень нравится как журналист, не тот человек, «делает жизнь с кого».

— Конечно, ее можно делать с вас. Ваша целеустремленность, выдержка и выносливость очевидны. Каждый зритель мог убедиться в этом во время зимней эпидемии гриппа, когда вы выходили в эфир, несмотря на микроб в носу. Как вы поддерживаете форму — ведете «здоровый образ жизни»?

— Давно-давно я был спортсменом и серьезно занимался бадминтоном. Но надо было выбирать между образом жизни и спортом — я выбрал образ жизни. Суть, наверное, не в спорте, а в моральном здоровье. Если ты себя морально хорошо чувствуешь, то все болезни отступают. Самое лучшее лекарство — это работа, которая приносит удовольствие.

— А что доставляет удовольствие вне работы? Где и как вы отдыхаете?

— В «диком» лагере под Алуштой, в палатках. В отпуске уничтожаю собственный организм с удесятенной энергией и возвращаюсь полностью изможденным с одним желанием — подождать еще одиннадцать месяцев и опять ехать туда. Поэтому, когда я выхожу на работу, все становится легко.

— У вас есть материальные проблемы?

— Сейчас уже получается так, что я могу не «бомбить» на бензин: в нашу программу поступает реклама, за счет которой можно жить. Я не понимаю тех, кто выступает против рекламы на государственном канале: у меня оклад 158 тысяч 400 рублей в месяц. Вообще, я — антикоммунист и считаю, что человек сам должен своей энергией себя делать, такой «селф мейд»...

— А почему вы связываете идею «селф мейда» с неактуальной сегодня идеей антикоммунизма?

— Неактуальной? А кто сейчас находится у руля? Те же бывшие коммунисты. Вы посмотрите, кто, например, председатель «Тверь-универсалбанка»? Николай Иванович Рыжков. Этого уже достаточно.

— «Тверь-универсалбанк» был спонсором последних концертов Гребенщикова.

— Ну и что?! Николай Иванович, конечно, не будет сегодня говорить об идеологии. Но именно такие люди продолжают владеть страной, уже как капиталисты.

— Вас это пугает?

— Меня пугает только одно — криминал.

— Видимо, в этой стране слишком много исторических предпосылок для того, чтобы он расцветал пышным цветом.

— Наверно, все должны через это пройти. Выжить бы...

Юлия ГИРБА

Муза двух гениев

Поль Элюар ей посвящал стихи,
Дали писал ее портреты

Анатолий МЕДВЕДЕНКО

Женщины разных стран отличаются друг от друга, как цветы. Утверждают, что француженки не красавицы, но ухожены и обходительны; итальянки — темпераментны, но часто неверны; немки — аккуратны, но педантичны и сдержанны в чувствах; американки — излишне раскованны и эмансипированы; англичанки — чопорны. Славянки же — как палитра художника, в которой собраны все цвета. Им свойственны и нежность француженки, и темперамент итальянки; аккуратность немки и раскованность американки; скромность англичанки и щедрость испанки. Ко всему этому следует добавить супружескую верность и семейную привязанность. Именно эти качества, как утверждает французский историк, были присущи еще Анне Ярославне, вышедшей замуж за короля Франции и прославившей на все времена русских невест.

Загадочных русских женщин считали за честь взять в жены знаменитые зарубежные писатели, поэты, художники, композиторы, шахматисты. Ромен Роллан, например, был счастлив в браке с Марией Кудашевой, а Луи Арагон долгие годы прожил с сестрой Лили Брик Эльзой Триоле. Хосе Рауль Капабланка женился на Ольге Чегодаевой. Елизавета Васильевна, сестра драматурга А.В.Сухово-Кобылина, известная как писательница Евгения Тур, вышла замуж за французского графа Салиаса де Турнемира (кстати, снова вошедший у нас в моду «русский Дюма», автор исторических романов Евгений Андреевич Салиас — их сын). На русских были женаты и английский писатель Артур Рэнсом, и венгерский композитор Имре Кальман, и французский художник Фернан Леже, и итальянский архитектор В.Греготти. Сердечные узы дружбы связывали Ги де Мопассана с Марией Башкирцевой, а Анну Андреевну Ахматову с Модильяни. Долгие годы музой Анри Матисса была Лидия Дилекторская, а Дина Вьерни вдох-

новляла скульптора Аристиды Майоля.

Эти заметки о русской женщине Галине Дмитриевне Дьяконовой, оставившей большой след в жизни и творчестве выдающегося испанского поэта Поля Элюара. Была она и музой великого испанского художника Сальвадора Дали, чья первая в России большая ретроспективная выставка открылась недавно в Центральном доме художника.

Вот что писала о ней — любимой подруге детства — Анастасия Ивановна Цветаева: «В полупустой классной комнате на столе парты, спиной к окну, сидит тоненькая длинноногая девочка в коротком платье. Это Галя Дьяконова. Узкое лицо, русая коса с завитком на конце и глаза сразу при-

влекают мое внимание. Необычные глаза: карие, узкие, чуть по-китайски поставленные. Очень внимательный взгляд. Темные густые ресницы такой длины, что на них, как утверждали потом подруги, «можно рядом положить две спички». В лице упрямство и та степень застенчивости, которая делает движения резкими. Сейчас ее пристальный взгляд насмешлив и отчужден. Как она нравится мне! Наша дружба загорается сразу»

Эта дружба продолжалась много лет, а переписка не прерывалась практически до кончины Галины, насколько позволяли не всегда удачно складывавшиеся обстоятельства. Дружила Галина Дьяконова и с Мариной Цветаевой. Поэт да-

же посвятила ей свое стихотворение, опубликованное в ее первом сборнике «Вечерний альбом».

Галя тогда жила на Кудринской площади в огромном доме. Полутемная комната, бедность, младшие дети, неуют, отсутствие ласковости в семье без отца, вечно усталая мать. Но, казалось, все это ее не касается. Уже тогда, вспоминает А.И.Цветаева, Галя выделялась среди подруг своим твердым характером и независимостью. Она не расставалась с книгой и отличалась ранним, но и почти профессиональным вкусом к искусству.

Вскоре Анастасию Ивановну и Галину разлучила судьба. Встретились они лишь через 15 лет — в 1927 году (и, как выяснилось потом, в последний раз). Разумеется, Галя изменилась. Но глаза остались прежними: узкие, чуть китайские, карие, с длинными ресницами.

Наверное, именно глаза сыграли свою роль в том, что в Галю влюбился молодой поэт Эжен-Эмиль-Поль Грендель, ставший всемирно известным под псевдонимом Поль Элюар. Во всяком случае, им он посвятил одну из книг, которая так и называется «Ее глаза».

Они познакомились в 1912 году в туберкулезном санатории в Давосе, в Швейцарских Альпах. Галя лечилась от туберкулеза, а молодого поэта отправил туда отец, богатый торговец недвижимостью, в надежде, что сын «вылечится» от... поэзии. Что касается болезни Галины, то страхи оказались напрасными, зато она заболела более опасной болезнью — влюбилась в молодого, безукоризненно одетого длинноволосого француза, который ответил ей взаимностью. Много лет спустя Поль Элюар признавался Анастасии Ивановне Цветаевой: «Ваша страна в самом деле удивительная... Я никогда не мог с французскими женщинами говорить серьезно, свободно, с полным знанием, что понят. Так я говорю — из женщин — всего во второй раз в жизни. В первый это было с моей женой Галей, во второй раз — с вами! И обе вы русские!»

Вскоре Галина поняла, что не может жить без юного поэта. Письма не могли восполнить горечь разлуки. И тут она в полной мере проявила свой незаурядный характер. Пренебрегая опасностью для жизни, она через тифозные вокзалы и минные поля воюющей Европы отправляется к своему жениху, с большими приключениями добирается до Парижа и в 1917 году становится женой Поля Элюара.

Что же касается поэта, то он всту-

Поль Элюар
Рисунок С.Дали

пил во взрослую жизнь в окопах, как и его сверстники по «потерянному поколению», которым пришлось, едва сняв ученическую форму, облачиться в солдатскую.

Война не могла не наложить на него своего отпечатка: поэт-романтик становится мятущейей и беспокойной натурой. Его отношения с женой усложнились, но расставаться ни тот ни другой не хотели. Как признавалась Галина, они «вросли друг в друга».

И все же они разошлись. В значительной степени в этом был повинен сам Элюар. Его мятежная натура, стремление к новым ощущениям привели поэта в общество сюрреалистов, где вскоре он сам стал влиятельной фигурой. Члены этого общества разработали не только свою собственную теорию искусства, но и своеобразный кодекс поведения, главным положением которого была свобода во всем, свобода, не знающая никаких ограничений. Эта свобода, порой принимавшая гротескные и даже абсурдные формы, проявлялась в различных сферах — будь то общественная жизнь или же интимные отношения. Элюару, например, нравилось показывать фотографии обнаженной Галины своим друзьям-сюрреалистам, которые воспринимали это как должное. Кончилось это тем, что по его инициативе сложился тройственный любовный союз супругов с художником Максом Эрнстом.

Галина же мечтала о той любви, какой она когда-то полюбила застенчивого 17-летнего Эжена-Эмиля Поля Гренделя.

В сентябре 1929 года Элюар с женой решили навестить своего друга, молодого, но уже признанного «мэтра» сюрреализма Сальвадора Дали. Он жил в небольшой деревушке Кадакес, в Каталонии, на самом берегу Средиземного моря. Визит этот

оказался роковым для французского поэта: первая же встреча 36-летней Галины Дьяконовой с 25-летним каталонцем преопределила всю их дальнейшую судьбу. Галина не раздумывая остается в Кадакесе, а Поль Элюар чуть ли не в день приезда вынужден вернуться в Париж. Несмотря на «сюрреалистическое» отношение к жизни, уход Галины оказал на него неожиданно удручающее воздействие. Растерянный и подавленный, Элюар не мог прийти в себя, пока случайно не встретил Марию Бенц, или, как он ее называл, Нуш. Она резко отличалась от Галины, которую близкий к поэту Люк Декон описывал как «интеллигентную женщину, страстно преданную авангардному искусству, волевою, честолюбивую, хотя, впрочем, вполне практичную».

И хотя Элюар был счастлив с Нуш, он так и не смог вытеснить Галину из своей памяти. До конца своих дней (а поэт скончался в 1952 году) он писал ей нежнейшие любовные письма. Кстати, только после того как Элюар умер, Дали и Галина официально поженились.

Но вернемся в Кадакес. Как вспоминал много позже Сальвадор Дали, «Галá (так стали ее звать, с ударением на последнем слоге. — А.М.) рпронзила меня, словно меч, направленный рукою провидения, это был луч Юпитера, знак свыше, указавший, что мы никогда не должны расставаться». Сальвадора не остановил даже гнев крутого отца, и тот, увидев, что сын не подчинился его воле и не расстался с неожиданной гостьей, выгнал его из дома без единого песо в кармане.

В одном из интервью Галá был задан вопрос, почему она предпочла знаменитому поэту неизвестного художника, судьба которого была неясной и неопределенной. Ответ был лаконичен: «Потому что я сразу поняла, что передо мной гений».

Встреча с Дали преобразила Галину Дьяконову. Она как бы родилась заново, обрела новое лицо — из истинной парижанки, находившей удовольствие в развлечении богемы, она становится сначала нянькой будущего гения, а затем — управляющей огромной империи под названием «Далиландия». Галá вела дела художника, внося в них организованность и порядок, которых был чужд маэстро. Простое дело — купить билет на самолет или заказать номер в отеле — было для него необычайной мукой. Страх и необъяснимое волнение Дали испытывал и при заключении контрактов, хотя иногда и отваживался на их подписание. По последнему поводу Галá однажды за-

метила: «Утром Сальвадор совершает ошибки, а во второй половине дня я исправляю их, разрывая легкомысленно подписанные им контракты». Другими словами, Галá освободила Сальвадора Дали от всего, кроме живописи, и художник получил возможность полностью отдаться творчеству.

Сам Дали с первой же минуты знакомства со своей женой воспринимал ее как богиню. Немного найдется в мире примеров такой нежной и возвышенной любви к жене, любви, которая продолжалась более 50 лет. Вот один из многочисленных гимнов, сложенных пылким супругом: «Я называю мою жену: Галей, Галюшкой, Градиной... Оливой (из-за овального очертания лица и цвета кожи), Оливеттой, уменьшительным от Оливы на каталонском... Лионеттой (маленьким львом, потому что она рычит, как метро-голдвинмейеровский лев, когда сердится); белкой, тапиром, маленьким негусом (потому что она похожа на хорошенького лесного зверька); пчелой (потому что она приносит мне суть всего, что обращается в мед, питает мой гудящий как улей мозг). Я также называю ее Галá — Пушистый Лесной Орешек (из-за милого пушка, покрывающего ее щеки), а также Четверо часов, потому что, когда я подолгу работаю, она читает мне вслух и прищептывает при этом точно так, как жужжат четверо часов, этот звук погружает меня в состояние, в котором я могу все усваивать, без нее ничего бы не узнал».

Галá не только ограждала Сальвадора Дали от повседневных забот и хлопот и злых духов, которые, как считал художник, его постоянно преследовали, но и была настоящей музой маэстро. Об этом убедительно свидетельствуют его полотна: едва ли не все герои картин Дали получались на одно лицо — лицо его избранницы. Не избежал этого и сам Христос, изображенный в его знаменитой «Тайной вечере».

«Образ Галá, — сказал как-то Дали, — не просто изображение женщины. Этот образ — один из центральных в моем творчестве. В нем обаяние и некая женская непостижимость, загадочность русской души. Образ многозначительный, на все века...» А вот свидетельство критика Пьера Аржилле, одного из ближайших друзей Дали: «Эта женщина обладала необычайной притягательностью. Сальвадор без конца писал ее. Честно говоря, она была не так уж молода для натурщицы, но это его не останавливало».

Не могу удержаться еще от одной цитаты. На этот раз она принадле-

Сальвадор Дали в своей мастерской

жит Галá. «Западный человек, — говорила она, — это, за редким исключением, человек, направленный вовне, его талант выражается во внешних проявлениях, а русские женщины всегда смотрят вглубь, главная их жизнь — внутренняя. Именно в этом причина того, что люди искусства Запада и мы, женщины с Севера, создали столько идеальных союзов».

Общезвестно, что Сальвадор Дали отличался экстравагантностью, стремлением к оригинальности и оригинальничанию. Не раз и не два он делал шокирующие заявления, давал далеко не лестные оценки не только тем или иным конкретным лицам, но даже странам. Однако если проштудировать все его высказывания, в том числе и явно рассчитанные на эпатаж, то в них не найти худого слова в адрес России. Более того, отношение к Дали со стороны официальных властей бывшего Советского Союза и его собратьев по кисти было далеко не самым благожелательным. И тем не менее маэстро не обижался.

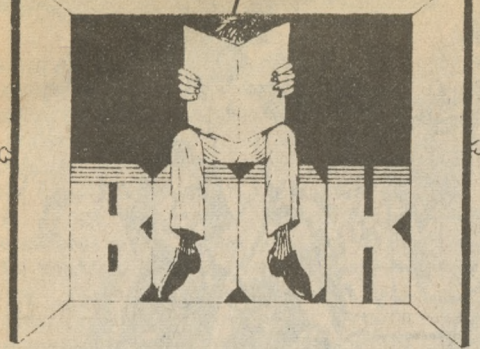
Есть все основания полагать, что особое отношение к Советскому Союзу у Дали сложилось под влиянием Галá. Не ошибусь, если скажу, что именно она подталкивала художника к тому, чтобы посетить нашу страну. В беседе с постоянным пред-

ставителем нашей страны при ООН Н.Федоренко, говоря о своем желании посетить нашу страну, Дали заметил: «Тут не только мое желание. Моя супруга Галина Дмитриевна, русская по происхождению, живет затворницей. Ее жизнь — сплошные серые будни. Лишь иногда она смотрит прямые телепередачи из зала заседаний Совета Безопасности... Ее привлекает русский язык, на котором произносят речи советские дипломаты. Ей импонирует само звучание русской речи». Сама же Галá признавалась: «Живу среди чужих и сама чужая. Чужая страна, чужие люди, вечно в окружении чужих».

Увы, Галá, как и Сальвадор Дали, так и не побывала в России.

Галина Дмитриевна Дьяконова умерла в 1982 году, и смерть жены была самым страшным ударом для художника. В последние годы он затворнически жил в городе Фигерасе, в замке XVI века, который назвал башней Галатеа. Он лежал в комнате, под которой находился склеп с телом Галá.

«Я верю в потустороннее существование, потому что умираю от любви», — повторял он.

Рубрику ведет Николай МАЛИНИН

Воколика

«Третья волна» окатила Самару

«Третья волна» разбилась на барашки и медленно подмывает страну. Один идет с Востока, другой витийствует на задворках московского рок-клуба, а третьи, самые мирные, едут в Самару на научную конференцию «Литература «третьей волны» русской эмиграции».

Аксенова и Войновича моментально «обложила» самарская пресса; Евгений Попов флегматично олицетворял русский филиал «третьей волны»; будировала публику в основном «группа поддержки»: Александр Чудаков, Бенедикт Сарнов, Вольфганг Казак.

Из обещанных 73 докладов прозвучала едва ли половина; зал то пустел, то наполнялся, неявно сообразуясь с переменами климата; упрямый дождь способствовал почти аншлагу.

Классиков встретили колокольным звоном, потом усадили на сцену в черную рамку экрана, обставили венками, а потом долго говорили о присутствующих в третьем лице. Виктор Ерофеев, пожалуй, порадовался бы столь простодушной материализации своего знаменитого тезиса...

Зато — докладчикам удобно. Можно прямо с трибуны обратиться в президиум и так вот запросто спросить, откуда, например, взялась фамилия «Чонкин». И узнать, что ее носил однополчанин Войновича, заморыш и чмо. И что одно время Чонкин был «Алтынником», но потом ушел в другую повесть.

Неудобства испытывал лишь Александр Чудаков: «Называть Аксенова «Васей» — все равно что Бунина «Ваней»...

Сам же «Вася» явственно абстрагировался от того Аксенова, кому посвящались доклады, и весело хлопал по плечу Евгения Попова, услышав, что тот «хотя и не эмигрант, но тоже хороший писатель».

А когда Чудаков пошутил, что классики виноваты перед филологами в том, что все еще живы, Владимир Войнович пообещал исправиться...

В основном говорили о присутствующих: ранний Аксенов, «Чонкин» на сцене, Войнович и традиция русской фантастики, Чонкин и Тёркин, инсценировки «Коллег»...

Персонажей «второй шеренги» интересно дифференцировала Е.Тихомирова из Ивановна: специфика «третьей волны» связана с ощущением себя «нигде», «по ту сторону», «ниоткуда с любовью»; в ситуации «нигде» обостряется жажда отказа от жизни; но если герои «поэтики умирания» ищут выхода из дихотомии «жизнь-смерть» во что-то третье (например, в искусство — у Кенжеева), то герои Милославского уповают на милостивого Бога.

Три милые филологини сладострастно препарировали Сашу Соколова; темы — известные: если «Школа» — то, конечно, проблема пространства и времени, если «Палисандрия» — проблема пародии, ну а «Собака» — проблема национального. Т.Казарина заявила, что этот роман вполне вписался бы в литературу «деревенщиков», но «как-то ускользает от нравственной оценки»...

Пародию искал и В.Скобелев — у Бродского. Пафос заключался в том, что ни Ю.Тынянов, ни Вл. Новиков сущности «пародийного» не раскусили, а где-то между их взглядами — как раз истина, которую и олицетворял мэтр

самарской филологии; речь шла, естественно, о «Представлении».

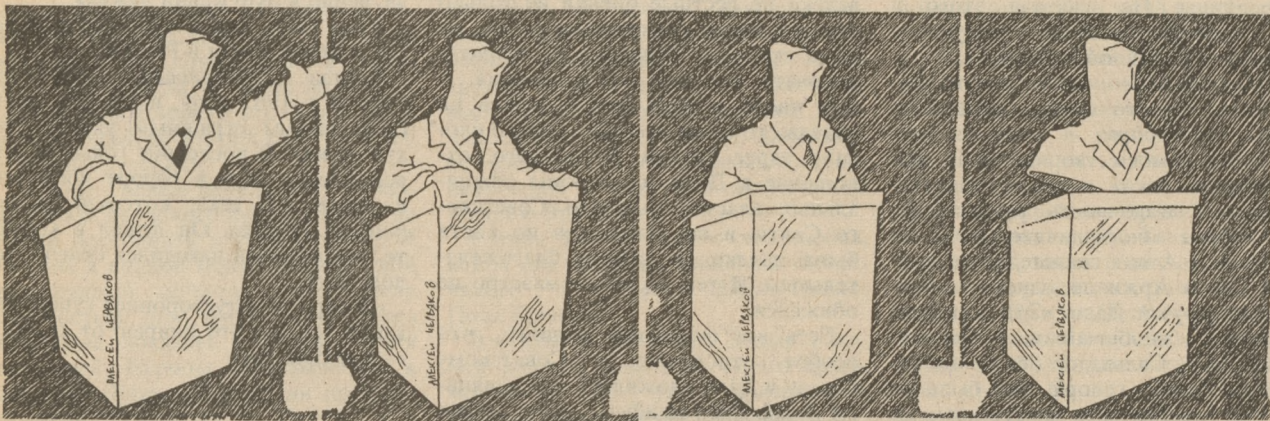
Гораздо изящнее обошлась с Бродским белградка Корнелия Ичин: подобрав ему в пару» Овидия (родство судеб, читаты), нашла, что мотивы холода и снега символизируют у Овидия ссылку, смерть и прочие кранты; Бродский же, наоборот, видит в этом истинную красоту («снег — мрамор для бедных»).

Не было ни одного доклада о Лимонове; в пинках ему слышалась смутная зависть; вот, остался мальчишкой назло всем, а тут сиди и слушай про себя, как про того, кто русской стал судьбой!

Культ Довлатова сказался в том, что ему были посвящены три, пожалуй, лучших доклада. И.Каргашин говорил о «поэтике прозы»; А.Гаврилов нашел Довлатову предтечу по части суггестивности — Розанова (пространство между «опавшим листком» и его «корешком» моделирует ту же схему восприятия, что и довлатовские расстояния: между Алихановым и Довлатовым, «Зоной» и «Записными книжками»; именно этой «разорванностью» писатель работает на целостность).

Ю.Орлицкий, «эмигрировавший» из Самары в столицу вместе со своим «Вестником гуманитарной науки», вернулся на родину с тем, чтобы сказать о стиховом начале в прозе «третьей волны»; и тут Довлатов был одним из главных героев: почти половина его прозы метризована, а уж «Блюз для Нателль» — вообще песня.

В кулуарах возникал законный вопрос: приехал бы Сергей Довлатов на такую конференцию?..

Алексей ЧЕРВЯКОВ

«Посев» стал оплотом буниноведения

Профессия Юрия Владимировича Мальцева не предполагала крутых поворотов судьбы, но неожиданно скромный преподаватель итальянского стал участником инициативной группы прав защиты человека, потом попал в Лефортово, потом уехал, потом выпустил в «Посеве» книжку «Вольная русская литература. 1955—1975», а только что в том же издательстве вышла его новая работа «Иван Бунин. 1870—1953».

В Доме Марины Цветаевой прошла презентация этой замечательной 430-страничной книги. Биография писателя стала для Мальцева основой выяснения философских

и психологических проблем творчества; об этом говорят и названия глав: «Прапамять», «Загадка русской души», «Модерность». Однако, в отличие от полуграматных заклинивших на эти темы, Юрий Мальцев строит свое повествование на богатейшем фактическом материале, в том числе и на документах так называемого «парижского архива» Бунина, который находится сегодня в Англии под неусыпным присмотром Милицы Грин.

Венчает книгу одна из наиболее полных библиографий произведений Бунина и литературы о нем.

Виктор ЛЕОНИДОВ

To bring to book*

Вялотекущий отказ — как и было сказано

Московская муниципальная библиотека № 2 имени Ломоносова имеет в своих подвалах около 60 тысяч книг, причем две трети из них — это книги по изобразительному искусству: альбомы, журналы, каталоги и справочники. Поэтому идея организации тематического читального зала, а в будущем и Культурного центра, логически вытекала, вернее, поднималась, из этих самых подвалов, на углу Садовой и Каретного ряда. 26 апреля на презентации читальный зал торжественно открыли. Нынче на дворе лето, но зал вопреки ожиданиям не работает.

Предыстория такова. Как всякое муниципальное заведение, библиотека наша была заведением бедным — денег не хватало порой на подписку журналов. А потому решила отдать 15% площади под издательские дела одной фирме. Фирма за то библиотеку всячески опекала и вышеозначенный зал обустраивала. Затем на библиотечных подмостках появилось новое действующее лицо, а именно г-н Ги Шренен из Антверпена. Как многие богатые коллекционеры и пре-

зиденты фондов имени себя, он решительно не знал, куда бы свой фонд: книги, картины, периодики по искусству и деньги — в России деть, из благотворительных, понятно, побуждений. Поэтому искренне обрадовался предложению пристроить материалы в новый Культурный центр. При поддержке мецената Центр автоматически превращался в Международную библиотеку по искусству со свободным и бесплатным, прошу заметить, доступом к литературе. Здание библиотеки о ту пору всеми стенами качалось от головокруглительных планов. Основной объем фонда тем временем уже прибыл из Бельгии и лежал в посольстве в ожидании адресата.

Следующее действующее лицо, которое появляется на сцене, относится к лицам, которых Гоголь называл значительными. Расширение деятельности обыкновенной библиотеки мало затрагивало департамент. Единственное, о чем просили, — о расширении штата. Единственное, чего не хватало, — это искусствоведа, способного разобрать и аннотировать нынешние и будущие поступления. То есть искусствовед был — не было

штатной единицы.

Вот эту единицу г-н Крылов, заместитель начальника Департамента по культуре и искусству Центрального административного округа, и не дает библиотечным энтузиастам. Я не знаю мотивов его вялотекущего отказа, как не знают их и в библиотеке, — ибо неисповедимы пути мысли значительных лиц. Я также не уверен в том, что г-ну Ги Шренену можно объяснить, отчего его дары до сих

пор лежат в посольстве, а Читальный зал и Центр — бездействуют. Тем, что г-н Крылов не хочет давать штатную единицу, иностранцу не объяснишь. Боюсь, что загадочные души русских чиновников все же сведут его с ума — и посему нам остается ждать, откуда новый Акакий Акакиевич не выйдет на свою охоту — охоту на шинели значительных лиц. По-моему, уже пора.

Глеб ШУЛЬПЯКОВ

Бамбук

Восточные сладости

Умнику положено читать восточные книжки. Они полны мудрости, пряной и горчащей. Выискивание ее воздымает умника над толпой любителей сладенького на европейский лад: всякие там дюдюки-шмудюки, всякое там «закусили-поехали»... Пропать разверзлась меж этим чтивом и Востоком!

Однако ж время наше, будто нарочно, все рушит и рушит все культурные противостояния. Две новые книжечки — тому пример.

Издательство «Манускрипт» выпустило «Замечательные истории из жизни судьи Ди» — китайский детектив века так примерно XV. Конфуцианские церемонии легко уживаются с парой-другой трупов, методы убийств и расследований равно изобретательны. Мудрый судья Ди, совсем как агент Купер, смотрит свои юнгианские сны, которые и сам может понять, только разгадав дело. И конвейерные допросы со всякой психоделией, и погони, и вообще все, что нужно для крутого новоевропейского детектива, у китайцев были еще при русском князе Василии Тёмном.

Вот она снова, великая мудрость Востока. Но сладкая, как рахат-лукум.

Книжечка же «Житие преждедрожженного, или Джатаки о сэнсее», что написана Еленой Сердюк, и вовсе — мед на язык, пахлавла в гортань, бананы в уши. Кажется, что такого фантастического стёба восточная мудрость и снести-то не должна. Барышня-автор ехидно и беззлобно, вкрадчиво и бесстрашно покусывает ее в самую сердцевину. Сэнсей Ведерников, раскрывающий высокие таинства кучке забавных недоумков, сопоставляющей размах крыльев серафимов, гандхарвов и пери, травящий мусульманина-женоненавистника по имени Ага-Ханум (что женщину и означает), — постмодерный конструктор, сделавший бы честь Сорокину или Шарову. Прочие рассказы, вошедшие в книжку, на удивление, нежны и лиричны.

Временами напоминают С.Крыжановского, так что на самом дне восточной сладости таится пронзительная европейская горчинка.

Александр ГАВРИЛОВ

Алексей ЧЕРВЯКОВ

* Привзять к ответу (англ.).

Каин и Бабель

К столетию Исаака Эммануиловича Бабеля

Дмитрий БЫКОВ

Мой первый Бабель был мною зачитан. Я впервые открыл его в гостях, взял почитать и не вернул. История для Бабеля типичная, как типично применительно к нему с его же легкой руки словосочетание «Мой первый...». Единственная похожая пародия написана Архангельским в 1927 году и называется «Мой первый сценарий». Спросите любого о его первом Бабеле — в память впечатываются все обстоятельства этого знакомства. Все, написанное им, становилось бесспорной классикой в момент публикации. Этому не помешал в свое время даже конный наезд Буденного, который с полным основанием закусил удила, едва появились в печати первые новеллы «Конармии».

Бабель не создал школы и даже не породил орды подражателей, которых у него не может быть по определению, — возможны только эпигоны. Так происходит со всяким уникальным художественным явлением: если проза узнается по одной фразе, подражать ей бессмысленно. Бабель — вещь в себе, явление законченное, круглое, как знаменитые его очки в стальной оправе. В 1916 году он явился в русскую прозу готовым писателем и в собственном смысле слова не развивался. Когда восемь лет спустя в «Лефе» появились рассказы из «Конармии» и одесского цикла, гений был заявлен сразу. Ни русская, ни мировая литература не дала и не даст ничего подобного. Тому способствует не только уникальность опыта, но и абсолютная оригинальность личности.

Бабель — первый еврей в русской литературе. Он смотрел на русскую катастрофу глазами вечного чужака, мучительно пытающегося расстаться с этой ролью и при всем том неизменно сознающего ее художественную бесценность. В его крови, в его глазах ребенка-старика с первых лет — самоирония и скепсис, сентиментальность

и ужас перед жестокостью мира, трезвейшая объективность и заведомо неосуществимая, страстная мечта сбросить бремя изгнания.

Он так и не стал своим ни в одной среде, а потому раз и навсегда избежал обольщений. Всезнание смотрит из его глаз.

Я не говорю здесь о еврействе в узконациональном смысле — Боже упаси. Еврейство Бабеля было клеймом непоправимой отдельности, заведомого неслияния. От своих отстал, к чужим не пристал. Никто другой не увидел бы русскую революцию с такой мерой сочувствия и ненависти. Бабелевская проза амбивалентна, как жизнь. Такова всякая большая литература. Кому-то это кажется цинизмом — цинизмом Толстого, оправдывающего Наташу и осуждающего Соню, холодностью Пушкина, всегда желающего победы тем и другим. Правильней называть это высотой взгляда: великое не бывает тенденциозно. «На деревне стон стоит. Конница травит хлеб и меняет лошадей. Взамен приставших кляч кавалеристы забирают рабочую скотину. Бранить тут некого».

Вот именно.

В двадцатые годы каждый крупный прозаик приходил в литературу не просто со своей речью, а со своей моделью языкового хаоса. Это была, по Бродскому, подлинная трагедия — трагедия не героя, но хора. Распад реальности выражался на уровне распада языка. Платоновская речь с ее вывернутыми суставами — сплав фольклора, канцелярита и захлебывающихся, утопичных провинциальных передовиц. Зощенко — мещанский говор, изнасилованный новым сленгом и многопудием полтпросвета. Та страшная стилистическая пестрота была единственным зеркалом всеобщего великого смешения, смещения и сдвига. Речь Бабеля в этом ряду наиболее музыкальна. Если это речь авторская — аскетическая, лаконичная скорбь Ветхого Завета в ней сплавлена с метафорической пышностью, развесистыми гиперболами южнорусского сказа; речь героя — мучительные потуги выразиться книжно, в стиле газеты «Красный кавалерист». Любая другая стилистика перед этой реальностью пасует. «И сняв со стенки верного винта, я смыл этот позор с лица трудовой земли и республики».

Этой прозой исключаются толкования и комментарии, как исключаются они фактурой и тематикой бабелевских циклов. Как это сделано — можно объяснить на пальцах, но всякая проза — прежде всего подбор слов, а тут уж в случае Бабеля ничего не объяснишь. Горештейн, по всей видимости, прав, полагая ритм главной характеристикой прозаического текста. Бабель говорил об этом же, уча, что вовремя поставленная точка бьет сильнее пули. Фраза его падает кольцами, как серпантин с катушки. Даже в самых ранних рассказах Бабеля нет лишней детали, утяжеляющего описания, нагнетания реалий. Каждый шар тяжело и увесисто ложится в лузу. Так писать может только человек, рано сформировавшийся и абсолютно цельный.

Главная тема «Конармии» — трагедия не народа, а именно повествователя. Такими категориями, как «народ», Бабель вообще не мыслил. Лучшим из всего, что написано о гражданской войне, мне представляется его крошечный рассказ «Иваны» — может быть, самый страшный во всем цикле. Тогда много говорили о двух Россиях и даже о двух ликах Христа: Христе кротком и Христе сжигающем (а в новелле «Сашка Христос» главный герой заражен сифилисом). Бабель все сказал названием. Коллизия «Иванов» общеизвестна: казак Иван Акинфиев везет «в Ровно на испытание» дьякона Ивана Атева, сказавшегося на фронте глухим. В дороге дьякон находится в его абсолютной власти. Акинфиева считают зверем даже свои. «Стоит Ваня за комиссариков... ох, стоит»...

Разумеется, комиссарики имеют ко всему этому весьма касательное отношение — зверство всегда нуждается в предлоге и поводе. Относительно истоков и корней этого зверства Бабель не говорит ни слова. Он имеет дело с данностями. А данность такова, что по нескольку раз на дню Акинфиев стреляет из револьвера над ухом дьякона. Дальнейший пересказ невозможен, да и нечего пересказывать.

«Дьякон отложил пузырек на траву и встал с колен.

Легкий волос его взлетел вверх.

— Меня высший суд судить будет, — сказал он глухо, — ты надо мною, Иван, не поставлен...

— Таперя кажный каждого судит, — перебил кучер со второй телеги... — И на смерть присуждает, очень просто...

— Или того лучше, — произнес Агтев и выпрямился, — убей меня, Иван...

— Ты сам себя убьешь, стерва, — ответил Акинфиев, бледнея и шепелявя, — ты сам яму себе выроешь, сам себя в нее закопаешь...

И никогда в жизни, думаю, я не смогу анализировать, как сделано вот это:

«Вы славный господин, — прошептал он, гримасничая, дрожа и хватая воздух. — Прошу вас свободно минутой отписать в город Касимов, пуццай моя супруга плачет обо мне...»

Этот дякон, целующий руку бабелевского протагониста Лютова, и этот Акинфиев, подрезающий зеленое мясо на воловьей ноге, — нет, не могу. Логично было бы продолжить, что они оба народ, но в самой постановке их в один ряд заключена гнусность. Слабость и отчаяние — вот все, что чувствует Лютов. Слабость и отчаяние. И это при том, что вся его конармейская эпопея — безнадежная и страстная попытка полюбить эту темную, глухую, необъяснимую силу, в действиях которой, как в метаниях и шараханиях животного в припадке ярости, нельзя отыскать никакой логики. Лютов хочет понравиться, Лютов хочет быть своим и тщится все это любить. Ему невыносимо, когда своего в нем безошибочно чувствуют именно жертвы. Он приходит от этого в ярость, слишком знакомую заложникам неудавшейся мимикрии:

«Он притирался все время к моему коню и гладил мой сапог трепещущими нежащими пальцами...

— Вы jude, пане, — шептал он, судорожно лаская мое стремя. — Вы — jude, — визжал он, брызгая слюной и корчась от радости.

— Стать в ряды, Шульмейстер, — крикнул я еврею, и вдруг, охваченный смертельной слабостью, я стал ползти с седла и сказал, задыхаясь: — Почему вы знаете?

— Еврейский сладкий взгляд, — взвизгнул он, прыгая на одной ноге и волоча за собой собачий тонкий след, — сладкий взгляд ваш, пане».

С этим сделать ничего нельзя. Лютов никого не может спасти. Он, конечно, пытается. Ответом на все его призывы и угрозы, на любые апелляции к закону, к штабу, к трибуналу — служит неизменная блатная истерика: «Кровиночка моя горькая, власть ты моя советская...» Лютов вымалывает у судьбы способность убивать. Он даже гуся убил. Этого хватило, чтобы быть признанным за своего в течение ближайших суток. Вся «Конармия» — это бесконечная «История моей голубятни»: убийство птицы ради превращения в зверя. Хроника поругания, венчающаяся многозначительной фразой из «Аргамак»: «Сон мой исполнился. Казаки перестали провожать глазами меня и мою лошадь».

Это все, чего бабелевский герой-повествователь добился в Конармии.

И ведь сказать, что он их ненавидит, — нет, нельзя. Ненависть вообще нигде не проговаривается у Бабеля. Либо она очень молчалива и скрытна (а предположить ее можно — иначе откуда эта выжженная пустыня, этот ледяной всевидящий взгляд?), либо ее нет, а есть мучительное желание хоть на миг стать частью толпы. Лютов отнюдь не жаждет влиться в толпу победителей — именно в минуты поражений он более всего хочет быть своим. Но вся «Конармия» — летопись отторжения, и тут уж ничего не поделаешь. Бабель знает свое место в этой реальности, верней, отсутствие места. Значит ли это, что он ненавидит новую среду? Нет, он констатирует ее приход и с самого начала отказывается от иллюзий относительно своего будущего. Чудо, что он дожил до января сорокового года.

И между тем эта реальность, с самого начала чужеродная, болезненно притягивала его — сначала как одиночку, тщетно встраивающегося в строй, потом только как литератора. Иначе откуда его поздний интерес к чекистам? Если за Конармией он еще по молодости лет был готов признавать подобие исторической правоты, если он изо всех сил пытался любоваться громадными телами

начдивов и их коней, если эти мускулистые кентавры поначалу вызывали у него, хилого и болезненного, некую восторженную зависть, — то уж в окружении Ежова любоваться было явно нечем. Он собирал материал для романа. Это и погубило все его рукописи — чекисты их уничтожили, по всей вероятности.

Из того, что было его позором и отчаянием во времена «Конармии», он сделал всю свою последующую прозу. Дело даже не в том, что его, как писателя, привлекали коллизии определенного рода — «кровь, слезы, сперма», по определению В.Полонского, — и уж никак не в том, что Бабель намеренно гонялся за масштабными сюжетами и большими страстями. Он интуицией, безошибочным своим нюхом выбирал те ситуации и ту среду, в которой был наиболее чужероден. Чекисты и Бабель? Да это Каин и Авель! Столь же чужероден, несливаем, отделен был он в украинской деревне — и именно туда в начале тридцатых поехал писать о коллективизации. Что все это было — судьба, швырявшая литератора в «гущу жизни»? У нас эти разговоры о гуще обожали. Между тем никакая судьба его никуда не швыряла — Конармии он мог избежать, с чекистами не дружить, а на Украину в начале тридцатых его, классика, вообще никто не гнал.

Наконец, никто силком не загонял двадцатилетнего еврея, в детские годы не говорившего по-русски, в русскую литературу, где он был и остался чужаком со своей уникальной манерой, доступной только литератору с принципиально иным опытом, с многовековой традицией отдельности в генах. Бабель стал первым евреем в русской прозе именно потому, что был в ней наиболее последовательным чужаком, сперва стремившимся преодолеть это инородство и носящим его как вину, но потом осознавшим как уникальную повествовательную роль.

Поэтому у Бабеля нет правых и виноватых. Он — гость, странник, могущий позволить себе роскошь объективности. Он ни на чьей стороне — и никто, пожалуй,

Исаак Бабель с отцом

после него не реализовал эту мучительную возможность с таким блеском. Единственный аналог — позиция Мандельштама, который, тем не менее, до конца дней не отказывался от надежды слиться со своей страной. Мандельштам пытался даже увидеть чудодейственный промысел в том, как эта страна его не любила, не прочла и воспитывала. Периоды гордого нищенского отщепенства чередовались у него с тоской «усыхающегося довеска», с ломкой себя, со «Стансами» и «Одой», которую он сам впоследствии называл болезнью. У Бабеля ничего этого нет — даже в «Конармии» этот опыт уже отрефлексирован и описан как далекое прошлое. Он выбирает темы, обреченные на официальное одобрение, — коллективизация, гражданская война, чекисты, — но приходит к этим темам, в этот материал как заведомый чужак. Он не только не чувствовал себя частью этого народа — в поздних рассказах «Конармии» он всячески подчеркивает свою неслиянность с ним. «К вашему сведению, — сказал я, встретив Томилину в коридоре, — к вашему сведению, должен сообщить, что я окончил юридический факультет и принадлежу к так называемым интеллигентным людям»...

Дважды, только дважды в «Конармии» Бабель называет людей своими братьями. В первом случае речь идет об убитом поляке, во втором — об умирающем сыне раббы. Остальные — не братья ему. Случай уникальный. Мне могут напомнить о позиции Булгакова, тоже с гордостью носившего свой монокль и свое отщепенство. Но у Бабеля монокля не было. Были разночинские очки в стальной оправе. Не было у него и дворянского гонора, и интеллигентской среды, и белого прошлого. Он пришел ниоткуда и шел в никуда — этот страшный экзистенциальный опыт пустоты дал нам его прозу, полную жажды братства и пронизанную ясным осознанием его недостижимости: чужому не остается ничего, кроме всевидения и всеведения. Он лишен религиозных, национальных, культурных утешений. Он брошен в мир. Этот мир враждебен, он отторгает его — и оттого находит в нем самого честного свидетеля.

Каин — не брат Авелю. Осознание родства для Авеля мучительно. Он готов проклясть себя за соучастие в той жизни, которую установил на земле Каин. Он может пережить пару десятков лет путем компромисса, изгнания, скрывности; но рано или поздно его настигнут.

Коллизия народа и интеллигента решена у Бабеля однозначно и задолго до всех диссидентских метаний послеоттепельного периода. Все видеть, никого не винить и никогда не пытаться стать частью народа — вот единственно достойный выход. Наши мастера культуры слишком долго думали, с кем они. Трагедию своей вины они превращали в доблесть, никак не желая согласиться на отщепенство, отдельность, неучастие. В жертву приносились далеко не только гуси. Но все эти гуси Рима не спасли: чужие не только не стали своими, но еще и скомпрометировали себя в глазах народа — унижением, заискиванием, подхалимажем.

Бабель заповедал нам другой путь. По этому пути могут идти только одиночки. Вот почему у нас нет подлинной литературы о народе. О нем могут писать лишь литераторы, равные ему в амбивалентности, в отсутствии тенденции, — Толстой, Бабель, Трифонов. Они — замкнутые системы, ни прибавишь ни убавишь. Комментировать их так же безнадежно, как отыскивать тенденцию в жизни, в ходе вещей, уверяя, что жизнь направлена к прогрессу (регрессу), что в ней преобладает доброе (злое)... Да ничего в ней не преобладает. Все есть. Все, кроме направления, оценки, расстановки сил.

Мыслить в категориях «хорошо» — «плохо» применительно к историческому процессу нельзя. В лучшем случае можно говорить «нравится» — «не нравится». А в остальном — только «избежно — неизбежно», «органично — неорганично». Законы жизни отнюдь не совпадают с законами морали, и даже частные случаи наказуемости зла ничего тут не меняют. Бабель видел другие законы. Он знал, что никаким рацио народ не постигается, что никаких конкретных виновников в его бедствиях найти нельзя. Можно говорить только о том, как «скрипит и течет» сердце, обогрешное убийством. Но это сердце повествователя. Который и есть, в конечном ито-

ге, главная фигура в творчестве Бабеля, а никакие не конармейцы.

Я намеренно мало говорю здесь об «Одесских рассказах» — рядом с «Конармией» даже лучшие из них выглядят игрой гения, стилистическим упражнением. Одесская одиссея Бени Крика — «Король», «Как это делалось в Одессе» — лучше всего усвоилась массовым сознанием, поскольку читать это очень приятно, а никакого осмысления тут не требуется. Иное дело — сценарий и пьеса. «Беня Крик» и «Закат» — куда более серьезные вещи, чем «Одесские рассказы», и в мире налетчиков, который изображен в них уже без тени наивной романтизации, Бабель не менее чужак, чем в украинской деревне или в кругу чекистов. Тут Бенья совсем не сусален, куда более жесток и изначально обречен. Все попытки ставить «Закат» как мюзикл на тему «Семь-сорок» проваливаются. И в сценарии, и в пьесе мы имеем дело с трагедией, тема которой — все та же беспощадность и принципиальная внеморальность законов жизни. Это иммерсализм будущего, беспощадного к настоящему. Беня Крик должен победить своего отца. Революция должна победить самого Бенью Крика. «День есть день, и вечер есть вечер, евреи. Выпьем рюмку водки!»

Выпьем рюмку водки, евреи. Что нам еще делать, если все понятно?

Прав Мендель, влюбившийся в Маруську. Прав Бенья, избивший Менделя. Права революция, расстрелявшая налетчика Бенью. И лишь в последнем рассказе цикла — во «Фроиме Граче» — у Бабеля прорывается эта же правда. Фроим Грач гибнет, потому что ему нет места в новой жизни. А жизнь эта хуже любого налетчицкого быта. Бабель не прячется за трогательные детали и не ищет виноватых. Действует логика жизни. Ее расхождение с гуманистической, человеческой логикой Бабель и призван был зафиксировать.

Эту задачу он выполнил и за ее выполнение заплатил жизнью.

В русской литературе он остался одиночкой. Она никогда не откажется от поиска виновных, от тоски по единению, от попыток проследить в реальности людскую логику. Она слишком субъективна, чтобы органично принять в себя лаконичную, страшную, густую прозу Бабеля. Она слишком привыкла к тенденциозности, чтобы терпеть эту обжигающую Полную Правду.

К своему столетию Бабель подходит канонизованным, но эта канонизация особого толка. Как и при жизни, ему многое «прощается» за гениальность. Гениальность очевидна — перед нами стилистическое чудо, ярчайшее световое пятно, страшная плотность слов, густота красок, запахов и звуков. Осмысливать Бабеля по-прежнему никто не рвется — в нем видят данника абстрактного гуманизма, летописца жестокости. Мало кто считает нужным упомянуть, что и гуманизм свой Бабель считал обреченным и своей конечной правоты перед жестокостью жизни не чувствовал. Мы не привыкли к писателям, которые не считают себя ни праведниками, ни виновниками. Бабель был литератор пар экселянс. Он писал про жизнь, а не про ее смысл.

Для массовой культуры существует поставщик сюжетов из еврейско-налетчицкого быта, трактуемых в худших традициях кабацкой романтики, — не спасает ни замечательный сценарий Асара Эппеля в одном случае, ни чудесная игра Колтакова — в другом. Журнальные публицисты подверстывают Бабеля под свои позиции — поскольку жизнь, замкнутая в себе и полная взаимоисключающих тенденций, тоже может быть подверстана под любую концепцию и все равно будет неизмеримо шире нее.

Бабель стоит один. Без последователей, продолжателей и собеседников.

От его текстов хочется спрятаться. И только наедине с ними чувствуешь то неумолимое движение, которое и зовется ходом вещей и никак не желает интерпретироваться в терминах морали.

После этого можно закрыть книгу и поговорить о торжестве гуманизма.

ДИСКОТЕКА

ЛЮДМИЛА ПЕТРУШЕВСКАЯ

Карп дядя Сережа любил поговорить с молодежью о своих орденах, медалях и нагрудных знаках.

Но молодые, дети плотвы Клавы, в основном спрашивали у него, сколько стоит в зеленых та или иная медаль, а он отвечал, что а) не продает свою честь и б) только меняет на что-нибудь, и в) ему позарез нужен орден «Мать-героиня» высшей категории, от 20 детей и выше, редкая принадлежность.

Ребята плотвы Клавы, однако, были шустрые пацаны и как-то притаранили ему диск от колеса автомобиля неизвестной марки (дорогая вещь), но только в обмен на орден (они присмотрели себе «Дружбу народов», не слабо).

Карп дядя Сережа, волнуясь, продел голову в диск, как в воротник, засиял и тут же отстегнул детишкам орден (дружба народов, когда это было, всплакнул он, время-то летит, время!).

А сам, весь в слезах, поплыл в сверкающем диске, как ангел, но что-то не сработало, народ начал посмеиваться и крутить пальцем у виска, дядя Сережа не понимал юмора в чем дело.

Пришлось устроить стратегическую ревизию, стащить диск через жабры, и что обнаружилось?

Что карп дядя Сережа весь обвалился в сажу.

Поскольку обратная сторона выдавшего вида диска оказалась мохнатой и черной, как сапожная щетка Зиновья до облысения.

В результате жадный карп дядя Сережа вынужден был всю следующую неделю чиститься песком и мелким гравием, а диск он выкинул и больше на беседы с молодежью не покупался.

Дети же плотвы Клавы толкнули кинутый диск автомобилисту козлу Толику за двадцать пять зеленых (козел Толик нашелушил им с огорода зеленого горошку из стручков), и торжествующий Толик, как дурак, понес диск жене козе Марье, в результате к вечеру в доме была большая стирка, козлята сидели в тазах с черной мыльной водой, а диск был ловко запущен в козла Толика, который, хоть и находясь в саже по брови, от диска чудесным образом отмахнулся.

И что же опять-таки оказалось?

Что жук-солдат Андреич в сцеплении с женой Веркой, как всегда, нашли диск в чистом поле и устроили себе под этим сияющим (снаружи) куполом поселок гортипа Черный, дом молодежи с мужским стриптизом и рестораном «Каннибал», а также публичный дом, в котором имелось два входа: «Здесь будет город-сад» и «Здесь будет город-маз».

А на облысевшей под корень сапожной щетке Зиновье у них был туалет на тридцать очков в шахматном порядке, дверь оторвана.

Все как у людей.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ИГОРЯ ИРТЕНЬЕВА

Про Петра

Опыт синтетической биографии

Люблю Чайковского Петра!
Он был заядлый композитор,
Великий звуков инквизитор,
Певец народного добра.

Он пол-России прошагал.
Был бурлаком и окулистом.
Дружил с Плехановым и Листом.
Ему позировал Шаггал.

Он всей душой любил народ,
Презрев чины, ранжиры, ранги,
Он в сакли, чумы и яранги
Входил, простой, как кислород.

Входил, садился за рояль
И нажимая на педали,
В такие уносился дали,
Какие нам постичь едва ль.

Но точно зная, что почем,
Он не считал себя поэтом
И потому писал душетом
С Модестом, также Ильичем.

Когда ж пришла его пора,
Что в жизни происходит часто,
Осенним вечером ненастным
Не досчитались мы Петра.

Похоронили над Днепром
Его под звуки канонады,
И пионерские отряды
Давали клятву над Петром.

Прощай, Чайковский, наш отец,
Тебя вовек мы не забудем,
Спокойно спи на радость людям,
Нелегкой музыки творец.

Живописные серенады Рашида Доминова

Санкт-Петербург, в котором сегодня живет наш герой, не является средней географической точкой между устьем Волги, где располагается город Астрахань (родина художника), и Италией. Но, несмотря на частую серость балтийского неба, а точнее, вопреки этой серости и сырости, Рашид изображает на своих холстах солнечное каспийско-средиземноморское пространство, пронизанное теплом и светом.

Раннее итальянское Возрождение, Пьеро делла Франческа, светлая гамма чистых сияющих красок со студенческих лет волнуют этого живописца, который мог бы, лишь слегка изменив географию, повторить слова ссыльного Мандельштама:

*Где больше неба мне —
там я бродить готов,
И ясная тоска меня
не отпускает
От молодых еще, воронежских
холмов
К всечеловеческим, яснеющим
в Тоскане.*

По образованию Доминов театральный художник. Его учитель — профессор института имени И.Е.Репина А.Сегал — с одобрением относился к первым творческим порывам прилежного студента и дарил ему кисти. Потом, сотрудничая в основном с режиссером В.Богатыревым, Доминов оформил спектаклей двадцать в российских провинциальных театрах. Сегодня театральные заботы отошли на второй план, уступив место живописи. Но театральное прошлое так или иначе напоминает о себе, нередко заставляя художника строить живописное пространство по сценическому принципу. «От увлечения театром, — пишет Доминов, — остались театральные композиции. Это станковые вещи вне времени и драматургической привязки. ...Почему

не пофантазировать, если «в театре все возможно»? Балконы, веранды, лестницы и другие отчетливо читающиеся архитектурные конструкции или детали пейзажа неизменно привлекают Рашида, склонного к особому рода живописной геометрии. Иногда подобное черчение кистью бывает даже нарочитым, но, как правило, живописец справляется с яркими пестрыми линиями, с различными вкраплениями и добивается необходимой гармонии.

Наиболее частые герои его картин — музыканты и птицы. Нередко рядом с птицей или ее тенью соседствует яблоко или иной плод. На мой вопрос, почему возникают именно такие сочетания, художник ответил, что еще со времен занятий в студии Дворца пионеров ему часто приходилось изображать одну и ту же традиционную постановку — чучело птицы и яблоко. Что же касается музыкантов, то это прекрасные итальянские гости. Причем совсем нередко грациозные пышноволо-

дые юные создания с дудочкой, лютней или скрипкой в руках появляются на высоких берегах Волги или на фоне иного провинциального пейзажа, точно так же, как татарская метель или красиво очерченный кистью персонаж восточной миниатюры может явиться среди роскошной итальянской природы. Доминов в этом плане позволяет себе полную свободу передвижения в евроазиатском пространстве. И он, разумеется, прав, так как культура едина и не знает границ, в том числе и во времени. Помимо постоянных героев есть у художника и постоянное пристрастие к изображению солнечного света и прозрачной цветной тени. Насыщенные холодные и горячие краски передают то праздничную атмосферу летнего дня, то таинственный сумрак южного вечера или ночи.

Рашид часто пишет своих родных и близких. Среди лучших картин этого ряда — картина «Ожидание», где изображена фигура матери, стоящей на веранде на

фоне огромной зеркальной глади воды и розово-золотого закатного неба. Суриков когда-то сказал, что колорит в живописи равен любви, и наш современник в этой и многих других картинах сумел справиться с труднейшей эстетической задачей.

Меньше удаются Доминову конкретные пейзажи и достопримечательности. Так, например, петербургское окружение не всегда превращается под его кистью в поэтические живописные метафоры времени и пространства. Видимо, астраханские воспоминания или итальянские грезы — это более благодатный материал для его творчества, так как предполагает необходимое отдаление от предмета изображения. В то же время какое-то сложное опосредованное влияние город белых ночей на Рашида все же оказывает. Видный из окон мастерской Финский залив, мощное струение Невы, тихие воды каналов — все это (вместе, разумеется, с волжским прошлым) связано с изобилием речных и морских вод на просторных картинах художника. Говоря о просторности, я не имею в виду размеры картин. Их формат может быть и весьма скромным, но внутренний поэтический и музыкальный простор остается.

Давно определившийся в своих стилистических пристрастиях и темах, Рашид Доминов представляется мне сегодня романтическим персонажем итальянского театра, где он сам себе отвел роль героя, юношеского серенады спасительной красоты мира. Если кто его и перебивает во время этого пения, так только им же почитаемые птицы, свободно перелетающие с волжских берегов в далекие теплые страны.

Вильям МЕЙЛАНД

Мелодия
1988

Рашид
Доминов

АРТ САЛОЧ

Провинция
1989

Наличные деньги могут остаться лишь на полотнах старых мастеров да в нашей памяти

Ведь теперь у нас есть банковские карточки STB-card

Адрес: Москва, 113095, ул. Пятницкая, 72.
Телефоны: (095) 236-81-80, 236-80-57. Факс: 236-83-20.
Телекс: 411913 SBANK SU. Телегайн: 114250 СМОЛЯК